

Министерство образования и науки Российской Федерации
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ»

**ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ПЕРЕВОДА
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА**

Учебно-методическое пособие

Москва
ИПК МГЛУ «Рема»
2010

УДК 811

ББК 81.2-Англ.

П84

Учебно-методическое пособие подготовлено в рамках реализации «Плана мероприятий по обеспечению подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама» в 2010 году

Авторский коллектив:

Д. М. Бузаджи, В. К. Ланчиков, А. С. Маганов, Т. А. Зотина

Рецензент

канд. филол. наук, доцент Е. М. Солнцев

Профессиональная компетенция преподавателей перевода английского языка: Учебно-методическое пособие / Д. М. Бузаджи и др. – М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2010. – 240 с.

ISBN 978-5-88983-346-8

Учебно-методическое пособие предназначено для повышения квалификации преподавателей перевода в высших исламских учебных заведениях. Пособие включает в себя три раздела: теоретический, где излагаются основные принципы современного лингвистического переводоведения; методический, содержащий рекомендации для преподавателей по организации учебной работы, примерную систему критериев оценки качества перевода и модельный тест по теории, истории и практике перевода; а также практический, в состав которого вошел сборник текстов для практических занятий и англо-русский глоссарий по исламу и мусульманской культуре.

УДК 811

ББК 81.2-Англ.

ISBN 978-5-88983-346-8

© Московский государственный
лингвистический университет, 2010

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящее пособие предназначено для повышения квалификации преподавателей перевода в высших исламских учебных заведениях. Структурно пособие включает в себя три основных раздела:

1. «Основы лингвистической теории перевода»;
2. «Методические основы преподавания перевода»;
3. Сборник текстов для практических занятий по переводу с английского языка на русский с глоссарием.

В первом разделе излагаются основные теоретические принципы современного переводоведения, а также описаны основные приемы, применяемые в ходе практической переводческой деятельности. Следует отметить, что авторы, оставаясь в русле традиций отечественной лингвистической теории перевода, не ограничиваются изложением концепций классиков российского и зарубежного переводоведения, а предлагают свой комплексный подход к решению фундаментальных проблем общей и частной теории перевода.

Основное внимание в этом разделе уделяется базовым понятиям переводоведения, таким как перевод (и его отличие от других видов межъязыкового посредничества), инвариант перевода, эквивалентность, спектр языка и т. п. Задача этого раздела – в максимально сжатой и в то же время доходчивой форме познакомить читателей с важнейшими проблемами переводоведения, помочь им сформировать теоретически корректный и практически обоснованный подход к решению широкого спектра переводческих задач и облегчить им дальнейшее повышение квалификации за счет самостоятельной работы с источниками (чему также способствует приведенный в конце раздела список рекомендуемой переводоведческой литературы на английском и русском языках).

Кроме того, в разделе рассмотрены более частные, но неизменно актуальные при выполнении любых видов перевода вопросы сочетаемости и переводческих трансформаций.

Во втором разделе описаны методические приемы и даны рекомендации, позволяющие выработать у учащихся знания, умения и навыки, необходимые для осуществления переводческой деятельности, приведены критерии оценки качества перевода и модельный тест по теории, истории и практике перевода с ключами. Положения, излагаемые в этом разделе, апробированы многолетней практикой

< 3 >

преподавания в Московском государственном лингвистическом университете (а ранее – МГПИИЯ им. Мориса Тореза).

Этот раздел имеет преимущественно практическую направленность, поэтому авторы в первую очередь стремились познакомить коллег с хорошо зарекомендовавшими себя способами организации преподавательской деятельности, не углубляясь в методико-теоретические основы предлагаемых здесь рекомендаций. Особого внимания заслуживает представленная в этом разделе классификация переводческих ошибок, полезная как для разработки оценочных показателей в рамках рабочих программ учебных дисциплин, так и для теоретического осмысления переводческой деятельности в целом.

Включенный в этот раздел модельный тест по теории, истории и практике перевода представляет собой опыт новаторского подхода к организации контроля студентов-переводчиков. Он отличается многоаспектностью и простотой проверки, присущими типичным тестовым заданиям, но при этом более объективен.

Заключительный раздел включает в себя сборник текстов, которые могут использоваться на занятиях по переводу с английского языка на русский, а также для организации промежуточного контроля. Тексты подобраны с учетом специфики исламских учебных заведений и расположены в порядке возрастания сложности.

Настоящая подборка текстов дает преподавателям широкие возможности для выбора материала с расчетом на конкретный учебный курс, уровень подготовки студентов и т. п. Так, многие тексты могут быть предложены для перевода в сокращенном виде, а их значительное количество позволяет варьировать материал для перевода по мере необходимости. Кроме того, взяв функционально-стилистические характеристики предложенных в данном сборнике текстов за образец, преподаватели перевода могут сами пополнять запас рабочих текстов с учетом своих нужд.

Раздел завершает англо-русский глоссарий по исламу и мусульманской культуре, который может быть использован при работе с учебными текстами.

Работа авторского коллектива над пособием распределялась следующим образом:

- Раздел 1: Д.М. Бузаджи, В.К. Ланчиков (а также А.С. Маганов в части, касающейся переводческих трансформаций);
- Раздел 2: Д.М. Бузаджи, В.К. Ланчиков;
- Раздел 3: Д.М. Бузаджи, В.К. Ланчиков (сборник текстов), Т.А. Зотина (глоссарий);
- Координация работы и общая редакция текста – В.К. Ланчиков.

< 4 >

I. ОСНОВЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА

Знакомству со всякой практической дисциплиной (в нашем случае с практикой перевода, а также с ее преподаванием) предшествует ознакомление с теоретическими основами этой дисциплины. Поэтому в этом разделе мы рассмотрим сущность, механизмы и приемы перевода, а затем остановимся на некоторых методических вопросах преподавания перевода.

1. Сущность перевода

Среди специалистов нет единого, более или менее устраивающего всех взгляда на то, что составляет самый предмет переводоведения, – на сущность перевода. Э.-А. Гутт, цитируя Л. Зёлля, указывает на то, что¹ «историю теории перевода можно представить как обсуждение различных значений слова “перевод”»². И действительно, если сравнить определения перевода из разных эпох, можно увидеть, как со сменой доминирующих

¹ Здесь и далее при цитировании иноязычных источников перевод цитат выполнен авторами настоящего пособия.

² Gutt E.-A. Pragmatic Aspects of Translation: Some Relevance-Theory Observations // The Pragmatics of Translation / Ed. by Leo Hickey / Topics in Translation: 12. – Clevedon, Philadelphia, Toronto, Sydney, Johannesburg: Multilingual Matters LtdB, 1998. – p. 47.

научных течений, а в какой-то степени и под влиянием научной моды менялись подходы к определению центрального понятия переводоведения.

Так, попытки подвести под теорию перевода структурно-лингвистическую основу привели к возникновению, например, таких определений: «Переводом называется процесс преобразования речевого произведения на одном языке в речевое произведение на другом языке при сохранении неизменного плана содержания, то есть значения»³. Влияние теории информации заметно в следующем определении И. Левого: «Перевод есть передача информации, точнее сказать переводчик дешифрует информацию оригинального автора, содержащуюся в тексте его произведения, перевыражая

< 5 >

(вновь зашифровывая) ее в системе своего языка, а информацию, содержащуюся в его тексте, вновь декодирует читатель перевода»⁴. На более современном этапе увлечение дескриптивным подходом и перенос основного внимания с отношений между оригиналом и переводом на сам перевод как объект исследования привело, по словам Э. Честермана, к тому, что «перевод понимается так, как его понимает культура данного переводящего языка в данный период времени»⁵. Так, А. Б. Хатим и Д. Манди определяют перевод как «1. Процесс переноса письменного текста из ИЯ в ПЯ, осуществлённый переводчиком или переводчиками в специфическом социокультурном контексте. 2. Письменный продукт, или ТП, полученный в результате этого процесса и функционирующий в социокультурном контексте ПЯ. 3. Когнитивные, языковые, визуальные, культурные и идеологические явления, представляющие собой неотъемлемую часть 1 и 2»⁶.

Одним из главных вопросов в этой связи остается следующий: должен или нет в определении перевода фигурировать качественный момент? Может ли определение содержать в себе требования к переводу, указания на то, что из себя должен представлять хороший перевод или же определение должно подходить ко всем без исключения переводам вне зависимости от их качественного уровня? Многие современные исследователи высказываются за «бескачественное» определение. Например, В.В. Сдобников и О.В. Петрова отмечают: «Вторым несомненным недостатком ранних определений перевода можно считать то, что... всякое подобное определение является не определением “перевода вообще”, а определением качественного, хорошего перевода»⁷.

С одной стороны, такой подход логичен: строго говоря, и плохой перевод является переводом, а значит, должен подпадать под предлагаемое определение, поскольку вряд ли возможно убедить

< 6 >

³ Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). – М.: Междунар. отношения, 1975. – С. 11.

⁴ Левый И. Искусство перевода. – М.: Прогресс, 1974. – С. 49.

⁵ Chesterman A. Memes of Translation: The Spread of Ideas in Translation Theory. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1997. – p. 37.

⁶ Hatim B., Munday J. Translation: An Advanced Resource Book. – London: Routledge, 2004. – p. 6.

⁷ Сдобников В.В., Петрова О.В.. Теория перевода. – М.: АСТ: Восток-Запад; Владимир: ВКТ, 2008. – С. 87.

теоретиков и практиков перевода называть плохие и посредственные переводы не переводами, а каким-либо другим термином. С другой стороны, не стоит забывать о том, что любая дефиниция, определяющая некое понятие с точки зрения его функции, обязана быть качественной. Так, думается, никого не смутит следующее определение понятия «автомобиль» – «самоходная машина с двигателем внутреннего сгорания для перевозки пассажиров и грузов по безрельсовым дорогам»⁸. Однако, если присмотреться, это тоже дефиниция не «автомобиля вообще», а «качественного, хорошего автомобиля», поскольку она отказывает в звании автомобиля всем агрегатам, не способным перевозить пассажиров и грузы, даже если их производитель или потенциальный пользователь считает их таковыми.

Э. Честерман, продолжая излагать взгляды переводоведов-дескриптивистов (к числу которых относится и он сам), указывает: «Таким образом, перевод – это любой текст, который в данной культуре считается переводом, даже если это “плохой” перевод... Некоторые исследователи считают такое отношение к понятию “эквивалентность” несколько пренебрежительным, но зато оно реалистично и прагматично и благодаря ему понятие “перевод” можно распространить на гораздо большее число текстов»⁹.

Понятия эквивалентности, которое, судя по многим работам, в англоязычной переводоведческой литературе стало ассоциироваться с чем-то безнадежно отсталым и антинаучным, мы рассмотрим далее, но пока лишь подвергнем сомнению постулат о том, что вышеизложенный подход реалистичен. Определение перевода не от содержания текста перевода (ТП) и не от его отношения к тексту оригинала (ТО), а от восприятия в культуре переводящего языка (ПЯ) неудобно, во-первых, тем, что делает невозможным квалификацию переводов, по тем или иным соображениям издававшихся без указания автора или под видом оригинальных произведений на ПЯ. Исходя из подобного определения, их необходимо априори считать «непереводами», даже если сопоставительный анализ однозначно указывает на то, что произведение на ПЯ создавалось в полном соответствии с характеристиками текста на ИЯ.

< 7 >

Во-вторых, непонятно, как в принципе отличить неопубликованный и не получивший известности перевод от переделки, или, используя термин В.Н. Комиссарова, результата адаптивного транскодирования, ведь, например, на этапе принятия решения о публикации текста еще невозможно судить об общекультурной реакции на него. Подход Г. Тури, предполагающий «отказ от априорных суждений о том, что представляет собой перевод, что он должен собой представлять и в каких отношениях он должен находиться к оригиналу»¹⁰, возможно, хорош для кабинетного ученого, интересующегося переводом исключительно с теоретических позиций, но совершенно неприемлем для заказчика или редактора переводов.

И тем более невозможно руководствоваться дескриптивным определением преподавателю перевода, если только его педагогическая деятельность не сводится к одинаковому одобрению любых ответов и вариантов. Применять дескриптивный подход к оценке работ людей, пока объективно не обладающих профессиональными знаниями,

⁸ Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. – СПб.: Норинт, 2000. – С. 27.

⁹ Chesterman A. Указ. соч. – С.37.

¹⁰ Routledge Encyclopedia of Translation Studies / Ed. by Mona Baker. – London, New York: Routledge, 2001. – p. 163.

умениями и навыками, – значит низводить перевод до уровня дилетантского бытового занятия, а переводоведение – до уровня соцопросов.

Строго говоря, даже опубликованный художественный перевод – не говоря уже о, например, имеющем внутриведомственное хождение переводе документа – нельзя оценивать с точки зрения реакции на него всех носителей культуры ПЯ. В любом случае знать о существовании некоего перевода и считать его таковым будет лишь ограниченное и подчас весьма малое число людей. Поэтому, думается, Э. Честерман, излагая взгляды дескриптивистов, на самом деле имел в виду не совсем то, что сказал: видимо, переводом предлагается называть не «любой текст, который в данной культуре **считается** переводом», а любой текст, который в данной культуре **может считаться** переводом.

В какой-то степени этот вывод подкрепляет следующий пассаж: «Так значит, переводом может быть все что угодно? Конечно, нет. Тури... предлагает три условия, или «постулата», без наличия которых мы не можем с полным основанием назвать некий текст переводом. Эти условия заключаются в том, что а) существует или

< 8 >

существовал текст оригинала, т.е. другой лингвистический продукт, созданный, как правило, на другом языке; б) наш предполагаемый перевод получился из текста оригинала путем переноса и в) между текстом оригинала и текстом перевода существуют интертекстуальные отношения»¹¹.

Далее Честерман справедливо отмечает, что наиболее проблематичным из этих постулатов является третий, и указывает на то, что ответы на вопрос об отношениях между ТО и ТП давались в разное время и в разных странах самые разные. В итоге исследователь предлагает следующую трактовку: «Самое важное положение в концепции Тури, с которым я вполне согласен, заключается в том, что точные параметры требуемых интертекстуальных отношений устанавливаются в ходе переводоведческих исследований определенного типа... а не задаются в начале этих исследований как априорное определение... Минимальное требование [к переводу – Д.Б., В.Л.] состоит в том, чтобы текст претендовал на статус перевода и принимался в культуре переводящего языка (заказчиком и/или читателями) в качестве такового, чтобы текст считался соответствующим доминирующим переводческим нормам. Если следовать этой логике, границы понятия «перевод» в конечном счете определяются не каким-то неотъемлемым внутренним содержанием этого понятия, а тем, как представители данной культуры пользуются этим понятием»¹².

Итак, получается, что даже дескриптивно определенный перевод должен укладываться в рамки, «норм», которые, согласно Э. Честерману, представляют собой некую обычную практику, о которой все знают, с которой все считаются и которую признают положительной¹³. Таким образом, несмотря на постулат об отсутствии изначально заданных требований к переводу, мы пришли к тому, что такие требования все-таки есть, только задавать их должны не некие авторитеты (что немислимо для постмодернистски настроенного исследователя, крайне остро реагирующего на все, что связано с идеей власти), а как бы сама практика выполнения переводов в данной культуре в данное время.

¹¹ Chesterman A. Указ. соч. – С. 62.

¹² Chesterman A. Указ. соч. – С. 62–63.

¹³ Chesterman A. Указ. соч. – С. 55.

Поскольку мы ничего не знаем о каких-либо попытках провести в нашей стране и в наше время сколько-нибудь репрезентативные исследования «культурно признанных» переводов текстов разных стилей, жанров и тематик с целью установления доминирующих переводческих норм, а определение перевода, как было показано выше, все-таки необходимо, мы далее возьмем на себя смелость сформулировать такое определение самостоятельно. Более того, мы выдвинем предположение, что, если такое исследование когда-нибудь будет проведено, то его выводы в противоречие с нашим определением не придут.

Весьма интересным для нашего доклада является определение перевода, предложенное В.Н. Комиссаровым в работе «Теория перевода (Лингвистические аспекты)». Мы полагаем, что в отечественном переводоведении на сегодняшний день это одно из наиболее полных, логичных и популярных определений. И все же, на наш взгляд, и оно не лишено внутренней противоречивости. Приведем довольно пространную цитату:

Задача перевода – обеспечить такой тип межъязыковой коммуникации, при котором создаваемый текст на языке Рецептора (на «переводящем языке» – ПЯ) мог бы выступать в качестве полноценной коммуникативной замены оригинала и отождествляться Рецепторами перевода с оригиналом в функциональном, структурном и содержательном отношении.

Функциональное отождествление оригинала и перевода заключается в том, что перевод как бы приписывается автору оригинала, публикуется под его именем, обсуждается, цитируется и пр. так, как будто он и есть оригинал, только на другом языке,

Содержательное отождествление оригинала и перевода заключается в том, что Рецепторы перевода считают, что перевод полностью воспроизводит содержание оригинала, что в нем передается то же содержание средствами иного языка.

Структурное отождествление перевода с оригиналом заключается в том, что Рецепторы перевода считают, что перевод воспроизводит оригинал не только в целом, но и в частностях. Предполагается, что переводчик точно передает структуру и порядок изложения содержания в оригинале, не позволяет себе что-либо изменить, исключить или добавить от себя. Количество и содержание разделов и других подразделений текста в оригинале и переводе должно совпадать. Если в оригинале какая-то мысль высказана в начале второго раздела, то и в переводе она должна быть обнаружена на том же месте и т. д. Если переводчик и позволяет себе какие-то отступления в отношении

частных деталей структуры текста, то лишь для того, чтобы точнее передать содержание оригинала.

Таким образом, *перевод* можно определить как вид языкового посредничества, при котором на ПЯ создается текст, коммуникативно равноценный оригиналу, причем его коммуникативная равноценность проявляется в его отождествлении Рецепторами перевода с оригиналом в функциональном, содержательном и структурном отношении. Для пользующихся переводом он во всем заменяет оригинал, является его полноправным представителем. Коммуникативный подход к переводу – ведущий принцип современной теории перевода¹⁴.

¹⁴ Комиссаров В.Н. Теория перевода (Лингвистические аспекты). – М.: Высшая школа, 1990. – С. 43–45.

При внимательном прочтении этого фрагмента можно заметить определенную двусмысленность в том, что касается отправной точки данного определения: не вполне ясно, является ли критерием восприятие рецептора или все-таки характер самого ТП? В пользу первой трактовки говорят такие обороты, как «отождествляются Рецепторами» «перевод как бы приписывается автору», «Рецепторы перевода считают». Но в этом случае сомнительным представляется ключевое положение о том, что «коммуникативная равноценность проявляется в его [текста на ПЯ – Д.Б., В.Л.] отождествлении Рецепторами перевода с оригиналом в функциональном, содержательном и структурном отношении».

Ведь, строго говоря, в таком отождествлении может проявляться не коммуникативная равноценность ТО и ТП, а, например, рекламные усилия издателя. Если издатель художественного перевода сможет убедить читателей, что он издал именно произведение конкретного иностранного автора, не исказив содержания этого произведения и не изменив его структуру (а все это читатель предполагает априори, увидев на обложке соответствующую фамилию), то текст на ПЯ, конечно, в каком-то смысле станет коммуникативной заменой оригиналу, но при этом может представлять собой все что угодно: от краткого пересказа, до радикальной переделки. И в этом случае все развернутое, подробное определение В.Н. Комиссарова сведется к одной простой фразе: «Перевод можно определить как вид языкового посредничества, при котором на ПЯ создается текст, воспринимаемый Рецепторами перевода как перевод».

< 11 >

Думается, однако, что В.Н. Комиссаров не имел этого в виду и все же учитывал сущностные характеристики самого ТП. Такое соображение подтверждает, например, объяснение «структурного отождествления», которое начинается с модальности вероятности и заканчивается модальностью обязательности: «**предполагается**, что», «количество и содержание... **должно** совпадать», «в переводе она **должна быть**» и т. д. Эти нестыковки и создают ту двусмысленность, о которой мы говорили выше.

Хотя в процитированном выше определении В.Н. Комиссарова напрямую этого не говорится, но идея коммуникативной замены оригинала переводом в культуре ПЯ зачастую осмысливается как предполагаемое соответствие коммуникативных эффектов, производимых ТО на носителей ИЯ и ТП на носителей ПЯ соответственно. Однако, как справедливо отмечает В.В. Сдобников, такое совпадение при переводе многих категорий текстов невозможно в принципе: «Примером может служить перевод “Геттисбергской речи” Авраама Линкольна. Речь была обращена к современникам Линкольна – американцам... и имела вполне определенную цель, определяемую историческими условиями того времени в США... Вполне очевидно, что просто невозможно ожидать от современных нам получателей перевода этой речи на русский язык той же внутренней реакции, которую явили слушатели Линкольна, собравшиеся на открытии Геттисбергского кладбища»¹⁵.

Приняв в расчет все вышеупомянутые факторы, мы постараемся дать переводу более логичное определение, имеющее в первую очередь **практическую** направленность. Для начала необходимо оговориться, что мы будем определять перевод на основе сущностных характеристик самого ТП и его отношения к ТО. Можно сколько угодно говорить о том, что перевод как процесс и явление включает в себя множество культурных, социологических, психологических, юридических, коммерческих и других

¹⁵ Сдобников В.В. Коммуникативный эффект в двуязычной коммуникации: уточнение понятия – в печати.

факторов, но они представляют интерес не сами по себе а лишь в той степени, в которой они способствуют (или противодействуют) созданию ТП с определенными характеристиками.

< 12 >

В то же самое время во взглядах Г. Тури и его теории переводческих норм совершенно справедливым представляется указание на изменчивость требований к переводу в различных культурах и эпохах. Поэтому мы предложим определение перевода, применимое к современной эпохе и к самому широкому ряду культур, находящихся на высокой ступени промышленно-технического развития. Мы полагаем, что уже в силу высокой интенсивности культурных, политических, деловых и прочих контактов между представителями этих культур, в том числе и осуществляемых с помощью перевода, было бы странно, если бы в понимании перевода в этих культурах существовали принципиальные различия.

Еще одно предварительное замечание касается универсальности искомого определения. Многие западные переводоведы явно или косвенно сужают область применения своих определений и теорий до перевода художественной литературы. «Прискорбно, что теорию перевода и сегодня зачастую понимают – безо всяких на то оснований – исключительно как набор теорий художественного перевода», – отмечает Э. Честерман¹⁶. С такой оценкой нельзя не согласиться и не только потому, что положения, верные только для определенного материала, не могут претендовать на статус общетеоретических. По причинам достаточно очевидным, подробно излагать которые здесь было бы нецелесообразно, перевод художественной литературы является наиболее благоприятным материалом для создания субъективных, умозрительных, даже радикальных теорий, нежизнеспособность которых было бы легко продемонстрировать, применив их к более утилитарным текстам.

У классиков отечественного переводоведения, таких как А.В. Федоров, Я.И. Рецкер, Л.С. Бархударов, А.Д. Швейцер и др., наоборот, видим стремление выработать теорию перевода (по крайней мере, письменного) в целом, пригодную для описания сопряженных с переводом процессов и явлений вне зависимости от жанрово-стилевой принадлежности конкретного переводимого материала. Нам представляется, что этот подход гораздо продуктивнее и объективнее, и при формулировке нашего определения мы будем придерживаться именно этого, обобщающего взгляда на теорию перевода.

Весьма интересной для нашего исследования является концепция перевода Э.-А. Гутта, основанная на теории релевантности

< 13 >

Д. Спербера и Д. Уилсон. «В свете этой концепции, перевод – это прежде всего текст на другом языке, используемый интерпретативно по отношению к тексту оригинала... Так же, как в одноязычной коммуникации, общий вывод из текстов оригинала и перевода достигается путем интерпретации их семантических репрезентаций и контекстуальных допущений, выбранных из когнитивной среды в соответствии с принципом

¹⁶ Chesterman A. Указ. соч. – С. 30.

релевантности. Этот основной принцип объясняет как сущность перевода, так и источник его верности оригиналу, поскольку перевод рассматривается как часть психической деятельности человека, основанной на релевантности и интерпретативном использовании языка»¹⁷.

Таким образом, «основным отношением между переводом и оригиналом является отношение интерпретативного подобия, которое мы, в свою очередь, определили как наличие в обоих текстах общих экспликатур и имплицатур»¹⁸. Т.е. исследователь приравнивает перевод к таким видам речевой деятельности, как пересказ, а взамен понятия «эквивалентность» предлагает «интерпретативное подобие». Однако такой подход приводит Э.-А. Гутта к выводу о том, что провести границу между переводом и «непереводом» невозможно в принципе: «По сути интерпретативное подобие выражается неким числом в промежутке от нуля совпадающих экспликатур и имплицатур до полного совпадения всех экспликатур и имплицатур. И если согласиться с этой концепцией, то у нас нет никаких оснований предполагать, что на этой шкале можно объективно установить точку, разделяющую переводы и “непереводы”... Приняв все это во внимание, мы приходим к выводу о том, что вряд ли когда-нибудь появится более или менее четкое определение перевода, которое получит всеобщее признание»¹⁹.

В позиции Гутта есть один изъян: неразличение плохих переводов и (возможно, хороших) «непереводов». И, по сути, он констатирует не невозможность разграничить переводы и тексты, переводами не являющиеся, а невозможность объективно установить границу между переводом посредственным, но приемлемым и переводом неприемлемым.

< 14 >

И хотя Гутт, возможно, прав в том, что определение перевода, с которым согласятся все или большинство, маловероятно, мы все-таки попробуем предложить свой вариант.

Переводом мы предлагаем считать текст на переводящем языке, призванный воспроизвести максимум коммуникативно релевантной информации, содержащейся в тексте на исходном языке, с учетом ее относительной коммуникативной ценности.

Ниже мы поясним отдельные компоненты этого определения.

Сразу отметим, что определение перевода как текста, а не как процесса в данном случае принципиального значения не имеет. Мы исходим из того, что в переводоведческой литературе понятие «перевод», как правило, обозначает и процесс, и его результат и полагаем, что если переводу-тексту дается определение «х», то перевод-процесс следует понимать как «процесс, направленный на получение х», и наоборот.

Под коммуникативно релевантной информацией мы подразумеваем информацию, существенную для достижения целей коммуникации. Вообще, термин «релевантный» скорее поддается интуитивному пониманию, чем строгому определению. Так, В.Н. Комиссаров неоднократно пользуется этим словом и даже определяет с его помощью буквальный перевод (как перевод «воспроизводящий коммуникативно нерелевантные элементы оригинала»²⁰), но определения релевантности не дает. И даже авторы теории релевантности Д. Спербер и Д. Уилсон делают оговорку, что объективного ответа на вопрос, какая информация является релевантной (какую информацию человек отбирает для обработки), а какая нет, может и не существовать.

¹⁷ Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. – М.: ЭТС, 2001. – С. 277.

¹⁸ Gutt E.-A. Указ. соч. – С. 48.

¹⁹ Gutt E.-A. Указ. соч. – С. 48.

²⁰ Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. – М.: ЭТС, 2001. – С. 407.

Однако в их интерпретации под релевантностью понимается следующее: «Есть старая информация, т.е. та, которая уже присутствует в представлениях данного субъекта о мире. Если только она не требуется для выполнения какой-либо конкретной когнитивной задачи (и при этом ее легче получить извне, чем извлечь из памяти), то такая информация не представляет ценности для обработки. Часть информации не только является новой, но и не имеет абсолютно никакой связи с представлениями субъекта о мире. К существующим представлениям ее можно добавить только в виде разрозненных фрагментов, а это, как правило, требует слишком больших затрат на

< 15 >

обработку при слишком маленькой выгоде. А еще часть информации, являясь новой, имеет связь со старой информацией. И когда эти два взаимосвязанных информационных комплекса, новый и старый, используются в качестве посылок в процессе умозаключения, появляется дополнительная новая информация, которую нельзя было бы получить без взаимодействия старой и новой посылок. Таким образом, если обработка новой информации дает подобный эффект прироста, мы называем эту информацию *релевантной*. Чем больше прирост, тем выше релевантность»²¹.

Таким образом, можно сказать, что релевантная информация в переводе – это **новая для рецептора информация о содержании и форме ТО, которая при этом имеет логическую связь с контекстом и обработка которой не сопряжена с чрезмерными затратами.**

Если вспомнить определение буквального перевода В.Н. Комиссарова, то можно его прокомментировать следующим образом. Буквальный перевод в нарушение нормы и/или узуса ПЯ передает формальные элементы ТО, не имеющие отношения к функции данного текста. Так, например, сохранение в переводе на русский порядка слов английского предложения (продиктованного не выбором автора оригинала, а нормой и узусом английского языка) зачастую ведет к нарушению актуального членения. Можно сказать, что такое сохранение информативно, поскольку дает читателю ТП некоторое представление об особенностях английского синтаксиса, однако подобная информация коммуникативно нерелевантна, поскольку не имеет связи с контекстом и вдобавок требует от читателя ТП значительных затрат на обработку. В функции текста не входило знакомить читателя с грамматическими явлениями английского языка, да и разбираться в этих явлениях по буквальному русскому переводу было бы трудно и непродуктивно.

Можно сказать, что и это определение релевантности не дает однозначного ответа на вопрос, какая именно информация является важной для целей коммуникации, и оставляет возможность для субъективных решений. Безусловно, это так. На наш взгляд, умение отличать коммуникативно релевантную информацию от нерелевантной

< 16 >

является одним из ключевых умений профессионального переводчика, и на овладение им уходят годы. Если бы отделить то, что подлежит передаче, от того, что передаче не подлежит, можно было легко и однозначно, профессия переводчика не требовала бы такой

²¹ Sperber D., Wilson D. *Relevance: communication and cognition*. – Oxford: Blackwell Publishing, 2002. – p. 48.

высокой квалификации и машинный перевод уже давно бы вытеснил человеческий. Более того, даже профессионалы высокого уровня могут расходиться друг с другом во взглядах на относительную релевантность того или иного элемента, в результате чего появляются переводы в равной степени удачные, но различающиеся реализованными в них стратегиями.

Тем не менее наличие пространства для творчества и проявления индивидуальности не означает полного релятивизма и анархии, и, на наш взгляд, принципы отбора релевантной для перевода информации задает, например, функционально-коммуникативная схема инварианта перевода (функция – информация – форма) в сочетании с теорией языковых спектров и учетом уровня конвенциональности текста, т.е. его положения на шкале «авторское – общеязыковое»²².

Эта же схема позволяет пояснить положение об «учете относительной коммуникативной ценности» информации из определения перевода. Смысл этого положения в том, что уровень коммуникативной релевантности информации может быть различным (вспомним, что Спербер и Уилсон связывают его с величиной прироста информации в результате взаимодействия релевантной информации и той, что уже была в сознании субъекта). Задача переводчика заключается в том, чтобы не просто насытить перевод коммуникативно релевантной информацией, но в каждом случае отдавать приоритет именно той ее разновидности, которая имеет в данном контексте наибольшую ценность.

Так, в юмористическом рассказе Джеймса Тербера *The Owl Who Was God* звери, поражаясь мудрости кратких реплик совы, принимают ее за божество. Комизм заключается в том, что все ее реплики созвучны совиному уханью, а их пронизательность, как выясняется в финале, объяснялась простым совпадением. Проанализируем два русских перевода нескольких реплик.

< 17 >

Оригинал	Перевод В. Казарова	Перевод И. Богданова
<p>Two ground moles tried to slip quietly by, unnoticed. “You!” said the owl. “Who?” they quavered, in fear and astonishment, for they could not believe it was possible for anyone to see them in that thick darkness. “You two!” said the owl.</p>	<p>Однажды... два Земляных Крота попытались проскользнуть мимо него незамеченными. – Дух! – сказал Филин. – Двух! Кроты зашептались, затряслись и зааикались, потому что не могли вообразить, чтобы кто-нибудь мог разглядеть их в такой кромешной темноте. – Вслух! – сказал Филин. – Ух!</p>	<p>Мимо тихо и незаметно попытались пробежать два крота. – Эй, вы! – крикнула сова. – Это вы кому? – задрожали от страха и изумления кроты. Они никак не могли поверить, что их можно увидеть в кромешной тьме. – Я к вам обоим обращаюсь! – повторила сова.</p>

²² См.: Бузаджи Д.М. Векторы смысла. О функциональном подходе к переводу // Мосты 3(19)/2008. – М.: Р.Валент, 2008. – С. 43–59.

<p>“How many claws am I holding up?” said the secretary bird. “Two,” said the owl, and that was right. “Can you give me another expression for ‘that is to say’ or ‘namely?’” asked the secretary bird. “To wit,” said the owl. “Why does a lover call on his love?” asked the secretary bird. “To woo,” said the owl²³.</p>	<p>– Скольких когтей не хватает у меня на этой ноге? – спросил он. – Двух! Ух? – сказал Филин, и это было правильно, потому что так оно и было. – А что говорит влюбленный своей возлюбленной, когда ему удаётся её уговорить? – спросил Секретарь? – Уф! – сказал Филин. – Фу! – и это было ровно вдвое больше, чем требовалось. – А можешь ли ты одним словом передать радость и огорчение, надежду и безнадежность? – спросил Секретарь. – У-у-у! – сказал Филин. – Ну?²⁴</p>	<p>– Сколько лап я подняла? – спросила птица-секретарь. – Две, – ответила сова, и это было правдой. – Как можно сказать иначе «то есть»? – спросила птица-секретарь. – «А именно», – ответила сова. – Зачем любимый ухаживает за любимой? – спросила птица-секретарь. – Чтобы добиться её руки, – ответила сова²⁵.</p>
--	---	---

< 18 >

Как видим, переводчик В. Казаров произвел значительные изменения в фактической информации оригинала, чтобы ответы Филина фонетически напоминали ухающий звук. Переводчик И. Богданов, наоборот, полностью отказался от воспроизведения звукоподражательного эффекта и ограничился передачей менее релевантной в данном случае фактической информации. В результате рассказ в переводе И. Богданова полностью утратил логику, поскольку рецептор его перевода не может на основании реплик типа «Эй, вы!» или «Чтобы добиться ее руки» сделать вывод о том, что сова просто ухала. Таким образом, не происходит того прироста информации, о котором писали Спербер и Уилсон. Точнее говоря, в переводе И. Богданова прирост информации, безусловно, происходит, но ничтожный по сравнению с тем, который имеет место в переводе В. Казарова, и, более того, получаемая в результате этого прироста информация не вполне соответствует действительности, ср:

Перевод В. Казарова	Перевод И. Богданова
старая посылка (сова) + новая посылка («Вслух! Ух!») = «сова просто ухаёт, а наивные животные принимают ее за мудрую птицу»	старая посылка (сова) + новая посылка («Две») = «сова верно ответила на вопрос»

И, наконец, мы должны пояснить использованные в нашем определении перевода слова «призванный» и «максимум». Разумеется, речь не идет о намерении переводчика, поскольку мы исходим из того, что, во-первых, намерение переводчика нам может быть неизвестно и, во-вторых, его намерение могло разойтись с результатом его работы (иными словами, мы не исключаем возможность того, что даже при желании сделать перевод может получиться «неперевод»).

Является ли ТП «призванным воспроизвести максимум коммуникативно релевантной информации», мы предлагаем устанавливать в соответствии с наличием или отсутствием в ТП регулярных и взаимосвязанных опущений коммуникативно релевантной информации или добавлений коммуникативно релевантной информации, не мотивированной ТО.

²³ Thurber J. The Owl Who Was God // Американский юмор. XX век: Сборник. – М.: Радуга, 1984. – С. 215.

²⁴ Торбер Д. Филин, который вышел Богом // Новые басни на новый лад / пер. с англ. В. Казарова. – М.: РИФ Корона-принт, 1990. – С. 152.

²⁵ Тэрбер. Д. Сова, которая была богиней / пер. с англ. И. Богданова // Тайна убийства Макбета: Рассказы. – СПб.: Азбука-классика, 2006. – С. 120.

Таким образом, наше определение нельзя упрекнуть в том, что оно является определением только хорошего перевода. На самом деле даже очень плохой перевод, согласно нашему определению, остается переводом постольку, поскольку ошибки в нем не носят

< 19 >

тенденциозного характера и, свидетельствуя о низкой квалификации переводчика, не предполагают отсутствия намерения осуществить именно перевод.

С другой стороны, даже текст, в целом точно воспроизводящий информацию ТО, перестает, согласно нашему определению, быть переводом, если в нем последовательно искажена авторская оценка тех или иных событий, выпущены взаимосвязанные эпизоды, изменены функционально-стилистические черты произведения и т. п.

В какой-то степени и эта предлагаемая граница между переводами и «непереводами» является размытой, однако мы еще раз повторим мысль о том, что отсутствие математической точности в критериях не означает полного отсутствия критериев и неоднозначность статуса небольшой группы текстов не означает, как считает Э.-А. Гутт, невозможности принципиального отграничения переводов от других текстов, осуществляющих межъязыковое посредничество.

В заключение отметим, что наше определение снимает противоречие, отмеченное В.В. Сдобниковым и другими исследователями, указывающими на то, что постулат о равнозначности коммуникативных эффектов является следствием ошибочной веры в однородность читательской аудитории и проявлением лингвистического идеализма²⁶. Мы не делаем совпадение коммуникативных эффектов ТО и ТП основой для описания сущности перевода и не говорим о коммуникативной замене оригинала переводом. Вместо этого мы ставим (а точнее говоря, возвращаем) в центр внимания сам ТП и его отношение к ТО. Однако при этом для наших оценок мы используем не статичный и, как правило, механистический критерий лингвистической эквивалентности, а комплексную динамичную модель, в которой учитывается и тип текста, и его функциональная доминанта, и характер конкретного передаваемого на ПЯ элемента, и общая взаимосвязь между этими факторами.

2. Инвариант перевода

Одной из основных категорий переводоведения является инвариант перевода, т.е. «то общее, что позволяет отождествлять текст перевода с текстом оригинала и считать его равноценным оригиналу»,

< 20 >

то, что «остается неизменным после всевозможных преобразований текста»²⁷.

В.С. Виноградов указывает: «Следует решительно подчеркнуть, что главное в любом переводе – это передача смысловой информации текста. Все остальные ее виды и

²⁶ См.: Chesterman A. Указ. соч. – С. 35.

²⁷ Сдобников В.В., Петрова О.В.. Теория перевода. – М.: АСТ: Восток-Запад; Владимир: ВКТ, 2008. – С. 269.

характеристики, функциональные, стилистические (эмоциональные), стилевые, социолокальные и т. п. не могут быть переданы без воспроизведения смысловой информации.»²⁸. В целом, с этим нельзя не согласиться, но, как хорошо известно, передать всю информацию, содержащуюся в тексте оригинала, невозможно. Более того, такие попытки приводят к весьма неудовлетворительным результатам. Следовательно, переводчик вынужден постоянно решать, какую информацию в переводе следует обязательно передать, какой допустимо пожертвовать и какую можно привести без ущерба для коммуникативной равноценности перевода.

В наиболее простых случаях этот вопрос решается во многом интуитивно и особенных затруднений не вызывает. Под простыми случаями мы подразумеваем перевод текстов (или их фрагментов), созданных из нормативно корректных и узуально типичных единиц, не имеющих ярко выраженных стилистических характеристик и ориентированных на референт. Но с появлением в тексте какой бы то ни было маркированности проблема инварианта выходит на первый план.

Проиллюстрируем вышесказанное примером из перевода сказки Н.С. Лескова «Левша». В предложении «Объездил он [император Александр Павлович] все страны и везде через свою ласковость всегда имел самые междоусобные разговоры со всякими людьми» особенную трудность для переводчика представляет слово *междоусобный*. Словарные эквиваленты вроде *internecine*, *civil* или *intestine* в данном случае не подойдут, так как стандартное, фактическое значение слова *междоусобный* ушло на второй план (скорее даже, комически трансформировалось в противоположное), а на первый план выступила внутренняя форма и ассоциации (именно из-за них сказочный рассказчик у Лескова спутал книжное слово с чем-то простым и мирным вроде *свойский*, *душевный*).

Переводчик Уильям Эджертон блестяще справился с задачей: «He travelled through all the nations, and everywhere his friendliness always helped him get into the most **intimidating** conversations with all

< 21 >

kinds of people». В данном варианте наблюдается то же самое изменение значения с отрицательного на положительное за счет ошибочной ассоциации (*intimidating* – *intimate*) и поддерживается языковой образ рассказчика. Очевидно, что в данном случае нельзя считать переводческой ошибкой то, что слово *междоусобный* было передано словом *intimidating*, хотя в более стандартно написанном тексте такой вариант, скорее всего, был бы крайне приблизительным и даже ошибочным. Другой переводчик, Джордж Ханна, перевел то же предложение следующим образом: «He went to many countries, was very friendly and had **heart-to-heart** talks with all sorts of people». Этот вариант представляется гораздо менее удачным, но не потому, что словарное значение *heart-to-heart* фактически противоположно значению слова *междоусобный*, а потому, что переводчик отказался от языковой игры, тем самым существенно исказив стилистический облик данного фрагмента. А гипотетически возможный перевод, в котором переводчик точно воспроизвел бы значение слова *междоусобный* (например, *internecine conversations*), оказался бы откровенно бессмысленным и наименее удачным из всех.

Таким образом, напрашивается вывод о том, что инвариант перевода не может заключаться в каком-то одном изначально заданном типе информации, а определяется особенностями текста. В рамках функционально-коммуникативного подхода можно говорить о том, что отбор передаваемой в переводе информации (т.е. определение инварианта перевода) осуществляется таким образом, чтобы текст перевода в целом и

²⁸ Виноградов В.С. Введение в переводоведение. – М.: ИОСО РАО, 2001. – С. 20.

отдельные его части воспроизводили **функцию** текста оригинала и соответствующих его частей и создавали тот же **коммуникативный эффект**²⁹.

Сразу же хотелось бы ответить на некоторые возражения, связанные с термином «коммуникативный эффект». Так, В.С. Виноградов отмечает: «В переводоведении нередко встречается тезис

< 22 >

о том, что главным определяющим принципом эквивалентности текста является коммуникативно-функциональный признак... На самом деле восприятие переводчика и любого из получателей речи не способно оказаться одинаковым в силу самых различных личностных, культурных и социальных причин. Переводчик, например, художественной литературы, воспринимает текст не как некий неизвестный среднеарифметический носитель языка, а как данный рецептор, как конкретный служитель “высокого искусства” перевода. И конечно же, он не подгоняет свой перевод под восприятие двух абстрактных существ: заграничного читателя икса и отечественного книголюба игрека. Потому что у этих иксов и игреков восприятие не может быть клонированным»³⁰.

Безусловно, усредненных реципиентов оригинала и перевода не существует, как не существует объективных методов проникновения в сознание человека, воспринимающего текст. Поэтому постулат о желаемом тождестве коммуникативных эффектов, не подкрепленный конкретным лингвистическим содержанием, приводит к вульгаризации понимания коммуникативной направленности перевода и критике переводов, основанной исключительно на субъективном восприятии. Однако, на наш взгляд, требование коммуникативной адекватности вполне справедливо, если предположить, что она достигается за счет передачи функционального и информативного «рисунков» оригинала (об этом речь пойдет ниже).

Во-вторых, не следует, на наш взгляд, абсолютизировать множественность индивидуальных интерпретаций того или иного отрезка текста. Носители одного и того же языка все-таки понимают друг друга. Десятки, сотни и тысячи людей, прочитавших один и тот же текст, сходятся во мнении не только относительно его фактического содержания, но и относительно его стилистических особенностей, подтекста, идейной направленности и т. п.

Если бы язык не существовал объективно, по крайней мере как общественное явление, между носителями одного и того же языка постоянно возникали бы недопонимания и недоразумения. То общее, что есть в языке, его относительно стабильное ядро выражается в норме и узусе данного языка. Без этого ядра ни одно языковое явление, ни один текст невозможно было бы признать ни грамотным, нормативным и общедоступным, ни своеобразным, эксцентричным

< 23 >

²⁹ Л.К. Латышев называет этот эффект также «регулятивным». К наиболее существенным в функциональном плане характеристикам текста оригинала он относит в первую очередь содержание, а в определенных случаях также ритмику речи, рифмовку, звукопись (аллитерацию), повторы, параллелизмы и другие особенности структуры текста (Л.К. Латышев. Технология перевода. – М.: Изд. центр «Академия», 2005. – С. 30–31.).

³⁰ Виноградов В.С. Введение в переводоведение. – М.: ИОСО РАО, 2001. – С. 19.

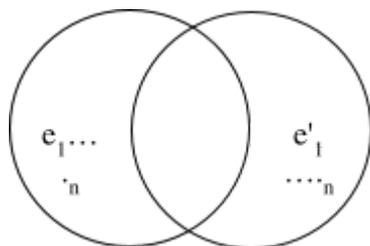
или малопонятным. Тогда как усредненных носителей языка нет, норма и узус объективно существуют и позволяют переводчику с высокой степенью вероятности строить предположения о том, что из встреченного им в тексте является нейтральным и межстилевым, а что – узкоспециальным или экспрессивным, что грамотно и понятно, а что – безграмотно или туманно. И если переводчик встречает в газетной статье фразу «The reform is still in danger of being **amended out of** all recognition», то он без труда установит, что употребление глагола в адвербиальной функции (когда глагол выражает не столько действие, сколько способ его осуществления) свойственно английскому языку и относительно часто встречается в публицистическом стиле. А значит, функция такого употребления в основном информативная и лишь в незначительной степени экспрессивная. Следовательно, адекватным вариантом перевода будет не формально близкое «Есть риск, что реформу испоправляют до неузнаваемости», а функционально соответствующее «Есть риск, что реформу изменят поправками до неузнаваемости».

И в-третьих, мы считаем, что за отсутствием среднестатистических реципиентов не следует пренебрегать мнением любых реципиентов вообще. При переводе с иностранного языка на родной переводчик должен сделать все возможное, чтобы получить хотя бы некоторое представление о том, как переводимый текст (и отдельные его фрагменты) воспринимается в культуре языка оригинала и как текст перевода или отдельные переводческие решения оцениваются другими носителями языка перевода. Если есть такая возможность, всегда лучше обсудить трудные места с носителем иностранного языка и показать свой перевод носителям родного языка, чтобы узнать, что и как они из него поняли.

О. Каде справедливо указывает на то, что информационное содержание текста (т.е. его коммуникативная значимость) является потенциальной величиной, индивидуально реализуемой в конкретном акте коммуникации.

Комментируя результаты двуязычной коммуникации, ученый говорит, что измеримые эффекты, соответствующие величине информационного содержания текста у различных носителей языка оригинала и величине информационного содержания текста на языке перевода, не могут быть полностью тождественны. Реальные коммуникативные эффекты $e_{1...n}$ и $e'_{1...n}$ могут быть изображены как пересечение двух множеств:

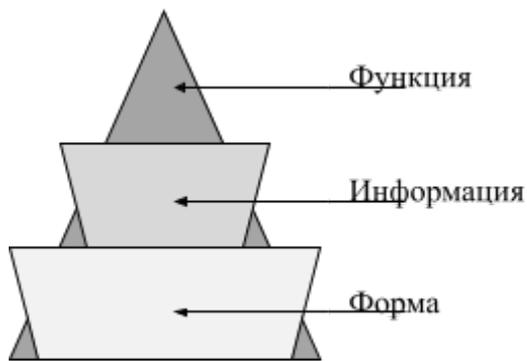
< 24 >

«В пределах общей части должны находиться релевантные для успеха коммуникации элементы коммуникативных эффектов. Вне этой общей части могут находиться периферийные элементы коммуникативных эффектов, например, индивидуальные ассоциации, связанные с определенными языковыми знаками, определенная (выходящая за чисто индивидуальные рамки) прагматическая информация (например, связанная с географической локализацией), которые при общении представителей различных национальностей неизбежно теряются, не влияя, однако, на успех коммуникации»³¹.

Вместе с тем определять инвариант перевода исключительно через функцию и коммуникативный эффект нельзя, так как это создаст предпосылки для немотивированной

³¹ Каде О. Проблемы перевода в свете теории коммуникации // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М.: Междунар. отношения, 1978.

вольности в переводе. Тождество функциональной нагрузки и коммуникативного эффекта оригинала и перевода должно быть дополнено требованием максимального информационного и структурного сходства, а также неким набором правил, определяющим приоритетность отбора передаваемых в переводе черт оригинала.

Мы будем использовать схему инварианта, которую в общем виде можно изобразить в виде пирамиды.

Сейчас мы кратко изложим структуру инварианта в нашем понимании, а ниже отдельные уровни будут рассмотрены подробнее.

Итак, вершиной инварианта является функция, и именно в функциональном плане перевод может и должен быть максимально подобен оригиналу (наибольшая интенсивность цвета). Следующий уровень – информационный. На этом уровне можно

< 25 >

анализировать то, насколько полно передана в переводе та или иная коммуникативно релевантная информация. Так как передача одного типа информации зачастую затрудняет или исключает передачу другого типа информации, то на этом уровне мы уже имеем дело с выбором приоритетов, компенсацией и пр. Переводчик обязан стремиться к наиболее полной передаче всей информации при сохранении функциональной эквивалентности, однако абсолютная информационная эквивалентность недостижима в принципе, поэтому на схеме этот участок изображен менее интенсивным цветом. Последний уровень – уровень формы. Здесь между текстами перевода и оригинала наблюдается обычно наименьшее подобие, однако в задачу переводчика входит обеспечить максимально возможную формальную эквивалентность при сохранении информативного и функционального инвариантов.

Как правило, говоря об инварианте перевода, ученые имеют в виду весь переводимый текст в целом. Это логично, но для практических целей малоприспособно. Даже анализируя перевод небольшого рассказа или газетной статьи (не говоря уже о романе или объемной технической документации), исследователь при всем желании не сможет одновременно анализировать сразу все переводческие ошибки и удачи, определяя, как все они в совокупности повлияли на передачу инварианта. Как правило, анализ перевода (проводимый как в критических, так и в учебных и других целях) ведется на небольших фрагментах (обычно от высказываний до отдельных слов), и лишь в конце автор исследования делает выводы о том, как проанализированные переводческие решения сказались на уровне перевода в целом. Безусловно, качественным анализ перевода будет только при условии, что разбор частных случаев производится с учетом характеристик всего текста, однако сути дела это не меняет.

В связи с этим нам представляется целесообразным указать на то, что наша схема инварианта применима и при обсуждении отдельных фрагментов перевода.

По сути, все обучение переводческой деятельности можно представить себе как выработку у учащегося умения определять инвариант текста оригинала и воспроизводить его в тексте перевода. Поэтому и дальнейшее изложение материала будет соотноситься с «пирамидой инварианта».

< 26 >

3. Функциональная составляющая инварианта

Чтобы приступить к обзору отдельных уровней инварианта, необходимо ввести понятие единицы перевода (ЕП). Этот термин широко используется в переводоведческих работах и трактуется разными учеными по-разному. Мы в чисто практических целях будем в настоящем докладе использовать этот термин в следующем значении. **ЕП – это фрагмент текста оригинала или перевода, представляющий собой относительное смысловое и функциональное единство, который может быть соответственно передан или проанализирован не частями, а единым блоком.**

Таким образом, функциональный инвариант (т.е. сведения функционального характера, которые должны совпадать в оригинале и переводе) складывается из общей функциональной направленности текста и функции конкретной единицы перевода, с которой переводчик работает в данный момент. Важно понимать, что учитывать только характер текста или только содержание той или иной фразы или ее части недостаточно: существенная для перевода функция выявляется только тогда, когда переводчик последовательно отвечает на два вопроса: «Для чего написан данный текст?» и «Для чего в этом тексте употреблена данная фраза (или ее часть)?»

Вопрос о функциональной направленности текстов тесно связан с проблемой их классификации с переводческих позиций. В переводоведческой литературе можно найти много вариантов подобной классификации, однако, на наш взгляд, ни один из них, каким бы продуманным он ни был, не будет достаточным для описания всех текстов, с которыми доводится иметь дело переводчику. Классификация задает лишь магистральные направления, описывает только самые характерные тексты, а на практике переводчик должен каждый раз самостоятельно оценивать **функциональный рисунок** того или иного текста. Мы предпочитаем говорить именно о функциональном рисунке, так как любой текст и любая значимая его часть выполняют одновременно несколько функций. Эти функции можно представить себе как «розу ветров», как ряд векторов, равнодействующая которых и определяет характер анализируемого отрывка.

Так, принято считать, что функция художественных произведений состоит в том, чтобы вызвать у читателя комплекс эстетических ощущений. Это, безусловно, верно, однако чисто эстетическими по функции текстами будет только весьма небольшое число преимущественно

< 27 >

поэтических произведений, созданных по принципу «искусства для искусства». Если же рассмотреть весьма многочисленные и разнообразные произведения, скажем, в жанре путевых заметок (а такие произведения в принципе относятся к художественной литературе), мы увидим гораздо более сложную функциональную картину, которая отчасти задана особенностями жанра, а отчасти определяется установкой конкретного автора.

Например, функциональный рисунок «Одноэтажной Америки» И. Ильфа и Е. Петрова включает в себя такие задачи, как образовательная (рассказ о малоизвестной советскому читателю жизни в США), идеологическая (акцент на преимуществах социалистической системы перед капиталистической), эстетическая (книга написана в высокохудожественной манере), юмористическая (факты и оценки не только литературно обработаны, но и зачастую поданы с юмором) и т. д. Более того, некоторые функциональные особенности произведения могут проявиться помимо воли автора или же

будут восприниматься так, как будто сам автор их не предусматривал (несмотря на идеологическую выдержанность «Одноэтажной Америки», в ней чувствуется и симпатия к США, и скрытая критика отдельных аспектов жизни в СССР). Разумеется, переводчику этой книги необходимо будет учесть все многообразие функциональных установок, чтобы из крайне многогранного произведения не получилась ни сухая хроника, ни социалистический памфлет, ни диссидентская листовка, ни юмористический фельетон, ни оторванная от жизни изящная виньетка.

Еще один важный параметр, который необходимо учитывать при анализе функционального рисунка текста, – положение текста на шкале «авторское – общеязыковое» (подробнее смысл этих терминов будет раскрыт в связи с теорией языкового спектра).

Место, занимаемое текстом на шкале «авторское – общеязыковое», позволяет переводчику выработать стратегию передачи языковых явлений, которые так или иначе не совпадают с неким ожидаемым стандартом. В тексте договора любая авторская черта представляет собой стилистический недостаток, который в переводе должен быть исправлен. Научная статья дает и автору и переводчику более широкий выбор допустимых языковых средств, но переводчик все равно должен исходить из того, что выражений, слишком резко

< 28 >

выбывающих из научного стиля, в переводе быть не может, так как это превратит научную статью в эссе. Художественный текст – высшее проявление авторского начала; работая над ним, переводчик может и должен направить все свое внимание на то, чтобы воспроизвести в переводе максимум черт, характеризующих индивидуальный авторский стиль.

Интересную для нас классификацию, в которой проводится связь между функциональной доминантой текстов и стратегией их перевода, находим у П. Ньюмарка. Взяв за основу функции языка, выделенные К. Бюлером, исследователь представляет свою концепцию в виде следующей таблицы³²:

<i>Функция</i>	<i>Экспрессивная</i>	<i>Информативная</i>	<i>Вокативная</i>	
<i>Ядро</i>	Автор	«Истина»	Читатели	
<i>Статус автора</i>	«Священный»	«Анонимный»	«Анонимный»	
<i>Тип</i>	Серьезная художественная литература	<i>Тема</i> Наука Техника Коммерция Промышленность Экономика	<i>Форма</i> Учебник Отчет Научная работа Статья Меморандум Протокол	Объявления Указания Пропаганда Публицистика Массовая художественная литература
	Высказывания авторитетных лиц Автобиография Личная переписка	Другие сферы знания		

³² Newmark P. A Textbook of Translation. – Harlow: Pearson Education Limited, 2008. – С. 40.

По сути, параметр «статус автора» соответствует тому, что мы выше назвали положением на шкале «авторское – общеязыковое». То, как этот параметр связан с функцией текста и рекомендуемой стратегией перевода, становится понятно, например, когда Ньюмарк говорит о «переводе на уровне естественности» (т.е. с использованием естественных для ПЯ языковых средств): «Что касается уровня естественности, то информативные и вокативные тексты всегда переводятся на этом уровне вне зависимости от того, насколько естественен язык оригинала. При этом необходимо учитывать, что естественность, скажем, официальных текстов сильно

< 29 >

отличается от естественности разговорных текстов. Что же касается экспрессивных и авторитетных текстов, то их перевод выполняется на уровне естественности только в том случае, если оригинал написан обычным языком. Если оригинал отличается лингвистическим или стилистическим новаторством, то в переводе необходимо стремиться к такому же новаторству, т.е. той же степени отхода от естественности»³³.

Однако принципиальное отличие нашей позиции от концепции Ньюмарка состоит в том, что мы, как уже говорилось выше, не считаем целесообразным распределять все тексты в ограниченное число категорий, предпочитая говорить о функциональном рисунке. Далее, мы считаем «статус автора» фактором градуальным, т.е. предлагаем говорить о целой шкале «авторское – общеязыковое», а не только о двух ее крайних точках («священное» – «анонимное»). И, самое главное, мы еще раз подчеркиваем, что для принятия верного решения переводчик должен руководствоваться не одной только функцией (функциональным рисунком) текста, а сочетанием функционального рисунка ЕП с общим функциональным фоном всего текста.

Таким образом, мы можем подытожить вышесказанное в виде следующих рекомендаций. Переводчик должен:

1) определить положение текста на шкале «авторское – общеязыковое» (приняв во внимание такие факторы, как стиль и жанр текста, форму его существования, статус автора, социокультурный контекст появления текста и пр.)

2) проанализировать функциональный рисунок текста: выделить выполняемые им функции, определить, какие из них являются первостепенными, а какие – второстепенными, установить, меняется ли функциональный рисунок на протяжении текста;

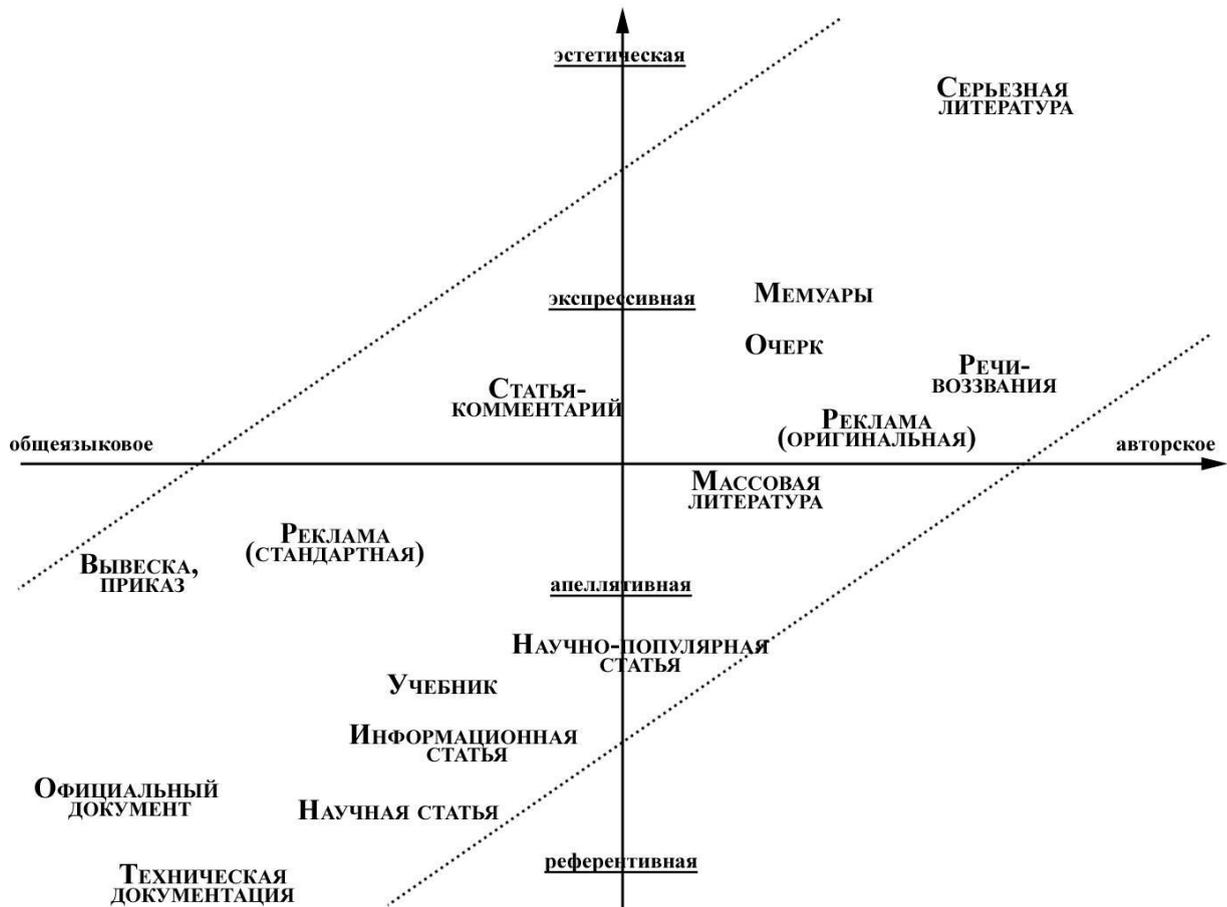
3) работая над конкретной ЕП, в первую очередь установить функциональный рисунок данной ЕП (опираясь на лингвистические характеристики ее составных частей и знание контекста);

4) соотнести функциональный рисунок ЕП с функциональным рисунком текста и только затем подыскивать вариант для ее передачи.

Можно проследить некоторые интересные закономерности, если расположить все подлежащие переводу тексты на **функционально-конвенциональной** схеме относительно двух осей координат:

< 30 >

³³ Там же. С. 29.

Сразу же оговоримся: весь смысл такой графической репрезентации в том, что она позволяет не раскладывать типы текстов по раз и навсегда определенным полочкам, а показывает весь спектр возможных комбинаций. Так, реклама рассчитана в основном на воздействие (апеллятивная функция), однако при этом она может быть банальной, состоящей из штампов или, наоборот, крайне изобретательной, свежей. Более того, она может смещаться и относительно вертикальной оси в зависимости

< 31 >

от того, проявлен ли в ней помимо апеллятивного референтивный или эстетический компонент. Газетные тексты могут варьироваться от анонимной информационной заметки, до высокохудожественного очерка или фельетона, в котором эстетическая функция преобладает над референтивной и выпукло проявляется стиль автора. Область, отмеченная на схеме как «информационная статья» символизирует серьезные развернутые статьи, информирующие читателя о какой-либо проблеме. А условным наименованием «статья-комментарий» обозначены более раскованные и претенциозные материалы, в которых референтивный компонент уступает место эстетическому, однако уровень подлинной индивидуальности по-прежнему невысок.

³⁴ В целом мы следуем классификации функций языка, предложенной Р.О. Якобсоном (см. Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». – М.: Прогресс, 1975. – с. 193–230). Мы не включаем в нашу классификацию метаязыковую и фатическую функции, так как они не могут быть доминантными для законченных и цельных текстов, предназначенных для перевода.

Обращает на себя внимание тот факт, что большинство распространенных типов текстов приходится на область, отмеченную на схеме пунктирными линиями. Мы полагаем, что это не случайность, а свидетельство объективной взаимозависимости функции текста от конвенциональности его содержания. Так, вряд ли возможен эстетически действенный текст, не носящий в себе отпечатка авторского. Даже в том случае, если писатель добивается эстетического эффекта путем использования нарочито банальных языковых средств, это уже представляет собой авторский ход, который подлежит передаче в переводе. Если же, например, попытаться представить себе чисто информативный текст, написанный в ярко выраженной индивидуально-авторской манере, то мы увидим, что либо такой текст неизбежно приобретет эстетические достоинства и начнет оказывать на читателя определенное воздействие, либо мы будем иметь дело с плохо написанным текстом, чей «авторский» характер определяется только слабым знанием языка, а следовательно, не должен учитываться при переводе.

4. Информативная составляющая инварианта

При анализе оригинала (как предпереводческом, так и происходящем непосредственно в процессе перевода) переводчик может и должен отталкиваться как от функции текста (о ней можно судить по форме существования текста, заданию заказчика и т. п.), так и от его конкретного лингвистического содержания. Нам представляется, что только в том случае, если процесс анализа идет в обоих направлениях, переводчик будет застрахован от двух принципиальных интерпретационных ошибок. Первая имеет место тогда, когда,

< 32 >

составив априори некое представление о функциях всего текста и его частей, переводчик игнорирует тот факт, что содержание текста не вполне укладывается в это представление (например, на вид саркастическая статья, оказалась только слегка ироничной, на вид юмористический рассказ оказался не столько смешным, сколько, грустным и т. п.). Вторая, наоборот, заключается в том, что переводчик не видит общей картины, складывающейся из единичными явлениями, и переводит не имея четкой стратегии.

В конечном счете задача этого двунаправленного анализа – установить средний уровень в «пирамиде инварианта», т.е. коммуникативно релевантную информацию. Для этого переводчик сопоставляет «наличную», эксплицитно выраженную информацию с функцией данного отрывка текста и всего текста в целом (т.е. определяет, для чего приведена эта информация и что за ней стоит) и – сознательно или подсознательно – формирует **информативный рисунок ЕП**.

Под информативным рисунком мы понимаем набор актуализированных, существенных для коммуникации смыслов, содержащихся в отрывке ТО и подлежащих переводу. В большинстве случаев задача переводчика заключается в том, чтобы средствами переводящего языка как можно точнее передать информативный рисунок оригинала. Для простоты анализа мы предлагаем выделить четыре вида информации: **ситуативная, экспрессивно-оценочная, ассоциативно-образная и стилевая**. Для наглядности мы представим информативный рисунок как замкнутую кривую, пересекающую четыре расходящиеся из центральной точки оси координат. Каждая ось соответствует одному из типов информации, и чем дальше от начала координат пересекает эту ось кривая, тем полнее этот тип информации представлен в данном отрывке. Вкратце поясним, что подразумевается под различными видами полноты.

Ситуативная информация – это отраженные в тексте оригинала признаки предметной ситуации. Мы предлагаем рассматривать ось ситуативной информации как ось конкретизации: чем точнее в тексте названы предметы, процессы и признаки, чем больше признаков можно выделить у использованных в тексте понятий, тем полнее ситуативная составляющая информационного рисунка. В общем виде можно сказать, что в тексте оригинала (за исключением крайне абстрактных пассажей) ситуативная информация представлена весьма полно, и именно эта информация в первую очередь «приносится

< 33 >

в жертву», когда переводчику необходимо обеспечить полноту передачи других типов информации. Ниже мы поговорим об этом более подробно.

Экспрессивно-оценочная информация – это заложенная в тексте авторская оценка происходящего, а также интенсивность проявления тех или иных признаков. Так, экспрессивность стертого метафорического сравнения (скажем, *злой как черт*) ниже экспрессивности авторского метафорического сравнения (скажем, *злой, как семьсот аллигаторов* (Саша Черный)). Изменение значений по этой оси тоже можно рассматривать как движение от общего (нуля) к конкретному: информативный рисунок проходит по этой оси ближе к началу координат, если выраженная в тексте экспрессивно-оценочная информация нейтральна или носит самый общий характер (например, общеположительная оценка умеренной интенсивности), а высокоэкспрессивные средства, выражающие специфическую оценку, соответственно, говорят о большей полноте экспрессивно-оценочной информации в данной ЕП.

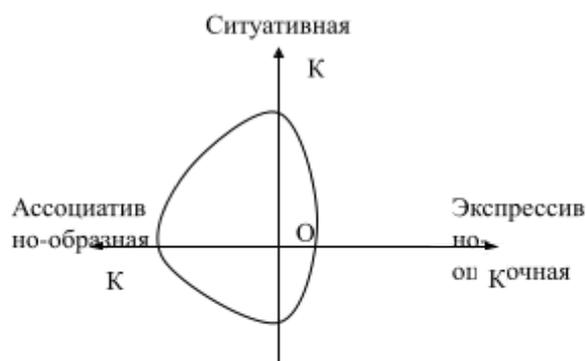
Полнота ассоциативно-образной информации определяется наличием или отсутствием в тексте актуализированных ассоциаций (общих для культуры данного языка или индивидуально авторских) и характерных, значимых образов.

Стилевая информация – это степень соотносительности того или иного отрывка текста с тем или иным функциональным стилем, жанром или идиостилем. Минимум такой информации содержится в ЕП, носящих межстилевой характер, которые могли бы встретиться в любом тексте, в речи любого персонажа и т. п., а максимум, соответственно, – в таких отрывках, чья стилиевая принадлежность определяется безошибочно.

Знаменитая Геттисбергская речь А. Линкольна, произнесенная в 1863 г. на церемонии освящения Национального кладбища жертв Гражданской войны, начинается такими словами: «Four score and seven years ago our fathers brought forth, upon this continent, a new nation, conceived in liberty, and dedicated to the proposition that all men are created equal». Ситуативная информация, содержащаяся в выражении *four score and seven years*, – это «восемьдесят семь лет», т.е. срок, прошедший на тот момент с принятия Декларации о независимости. Однако, если переводчик учтет языковые особенности числительного

< 34 >

score и примет в расчет функциональный рисунок всей речи (имеющей признаки протестантской проповеди), он придет к выводу, что у выражения *four score and seven* есть, помимо ситуативного, коммуникативно релевантный ассоциативный компонент смысла – отсылка к Библии. Об этом пишет В.К.

Ланчиков, автор одного из переводов Геттисбергской речи: «В первом же слове первой фразы – отголосок речей ветхозаветных пророков. (Кто из слушателей не помнил знаменитое речение из Псалма Моисеева: “The days of our years are three score and ten”?) В первом же слове первой же фразы подсказка: в каком ключе надлежит толковать последующее. А чтобы слушатели не усомнились в правильности истолкования, дальше оратор исподволь вводит в речь слова и обороты, вызывающие те же ассоциации»³⁵. Более того, как отмечает В.К. Ланчиков, в англоязычной литературе и публицистике библейский способ исчисления иногда используется «как принадлежность «высокого стиля» вообще»³⁶, т.е. содержит в себе и коммуникативно релевантную информацию стилового характера. Поэтому информативный рисунок данного выражения, если рассматривать его как ЕП, будет выглядеть следующим образом (См. Схему №2).

< 35 >

Рассмотрим еще один пример. В «Левше» Н.С Лескова рассказчик так описывает процесс сватовства: «У нас, – говорит, – когда человек хочет насчет девушки обстоятельное намерение обнаружить, посылает **разговорную женщину**». В двух доступных нам переводах на английский переводчики применили разные стратегии: в

одном случае переводчик сохранил неконвенциональное словоупотребление («When a man wants to reveal a circumstantial intention in regard to a girl, he sends over a **conversational woman**» – Уильям Эджертон), в другом – заменил конвенциональным («When a man wants to make known his intentions towards a girl... he sends an **old woman, a matchmaker**» – Джордж Ханна). Мы еще вернемся к этому примеру при обсуждении проблемы лексической формы, а теперь обсудим переводы только с позиций информативного инварианта. Выражение *разговорная женщина* несет в себе не только ситуативную (сваха), но и стилистическую (особенности сказа) и экспрессивно-оценочную (юмор) информацию (см. Схему №3). Дж. Ханна оставил в переводе только фактический смысл, тем самым утратив

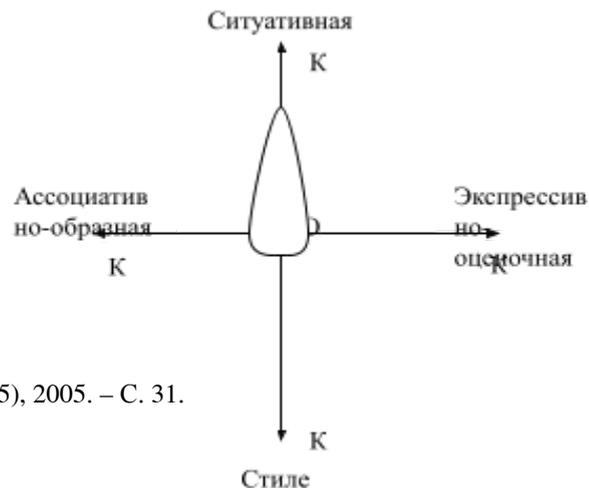
существенную часть информативного инварианта. У. Эджертон нашел способ сохранить полноту всех трех видов информации. Схематически разницу между этими переводами можно изобразить следующим образом (Схема №4):

разговорная женщина

conversational woman

**old woman,
matchmaker**

³⁵ Ланчиков В.К. Памятник за языковым барьером // Мосты №2(5), 2005. – С. 31.

³⁶ Там же. С. 35.

Схема №4

Можно говорить о том, что в сложных случаях передача одного вида коммуникативно релевантной информации зачастую не

< 36 >

позволяет в достаточной мере отразить другие виды информации. Таким образом, при передаче ЕП со сложным ИР у переводчика есть три пути. Первый, как было показано выше, заключается в том, чтобы найти способ передать этот рисунок в переводе. Это идеал, к которому следует стремиться, однако иногда достичь его невозможно в силу объективных расхождений между двумя языковыми системами, между узуальными особенностями фрагмента оригинала и возможных вариантов его перевода и, наконец, между культурами носителей этих языков.

Второй путь – пожертвовать частью ситуативной информации ради возможно более полной передачи ассоциативно-образной, экспрессивно-оценочной или стилевой информации. Подчеркнем, что такое решение, если оно принято обоснованно, следует считать не капитуляцией перед оригиналом и не переводческим произволом, а рациональным перераспределением приоритетов. Наличие в тексте коммуникативно релевантной неситуативной информации означает, что автор намеренно смещает читательское внимание с описываемой ситуации на способ ее описания, так как факультативные элементы всегда оказываются более заметными, чем обязательные. А следовательно, акцент в переводе логичнее сделать именно на эту, факультативную, информацию.

Приведем пример вынужденного и оправданного снижения ситуативной эквивалентности из перевода романа Вен. Ерофеева «Москва–Петушки»:

< 37 >

«В этом мире есть вещи... есть такие сферы... нельзя же так просто: встать и пойти. Потому что самоограничение, что ли?.. есть такая заповеданность стыда со времён Ивана Тургенева... и потом – **клятва на Воробьёвых горах**... И после этого встать и сказать: «Ну, ребята...» Как-то оскорбительно...» – «In this world there are spheres where it's impossible to simply get up and go. Because of self-restraint or whatever, the precept of shame, from the days of Ivan Turgenev, and, then, **the idealism of Herzen's youth**. And after that to get up and say, "Well, boys..." It's insulting» (переводчик – Уильям Тьялсма). Цель, с которой выражение *клятва на Воробьёвых горах* употреблено в данном контексте, – вызвать в сознании читателя определенные ассоциации (кто клялся, в чем, исторический контекст и т. п.). Разумеется, у носителей английского языка таких ассоциаций с выражением *the oath on Vorobyovy/Sparrow Hills* не возникнет. Поэтому переводчик обоснованно обобщил ситуативную информацию (клятва – частное проявление идеализма молодости) ради хотя бы частичного сохранения ассоциативной информации (см. Схему №5).

Следует учитывать, что, когда мы говорим о неситуативных видах информации, мы имеем в виду информацию, выраженную имплицитно. Безусловно, в случае с клятвой на Воробьевых горах переводчик мог восполнить недостающие ассоциации эксплицитно и дать вариант вроде следующего: «And, then, the oath of eternal friendship and commitment to freedom taken by Alexander Herzen and Nikolay Ogaryov on Vorobyovy Hills». Однако такой перевод разрушил бы весь юмор ситуации, вступил в резкое противоречие с речевой характеристикой рассказчика

< 38 >

и в целом оказался бы крайне неудачным. Объясняется это тем, что в случае экспликации (крайним примером которой является сноска, где переводчик объясняет особенности авторского замысла), ассоциативно-образная, экспрессивно-оценочная и стилевая информация трансформируются в ситуативную информацию, что, как мы показали выше, ведет к недостаточно полной передаче инварианта.

В тех же случаях, когда невозможно ни найти в ПЯ средства, позволяющие сохранить исходный ИР, ни пожертвовать ситуативной информацией, переводчик вынужден выбрать третий путь: передать только ситуативную информацию, а другие смыслы скомпенсировать в других местах текста.

5. Формальная составляющая инварианта

Центральным для нашей методики анализа языковой формы и формального инварианта является понятие **языкового спектра (ЯС)**. Есть основания полагать, что в отечественной школе перевода идея ЯС, а также неразрывно связанная с ней концепция авторского и общеязыкового появилась в среде кашкинцев – учеников и последователей переводчика И.А. Кашкина. Сам термин «языковой спектр» («спектр языка») был введен в научный обиход М.Д. Литвиновой. В интервью с ней, которое будет показано после моего выступления, Марина Дмитриевна сама немного расскажет о своей концепции.

Для целей настоящего обзора мы определим ЯС как совокупность частотно-узуальных характеристик единиц на всех уровнях языка в пределах конкретно взятого стиля, жанра и тематической области. Безусловно, указания на то, что частотность единиц должна учитываться в переводе, можно встретить в работах многих переводоведов, например П. Ньюмарка и Л.К. Латышева, где он пишет о количественном аспекте языковой нормы и узуса. Но мы будем говорить не о количественном аспекте нормы и узуса, а именно о языковом спектре, поскольку этот термин короче, удобнее и нагляднее.

На основе концепции ЯС можно сформулировать основное правило, касающееся формальной стороны текста перевода: язык текста перевода должен соответствовать ЯС. Иными словами, лингвистические характеристики текста перевода (выбор слов и синтаксических конструкций, их частотность, порядок развертывания мысли и т. д.) должны по возможности совпадать с характеристикам сопоставимых оригинальных текстов на ПЯ.

< 39 >

Безусловно, правило сохранения ЯС в чистом виде – идеальная абстракция, задающая ориентир для выработки переводческой стратегии, однако из него вытекает ряд рекомендаций, которыми переводчик обязан руководствоваться на практике:

- 1) Анализируя текст оригинала, переводчик должен установить, какие языковые явления в нем являются общеязыковыми (т.е. вписываются в ЯС), а какие – индивидуально авторскими (т.е. не соответствуют ЯС). Как говорилось выше, продуктивнее рассматривать «общеязыковое» и «авторское» не как две резко разграниченные категории, а как два полюса шкалы, на которой выстраиваются и тексты в целом, и отдельные языковые явления.
- 2) При передаче явлений, соответствующих ЯС оригинала, переводчик должен использовать весь арсенал средств ПЯ, уместных в данном ЯС. На этом требовании стоит остановиться подробнее, так как многие теоретики и практики его недооценивают. Ньюмарк пишет: «Если буквальный перевод обеспечивает референциальную и прагматическую эквивалентность оригиналу, то это правильный перевод и его не надо стараться избежать»³⁷. С этим постулатом нельзя не согласиться, если под прагматической эквивалентностью понимать широкий спектр факторов, которые определяют коммуникативную равноценность оригинала и перевода и, таким образом, включают в себя соблюдение ЯС. Однако часто, принимая решение о сохранении в переводе той или иной формальной особенности оригинала, переводчик исходит только из наиболее очевидных, поверхностных соображений (таких как соответствие словарных значений, соблюдение грамматической нормы, отсутствие явного стилистического противоречия и т. п.). В результате язык текста перевода неизбежно оказывается неестественнее и беднее, чем язык оригинальных текстов на ПЯ (и, разумеется, беднее чем язык оригинала), так как многие явления, характерные для спектра ПЯ, но редкие или несуществующие в спектре ИЯ переводчиком даже не рассматриваются. Очевидно, что полной коммуникативной равноценности в таком случае добиться невозможно.
- 3) При передаче явлений, не соответствующих ЯС (в тех типах текстов, где подобные несоответствия не подлежат исправлению), переводчик должен использовать коммуникативно равноценные отклонения от спектра ПЯ. Эти

³⁷ Newmark P. A Textbook of Translation. – Harlow: Pearson Education Limited, 2008. – С. 68–69.

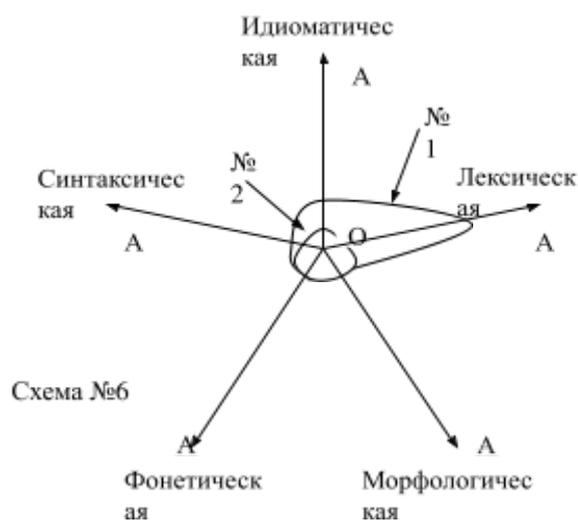
отклонения могут создаваться как при помощи средств формально сходных с оригинальными (например,

< 40 >

сохранение образа при передаче авторской метафоры), так и иными способами (например, передача диалектального произношения просторечной лексикой).

Для удобства анализа ЯС мы предлагаем выделить пять уровней языковой формы согласно традиционно выделяемым уровням языка: **фонетический, морфологический, лексический, синтаксический и идиоматический**. Так как переводчику необходимо не только понять смысл, выраженный совокупностью этих форм, но и оценить конвенциональность использованных средств, графически схему этого анализа можно представить в виде пяти выходящих из одной точки осей координат, каждая из которых соответствует своему уровню формы. Начало координат обозначено буквой «О» (общеязыковое), а «координаты» на каждой оси соответствуют степени авторского («А»). «Рисунок конвенциональности» в таком случае представляет собой замкнутую кривую, пересекающую оси на разном расстоянии от начала координат. Чем конвенциональнее фонетическая/графическая форма слова, его морфемный состав и значение, чем конвенциональнее анализируемая синтаксическая конструкция и чем идиоматичнее словосочетание, тем ближе к центральной точке проходит кривая. Если же те или иные виды формы носят отпечаток авторского, то кривая проходит по соответствующим осям дальше от центра.

Мы покажем расхождения в конвенциональности языковых средств на примере лексической и идиоматической форм. Лексическая форма определяется значением употребленных автором слов, но не содержанием этих значений, а их конвенциональностью, т.е., упрощенно говоря, соответствием реализованного в речи смысла значениям слов, зафиксированным в словаре. Здесь можно вспомнить уже цитировавшийся нами пример из «Левши», в котором речь шла про *разговорную женщину*. Напомним два варианта перевода: *conversational woman* (Эджертон) и *old woman, a matchmaker* (Ханна). Очевидно, что Лесков использует слово *разговорная* в несвойственном ему значении, т.е. кривая

< 41 >

конвенциональности вытянута вдоль лексической оси. Разницу в конвенциональном рисунке между переводами можно изобразить в виде двух графиков – № 1 (Эджертон) и № 2 (Ханна) (см. Схему №6).

Идиоматическая форма приблизительно соответствует выделяемому рядом авторов фразеологическому уровню языка, однако в нашей системе такой формой обладают не только несвободные сочетания слов (фразеологизмы), но и свободные сочетания, которые могут встречаться в тексте как в стереотипном виде, так и в окказиональном. Так, например, выражение *I'm glad we've had this little chat/talk*, отнюдь не являясь фразеологизмом, обладает известной степенью конвенциональности и используется как более или менее юмористическое клише, подытоживающее обмен репликами или монолог, на «беседу» не очень похожий (например, выговор, предупреждение, обмен остротами и т. п.). В переводе фразы из книги Дугласа Адамса «Детективное агентство Дирка Джентли» «Well, I'm glad we've had this little chat, my dear fellow» – «Что ж, я очень рад нашей **маленькой беседе**, дорогой друг» переводчица Т. Шинкарь передала слово *little* не как часть относительно устойчивого выражения, а как самостоятельную единицу, тем самым понизив степень идиоматической конвенциональности.

Основываясь на всем вышесказанном, мы можем составить более подробную схему инварианта. Она по-прежнему представляет собой пирамиду, однако теперь схождение боковых сторон в верхней точке символизирует не только переход от бесконечного многообразия языковой формы к многомерному, но конкретному функциональному рисунку, но и сближение оригинала и перевода, крайне различных по форме, но совпадающих по функции. Таким образом, левая сторона пирамиды изображает конвенциональный и информативный рисунок оригинала (неважно, всего ли текста или отдельной ЕП), а правая – соответствующие рисунки перевода. На вершине пирамиды располагается функциональный рисунок, который в идеале должен быть общим для оригинала и перевода (расположение функциональных доминант на схеме функционального рисунка совершенно условно и не несет символического значения) (Схема №7).

Настоящая схема позволяет проиллюстрировать следующие положения.

Ф
у
н
к
ц
и
я

И
н
ф
о
р
м
а
ц
и
я

Ф
о
р
м
а

Оригинал

Перевод

Рис. 3

Рис. 2

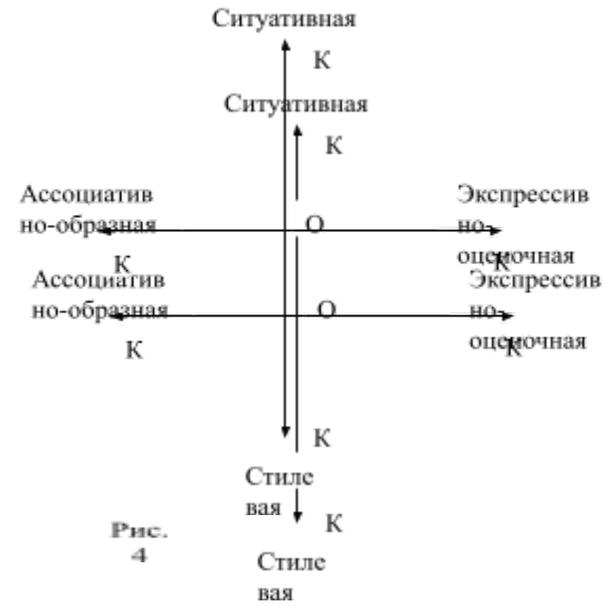

Рис. 4

Рис. 1

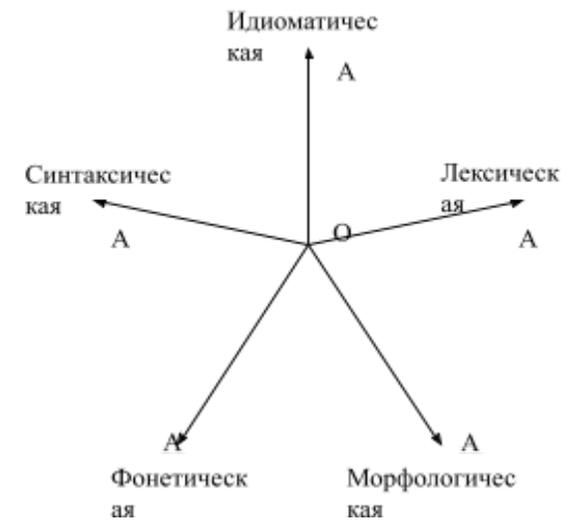

Рис. 5

- 1) То, что в схеме эквивалентность на уровне формы и эквивалентность на уровне информации разведены и поставлены в отношения дополнительности, снимает, на наш взгляд, вопрос о противопоставлении перевода, ориентированного на содержание, и перевода, ориентированного на форму (буквалистического). Как хорошо известно и как мы показали графически, любой нюанс формы имеет информативную ценность на уровне содержания. Следовательно, любая попытка механически скопировать при переводе тот или иной формальный элемент (перейти от рис. 1 непосредственно к рис. 5) дает приемлемый результат только в том случае, если сходный элемент формы в переводящем языке несет примерно то же содержание. При переводе фразы «Dad is reading the newspaper» – «Папа читает газету» английский порядок слов может быть сохранен, так как в обоих языках он нейтрален и позволяет в полной мере передать ситуативную информацию без привнесения чужеродных смыслов. Однако при переводе фразы «The BBC's original purpose, according to Lord Reith, its first director-general, was to give people not only what they want, but also what they need: **it should educate and inform as well as entertain**», сохранив порядок следования элементов в конце предложения (...*должна не только обучать и информировать, но и развлекать*), мы изменим смысл почти что на противоположный, т.е. потеряем информацию о приоритетности. И только анализ стоящей за английской конструкцией информации (выделение первых двух элементов (ремы) на фоне третьего (темы)) подскажет, что в переводе нужны преобразования: ...*должна не только развлекать, но и обучать и информировать*.
- 2) Данная схема позволяет проиллюстрировать взаимосвязь между конвенциональностью используемых в ТО формальных элементов и информативным рисунком, который за ними стоит и который, как следствие, необходимо будет воспроизвести в переводе. В самом стандартном случае (безоценочный, неэкспрессивный текст, написанный межстилевыми средствами с целью донести ту или иную фактическую информацию) кривая на рис. 1 пройдет целиком вблизи начала координат, а кривая информативного рисунка будет вытянута по ситуативной оси. Однако с появлением в ТО менее конвенциональных средств кривая на рис. 2 неизбежно будет вытягиваться по одной или нескольким другим осям.

В примере из «Левши» неконвенциональное словоупотребление (*разговорная женщина*) приводит к тому, что к ситуативной информации добавляется информация стилистическая (особенности сказа) и экспрессивно-оценочная (юмор).

- 3) Иногда высказывается такое мнение: любой перевод не более чем одна из возможных субъективных интерпретаций оригинала, а следовательно, ни одна переводческая стратегия не может быть признана более верной, чем другая. Предложенная нами схема показывает, что это не соответствует действительности. Если переводчик исходит из информативного рисунка, составленного на основе анализа смысла и конвенциональности употребленных

в оригинале языковых средств, он с наибольшей полнотой передает именно то, что в конкретном отрезке оригинала имеет наибольшую смысловую нагруженность (сообщение о факте, авторскую оценку или, например, юмористическую игру слов). В противном случае переводчик подобен спортивному обозревателю из рассказа Аверченко, который в рецензии на оперу подробно описал масть и родословную лошади князя Игоря. Конечно, и такая интерпретация возможна, но разве не полнее отразил бы критик суть дела, если бы сосредоточился на музыке и пении, даже и пожертвовав информацией конноспортивного характера (хотя зрители, пришедшие в оперу, могли, безусловно, почерпнуть и ее)?

Продемонстрируем, как данная схема может быть использована при анализе переводческих решений, следующим примером. В рассказе Г. Манро «История святого Веспала» король-язычник, рассердившись на своего племянника Веспала за то, что тот принял христианство, призывает придворного библиотекаря «поговорить» с принцем:

“But where shall I find the necessary arguments?” asked the Librarian.

“I give you free leave to pick and choose your arguments in the royal woods and coppices,” said the king; “if you cannot get together some **cutting observations and stinging retorts** suitable to the occasion you are a person of very poor resource.”

So the Librarian went into the woods and gathered a goodly selection of highly argumentative rods and switches, and then proceeded to reason with Vespalus on the folly and iniquity and above all the unseemliness of his conduct. His reasoning left a deep impression on the young prince, an impression which lasted for many weeks, during which time nothing more was heard about the unfortunate lapse into Christianity.

< 45 >

Если проанализировать функциональный рисунок выделенных слов, мы увидим, что они, безусловно, выражают некоторую фактическую информацию (*cutting observations and stinging retorts* = прутья для битья), но еще и создают комизм (юмористическая метафора: прутья как аргументы) и передают вычурный стиль рассказчика.

Механизм создания комического состоит в том, что у стертых метафорических эпитетов *cutting* и *stinging* актуализируются первоначальные «физические» значения, за счет чего создается неожиданная метафора: *arguments* = (*cutting and stinging*) *rods and switches*. Отсюда следует вывод, что в переводе эти эпитеты должны быть переданы такими же расхожими определениями, означающими метафорическую «остроту», но способными при актуализации прямых значений сочетаться со словами типа *прутья*, *розги* и т. п., например: «Ступай в королевские леса и рощи, – сказал король, – и если там ты не наберешь приличных случаю **гибких доводов и колких замечаний**, грош цена твоей находчивости» (перевод В.К. Ланчикова). Отметим замену *cutting observations* на *гибкие доводы*. Хотя в таком варианте снижен уровень ситуативной эквивалентности, зато в полной мере обеспечена эквивалентность экспрессивно-оценочная и ассоциативно-образная (*гибкие доводы* – функционально уместное клише, а определение *гибкие* удачно поддерживает метафорическую ассоциацию с прутьями). Попытки обеспечить в переводе в первую очередь ситуативную эквивалентность в данном случае приводят к частичному или полному разрушению юмористического эффекта:

– Поищи свои доводы в королевских лесах и рощах, – сказал король. – А не сумеешь соединить **колкие наблюдения** с подходящими для этого случая **жгучими возражениями**, значит, ты человек весьма слабых возможностей. (перевод И. Богданова)

«Я дам тебе отпуск, чтобы ты пошел и подобрал свои аргументы в королевских лесах и рощах», сказал король, «и если ты не сможешь найти **острые замечания, язвящие возражения**, подходящие к случаю, то ты человек весьма бедных ресурсов.» (перевод Е. Гужова)

В качестве еще одного примера проанализируем следующий перевод фрагмента из юмористического фельетона Д. Барри, который пародирует язык и содержание инструкций по эксплуатации бытовых приборов:

< 46 >

IF ANYTHING IS DAMAGED OR MISSING: You *immediately* should turn to your spouse and say: “Margaret, you know why this country can’t make a car that can get all the way through the drive-thru at Burger King without a major transmission overhaul? Because nobody cares, that’s why.” (“Read This First”)

В СЛУЧАЕ ПОВРЕЖДЕНИЯ ИЛИ ОТСУТСТВИЯ КАКИХ-ЛИБО ДЕТАЛЕЙ: Вы должны *немедленно* повернуться к супруге и сказать: «Ты знаешь, Маргарет, почему в этой стране не могут сделать нормальную машину, которая доедет до «Макдоналдса» и не развалится на полдороге? Потому что всем на все наплевать, вот почему». (Пер. Д.М. Бузаджи)

С использованием категорий нашей схемы мы можем описать произошедшие трансформации следующим образом:

Вместо сети ресторанов быстрого обслуживания *Burger King* в переводе возник «Макдоналдс», потому что первое заведение общепита в России малоизвестно, тогда как второе можно встретить едва ли не в каждом крупном городе. При этом обе сети вписываются в контекст американской действительности, что делает подобную замену допустимой.

Упоминание о *drive-thru* превратилось в дорогу до самого заведения, потому что *drive-thru* (в данном случае – идущий вдоль здания ресторана отрезок дороги, где расположены окошки, в которых водитель может заказать и получить еду не выходя из машины) не имеет короткого и частотного в речи русского эквивалента.

Таким образом, обе эти замены были сделаны на основе анализа рисунка конвенциональности формы (использованы конвенциональные средства) и информативного рисунка (куда, помимо ситуативной, входит ассоциативная информация (о типе заведения, времяпрепровождении говорящего) и стилевая информация (тон раздраженного обывателя). В переводе значительная часть описываемой ситуации была сохранена (поездка на машине в ресторан быстрого обслуживания), однако уровень ситуативной эквивалентности был понижен, чтобы обеспечить эквивалентность ассоциативную и стилевую. По тем же соображениям была изменена синтаксическая форма и понижен уровень ситуативной эквивалентности при передаче выражения *without a major transmission overhaul*.

Разумеется, все эти преобразования стали возможны только с учетом функционального рисунка самого текста (развлекательный фельетон, написанный в авторской манере) и были бы недопустимы,

< 47 >

например, в информационной статье, посвященной системе общественного питания или автомобилестроению США.

В заключение мы можем обстоятельно ответить на вопрос о переводческом инварианте, т.е. на вопрос: «Что передается в переводе?»

Функциональный рисунок передается полностью. Возможность такой передачи – залог того, что перевод действительно осуществим.

Информативный рисунок передается по возможности точно. Его полная передача – идеал, к которому следует стремиться. При вынужденных отступлениях от исходного рисунка переводчик обычно жертвует полнотой ситуативной информации ради сохранения актуализированной в ТО экспрессивно-оценочной, ассоциативно-образной или стилевой информации.

Форма в переводе последовательно передаваться не может в принципе (т.к. копирование формальных элементов оригинала на всех уровнях приведет к переводу, лишенному смысла, а в конечном итоге – к простому переписыванию ТО). Полные или частичные совпадения отдельных формальных элементов в ТО и ТП оправданы только в том случае, если это способствует (или, по крайней мере, не препятствует) сохранению информативного инварианта. На формальном уровне продуктивнее сопоставлять конвенциональность языковых средств, использованных в ТО и ТП.

Заметим на всякий случай, что такой, функционально-коммуникативный, подход к переводу вполне допускает и множественность адекватных переводов одного и того же текста или его фрагмента, и возможность по-разному оценивать факторы, определяющие функциональный инвариант. Это не схоластическая догма – а живая, здравая концепция перевода, имеющая солидное научное обоснование и дающая убедительные результаты на практике.

6. Учет сочетаемости при переводе

Сочетаемость, наряду с такими явлениями, как фразеологизмы, крылатые слова, цитаты и т. п., можно считать одним из факторов, определяющих идиоматическую форму того или иного текста. Под идиоматической формой мы понимаем степень спаянности, взаимной обусловленности различных элементов текста, которая может варьироваться от очень высокой (в текстах, построенных на штампах и клише) до очень низкой (в художественных произведениях экспериментального характера).

< 48 >

Известный переводовед Мона Бейкер пишет: «...Хочу повторить, что язык отнюдь не состоит из большого количества слов, которые можно употреблять в произвольных сочетаниях. Комбинаторная способность слов ограничена. Как и отдельные слова, идиоматические модели (collocational patterns) обладают особым значением и могут быть связаны с конкретной культурой. Этот факт, а также то, что логика идиоматических моделей, как правило, непредсказуема, создает для переводчика множество ловушек и затруднений»³⁸.

В процессе преподавания перевода о проблеме сочетаемости приходится говорить неоднократно: идя за формой оригинала, начинающий переводчик испытывает соблазн переводить слова по отдельности, исходя только из их значений. «Идиоматические модели», о которых пишет М. Бейкер, неочевидны, ограничения, которые они накладывают, серьезно затрудняют поиск эквивалентов, поэтому даже в переводах, выполненных довольно опытными специалистами, нет-нет да и попадаются выражения вроде *(часы) дышат его стилем, мужественностью и изысканным вкусом* (можно ли

³⁸ Baker M. In Other Words. – Abingdon: Routledge, 2008. – С. 63.

дышать стилем и вкусом?) или (*достижение*) *впитавшее дух фирмы* (можно ли впитать дух?).

Итак, не подлежит сомнению, что организация текста зависит не только от значения отдельных слов, синтаксических конструкций и т. д., но и от исторически сложившихся моделей, обуславливающих типичное взаиморасположение языковых элементов и не совпадающих в разных языках. Обычно исследователи обращают внимание на сочетаемость в рамках таких моделей, как «прилагательное + существительное», «существительное + существительное» и «глагол + дополнение»³⁹. «Переводчик, – пишет П. Ньюмарк, – спрашивает себя: если по-французски говорится *travail musculaire*, можно ли сказать *muscular work* по-английски? «Клетка» по-французски «нервная», а какая она в английском языке? По-немецки мы «держим газету», а можно ли ее «держат» по-английски? А какие глаголы обычно сочетаются с «дверью?»»⁴⁰.

Однако проблематика сочетаемости не ограничивается вопросами такого рода. М. Бейкер отмечает еще и то, что сочетаемость

< 49 >

двух слов может распространяться как на множество грамматических моделей (например, *achieving aims, aims having been achieved, achievable aims, the achievement of an aim*), так и на единичные модели: «По-английски мы говорим *bend rules*, но вряд ли кто-то охарактеризует *rules* как *unbendable*. В таком случае обычно говорится *inflexible rules*»⁴¹. Этот же исследователь обращает наше внимание на то, что модели, характерные для специфической предметной области или стиля языка, могут показаться странными в другой области или стиле.

И все-таки влияние сочетаемости гораздо многообразнее и далеко не всегда выражается в конкретном наборе словесных комбинаций. Рассмотрим интересный случай на примере фрагмента из одной англоязычной статьи:

The great apes could be extinct in ten years, mainly because miners digging for a mineral used in mobile phones **are eating them**, the United Nations Environment Programme said yesterday.

The mobile phone boom has increased demand for coltan (columbo-tantalite), which is used in tiny capacitors, and thousands of miners have flooded into Central African forests. In two national parks in the Democratic Republic of Congo, one of the few countries where coltan is found, miners **have eaten almost all of the gorillas** which featured in the charge scene in the film *Gorillas in the Mist*. (Times, May 25, 2001)

Совершенно очевидно, что переводы вроде «через десять лет на земле может не остаться горилл... потому что старатели их едят» и «старатели съели почти всех горилл» вызовут смех, никак не предусмотренный в оригинале. Вряд ли можно говорить о том, что в английском языке *eat a gorilla* – типичное сочетание, наподобие *bend a rule*. Однако приходится сделать вывод, что комбинаторные ограничения английского *eat* менее жесткие, чем у русского глагола *есть*, который в нейтральном, серьезном контексте не допускает сочетания со словом, обозначающим крупное живое существо, не ассоциирующееся обычно с пищей. В песне В. Высоцкого нарушение привычной комбинаторики использовано для создания комического эффекта: «Ошибка вышла – вот о чем молчит наука: / Хотели кока, а **съели Кука**». Однако при переводе материала

³⁹ См. Newmark P. A Textbook of Translation. – Harlow: Pearson Education Limited, 2008. – С. 212–213.

⁴⁰ Там же. С. 213.

⁴¹ Baker M. In Other Words. – Abingdon: Routledge, 2008. – С. 48.

энциклопедического содержания (например, «The belief of some of Cook's crew and later commentators that **Cook's flesh was eaten** by Hawaiians is

< 50 >

strongly disputed»⁴²) придется приложить усилия, чтобы за счет присущих научному стилю оборотов не допустить комизма (например: «Предположение, выдвинутое некоторыми членами экипажа Кука, а также позднейшими исследователями, что **плоть, срезанная с тела капитана, была гавайцами съедена**, многими опровергается» (ср. «плоть Кука гавайцы съели»)).

Из всего вышесказанного следует ряд важных выводов. Первый заключается в том, что текст перевода будет удобным для восприятия, понятным, естественным только в том случае, если переводчик будет подбирать эквиваленты не по отдельности, а коммуникативными фрагментами, т.е. с учетом того окружения, в котором предполагаемые к использованию единицы ПЯ оказываются в тексте перевода. В противном случае спектр ПЯ будет серьезно искажен. По образному выражению П. Ньюмарка, «если грамматика – скелет текста, то типичные сочетания – нервы: их гораздо больше, чем костей, и они отвечают за более конкретные и тонкие нюансы значения; лексика же – плоть текста»⁴³.

Второй вывод касается взаимоотношений между идиоматичностью и точностью перевода, о которых исследователи также часто упоминают. М. Бейкер так формулирует свою позицию в данном вопросе: «При переводе немаркированного сочетания... переводчик в идеале должен найти такое сочетание, которое будет типичным в переводящем языке и передаст смысл исходного фрагмента. Этот идеал не всегда достижим. <...> То, насколько изменение смысла допустимо или недопустимо в конкретном случае, зависит от значимости того или иного изменения в данном контексте. Безусловно, достижение точности – одна из важнейших задач переводчика, но не менее важно учитывать, что беспрепятственную коммуникацию во многом обеспечивает как раз использование привычных моделей сочетаемости, знакомых носителю переводящего языка. Характерные идиоматические модели также отличают естественный перевод, который читается как оригинал, от перевода неуклюжего, который звучит “по-иностранному”»⁴⁴.

Мы полностью согласны с мнением исследователя, однако добавим еще одно соображение, которое не просто «извиняет»,

< 51 >

но и предписывает небольшие отклонения от смысла ради сохранения привычной сочетаемости. Если носитель языка строит свою речь более или менее готовыми блоками, то наличие в тексте определенных слов, грамматических явлений и пр. обусловлено не только (а иногда и не столько) конкретным авторским намерением, но и языковыми конвенциями. Следовательно, если переводчик в подобном случае в интересах большей «точности» пожертвует естественной сочетаемостью, то он на самом деле познакомит читателя перевода не с особенностью языковых предпочтений автора, а с элементом организации ИЯ как такового, что уместно при филологическом переводе, но

⁴² Wikipedia.org

⁴³ Newmark P. A Textbook of Translation. – Harlow: Pearson Education Limited, 2008. – С. 213.

⁴⁴ Baker M. In Other Words. – Abingdon: Routledge, 2008. – С. 56–57.

бессмысленно в переводе, ориентированном на сохранение функции и коммуникативного эффекта оригинала.

Приведем не очень яркий, но типичный пример из реального перевода журнальной статьи:

Instead of having to wait till the end of the year, Breitling collectors can get a Chronomat B01 **for their wrists** right now.

Коллекционерам не придется ждать до конца года: «Хрономат B01» можно приобрести и **носить на руке** уже сейчас.

В англоязычных текстах, посвященных наручным часам, выражения со словом *wrist* встречаются настолько часто, что не всегда имеют какое-то самостоятельное фактическое значение, например:

- Breitling's Emergency Chronograph plays a real-life heroic and uncompromising role **on the wrist**.
- The essence of a mechanical engine abstracted and distilled into a watch **to fit one's wrist** – it's the kind of poetry most full-blooded men can appreciate.
- Armed with knowledge, not only will they be acquiring timepieces of perpetual value, they would also be better placed to savor the pleasures of the engineering and architectural feats that **rest comfortably on their wrists** or in their palm of their hands.

Однако переводчик не учел, что выражение *for their wrists* – фактически десемантизированный заполнитель и сохранил его в переводе, придав ему тем самым больший вес. В результате у читателя перевода складывается ощущение, что почему-то было важно указать на то, как именно носить новую модель.

Отсюда логично вытекает третий вывод: чем конвенциональнее текст, тем более конвенциональна его идиоматическая форма, а следовательно, тем чаще переводчику приходится прибегать

< 52 >

к изменениям и перестановкам ситуативной информации, необходимым для сохранения конвенциональности идиоматической формы в переводе. Скажем, в процитированном выше отрывке из книги М. Бейкер мы перевели выражение «Accuracy is no doubt an important aim in translation» как «Безусловно, достижение точности – одна из важнейших задач переводчика». По нашим наблюдениям, русский язык строже относится к сопоставлениям разнородных элементов. Если в английском языке *accuracy* (характеристика результата или процесса перевода) может быть названа целью (*aim*), то по-русски логичнее целью назвать не саму характеристику, а ее достижение. Соображениями сочетаемости продиктована и передача *aim in translation* как *задача переводчика* (а не *задача в переводе*).

С другой стороны, чем более в тексте авторского, тем более вероятно появление в нем оригинальных оборотов, так или иначе выбивающихся из конвенций сочетаемости, и тем более оправданно сохранение эффекта, производимого этими оборотами.

Прочитруем два отрывка из учебника П. Ньюмарка, где автор описывает переводческие стратегии при столкновении с неестественным словосочетанием в зависимости от типа контекста: «Такие варианты перевода *sincérité explosive*, как *impassioned, enthusiastic, intense* или *violent sincerity* [т.е. что-то вроде *страстная, горячая, неистовая искренность* – Д.Б., В.Л.], звучат естественно, но если в серьезном романе сказано *sincérité explosive*, значит, в переводе надо писать *explosive sincerity* [т.е. *взрывная*

искренность – Д.Б., В.Л.], нравится вам это или нет... Если, конечно, вы не будете утверждать (сразу скажу: я с этим не согласен), что в переносном значении французское слово *explosif* (например, *tempérament explosif*) употребляется чаще, чем английское *explosive* (например, *an explosive temperament*). В таком случае у вас будут основания перевести *explosif* другим словом, которое, на ваш взгляд, точнее соответствует его смыслу и употреблению (скажем, что-нибудь вроде *fiery sincerity* [т.е. *пламенная искренность* – Д.Б., В.Л.]»⁴⁵.

В другом месте порядок действий с непривычной метафорой описан так: «Если, скажем, вам в переводе встретилось предложение «L'après-midi, la pluie tue toujours les vitres», сперва необходимо проверить, нет ли опечатки. Если нет, а текст авторитетный или

< 53 >

экспрессивный, то вы переводите: «In the afternoons, the rain always kills the window-panes» [т.е. дословно *В послеобеденное время дождь всегда убивает оконные стекла* – Д.Б., В.Л.] и, может быть, даете интерпретацию в сноске. Если же текст анонимный [по терминологии П. Ньюмарка, это текст, статус автора которого не важен – Д.Б., В.Л.], то надо попробовать придумать что-то вроде: «In the afternoons, the rain darkens/muffles/blocks the light from the window-panes» [т.е. дословно *В послеобеденное время дождь затемняет/затягивает/оставляет без света оконные стекла* – Д.Б., В.Л.]. Ничего не поделаешь: все в переводе должно быть осмыслено»⁴⁶.

Однако следует помнить, что даже в художественном тексте далеко не все, что может показаться индивидуально авторским речением, действительно настолько своеобразно, что заслуживает передачи в ПЯ с использованием неконвенциональных средств. Американский переводчик Р. Пивер так комментирует место из романа Л.Н. Толстого «Война и мир», который он (в соавторстве со своей русской супругой Л. Волохонской) переводил на английский язык: «Толстой пишет: «По доскам моста раздались прозрачные звуки копыт». Сказано четко и ясно – *прозрачные звуки, transparent sounds* – и эта точность выражения приводит меня в восторг. Вот настоящий Толстой. Насколько я знаю, раньше это место как следует на английский не переводилось. В других переводах написано *thud* или *clang of hoofs* [т.е. *топот* или *звон копыт* – Д.Б., В.Л.]. И я, может, дал бы примерно такой же вариант, если бы Лариса не обратила мое внимание на то, как именно написано у Толстого»⁴⁷.

Безусловно, *прозрачные звуки копыт* – более яркое выражение, чем *звон копыт*, однако его оригинальность переводчиком сильно преувеличена. То, что оно само по себе не является признаком стиля Л.Н. Толстого, показывают следующие примеры из русской литературы:

- **И звуки те прозрачнее**, и чище, / И радостней всех голосов земли. (А. Фет. «Грезы»)
- Так волнуют **прозрачные звуки**, / Будто милый твой голос звенит. (А. Блок. «Пляски осенние»)

< 54 >

⁴⁵ Newmark P. A Textbook of Translation. – Harlow: Pearson Education Limited, 2008. – С. 29.

⁴⁶ Там же. С. 106.

⁴⁷ Pevear R. Tolstoy's Transparent Sounds // New York Times. 14.10.2007.

- Не могут **прозрачные звуки** Шопена, / Хоть властны над всем, что хотят, / Поведать, как странно красива сирена, / Чей манит, уводит чарующий взгляд. (К. Бальмонт. «Варшава»)
- Я никогда ни у кого не слышал такого чистого, первородно-ясного и **прозрачного звука**, трезвого в рояли, как ключевая вода, и доводящего скрипку до простейшего, неразложимого на составные волокна голоса (О. Мандельштам. «Шум времени»)
- Я помню свято **звук прозрачный** /цветного дятла в сосняке. (В. Набоков. «Я помню только дух сосновый...»)
- И тактом для этой песни был стук колес, а мелодией – вся гибкая и **прозрачная волна звуков**. (Л. Андреев. «Вор»)

Очевидно, в русском языке – по крайней мере, в поэзии или близких к поэзии прозаических описаниях – довольно естественно переосмысление слова *прозрачный* как *чистый, звонкий, отчетливый* и т. п. Это неудивительно: даже в прямом значении (например, *прозрачная вода, прозрачный воздух*) слово *прозрачный* предполагает не только способность пропускать свет, но и чистоту – оттенок смысла, отсутствующий у слова *transparent*. Таким образом, из яркого, но вписывающегося в русскую литературную традицию и логику русского узуса образного выражения переводчик сделал крайне необычную индивидуально-авторскую метафору. Что же касается перевода на английский язык процитированного выше отрывка из «Войны и мира», то можно предположить, что более адекватным вариантом перевода *прозрачных звуков* было бы *crisp sounds*.

Следует отметить одну закономерность, которая применима не только к передаче идиоматической формы, но и к переводу вообще: лучше передать авторское средство общезыковым и тем самым потерять часть неситуативной информации, чем передать общезыковое авторским и создать экспрессивность, оценочность, ассоциативность или стилевую соотнесенность, не предусмотренную оригиналом. Разумеется, эта рекомендация не относится к случаям компенсации, когда неизбежные потери информативной

< 55 >

полноты в одном месте текста восполняются добавлением соответствующих элементов в другом месте.

Логика этой рекомендации проста. Если переводчик утратит часть неситуативной информации (подчеркнем: надо стремиться к тому, чтобы таких потерь было как можно меньше), читатель перевода, конечно, недополучит определенных эстетических впечатлений, однако не заметит этой потери и – самое главное – у него не сложится искаженных представлений о стиле автора. Если же переводчик «подарит» автору яркое, нетипичное, не соответствующее узусу речение, это, наоборот, привлечет внимание читателя, в некоторых случаях затруднит понимание ситуативного смысла и может привести читателя к неверным выводам относительно характера оригинала.

В.К. Латышев пишет: «При переводе художественной или публицистической прозы воспроизведение оригинала узусально неравноценными средствами искажает стилистические характеристики текста, создавая иллюзию индивидуального (авторского) стилистического приёма там, где его нет»⁴⁸.

⁴⁸ Л.К.Латышев. Перевод: Проблемы теории, практики и методики преподавания. – М.: Просвещение, 1988. – С. 89.

Таким образом, подбирая варианты при переводе, стоит мыслить не отдельными словами, а блоками, т.е. сразу учитывать характерную для ПЯ сочетаемость. Проиллюстрируем подобную методику работы на примере перевода одного предложения из публицистической статьи, посвященной возрождению в Японии популярности кимоно. Сначала автор описывает представления о кимоно, бытовавшие до настоящего времени:

The garment was seen as over-priced and uncomfortable, and brought to mind an outdated image of Japanese femininity, of demure women struggling to retain composure as they shuffle along in a garment that must have taken an age to put on. (Guardian, May 23, 2005)

С точки зрения сочетаемости, особую трудность для перевода представляет фрагмент: «...brought to mind an outdated image of Japanese femininity».

Работая над ним, переводчик может прийти к варианту вроде следующего: «...вызывало в голове устаревший образ японской женственности». Казалось бы, смысл более или менее понятен, однако в таком переводе наблюдаются многочисленные нарушения сочетаемости, т.е. спектр русского языка значительно искажен. С точки

< 56 >

зрения русского языка, образ не может быть устаревшим, сочетание *образ женственности* звучит чересчур абстрактно, вызывает сомнение сочетание *японская женственность* (ведь речь идет не о философском трактате, где анализируются представления о женственности у разных народов), да и *вызвать в голове образ* звучит неуклюже.

Чтобы прийти к более удачному варианту, необходимо сперва представить себе, что именно хотел сказать автор в этом отрывке. Авторская мысль такова: раньше, когда кто-то думал о кимоно, ему приходил на ум стереотип о японских женщинах, причем этот стереотип уже устарел (или же изначально ассоциировался с чем-то устаревшим – обе интерпретации в данном контексте допустимы). Теперь попробуем выстроить вариант перевода, причем будем отталкиваться не только от слов оригинала, но и от внутриязыковых связей ПЯ. Если разумнее предположить, что человеку приходила на ум не женственность, а женщины, то остановимся на варианте *японские женщины*. Причем русский язык позволяет заменить это сочетание более уместным в публицистическом стиле словом *японки*. Теперь попытаемся связать припоминание (*brought to mind*) и *японок* посредством некоего абстрактного понятия, соответствующего понятию *image*. Слово *образ* не вполне подходит, так как сочетания *вспоминался образ японок*, *ассоциировалось с образом японок*, *приходил на ум образ японок* и т. п. звучат неестественно. Более уместен вариант *представления о японках*, с которыми что-то может *ассоциироваться*. Наконец, необходимо отразить в переводе идею, выраженную в оригинале словом *outdated*, но это особых трудностей не создает: представления вполне могут быть устаревшими. Таким образом, приходим к варианту: «Кимоно считалось нарядом дорогим и неудобным и ассоциировалась с устаревшими представлениями о японках». В принципе можно было использовать и слово *стереотип*, которое мы употребили выше. Но в этом случае встает вопрос о том, может ли стереотип быть устаревшим или идея устарелости заложена в самом понятии *стереотип*, и переводчик рискует либо совершить погрешность против русского языка, либо потерять идею, заложенную в слове *outdated*.

Соблюдение требований идиоматичности имеет особое значение при переводе на иностранный язык. Как бы хорошо переводчик ни владел иностранным языком, чувствовать конвенциональность тех

< 57 >

или иных сочетаний, как ее чувствует носитель языка, он не сможет. Распространенная ошибка среди начинающих или непрофессиональных переводчиков – при переводе на иностранный язык полагаться только на знание лексики и грамматики. В результате такого подхода получаются более или менее нормативные, но неестественные высказывания, которые выдают иноязычное происхождение текста и иностранное – переводчика.

Чтобы по возможности избежать ошибок идиоматического характера, переводчик должен – еще в большей степени, чем при переводе на родной язык, – строить высказывания из готовых блоков, позаимствованных из оригинальных текстов на иностранном языке. Мы исходим из того, что переводить на неродной язык художественную литературу и другие тексты авторского характера – практика в принципе неправильная, а при переводе более или менее общеязыковых текстов расхожие выражения и клише будут вполне уместны.

Переводчик также должен пользоваться всей доступной ему справочной литературой, включая словари сочетаемости (кстати, полезные и при переводе на родной язык), фразеологические, синонимические словари, словари эпитетов, руководства по практической стилистике иностранного языка, письмовники и т. п. Неоценимую помощь переводчику, переводящему на иностранный язык, может оказать Интернет. Во-первых, Интернет позволяет найти совпадающие с переводимым текстом по жанру и тематике оригинальные тексты на иностранном языке, которые могут послужить источником подходящих клише. Во-вторых, набрав предполагаемый вариант перевода в окне поисковой системы и запустив поиск, переводчик может проверить употребимость того или иного сочетания.

Разумеется, особенно при переводе на английский, необходимо принимать во внимание не только частотность оборота (количество найденных страниц), но и то, какие сайты доминируют среди результатов поиска. Нередки случаи, когда проверяемое переводчиком английское сочетание оказывается довольно распространенным, но встречается в основном на переводных сайтах (в том числе русских). Предположим, русский переводчик переводит на английский язык статью (или аннотацию к ней) с заголовком, начинающимся словами: «Еще раз о...» (типичная модель заголовка в русских научных и научно-публицистических статьях). Теоретически такой заголовок можно было бы перевести как: «One more time about... / Once again

< 58 >

about...» Если мы, однако, проверим идиоматичность этих сочетаний с помощью системы «Гугл», мы увидим, что эти переводы, скорее всего, будут выбиваться из спектра английского языка. По запросу *one more time about* «Гугл» находит 28100 страниц (относительно немного), причем среди первых 20 результатов встречаются в основном ссылки на песню *Tell Me One More Time about Jesus*. Казалось бы, подтверждает правильность такого перевода ссылка на статью под заголовком *One More Time about Atoms*, однако статья подписана русской фамилией, что, скорее всего, говорит о ее переводном характере. Поиск по запросу *once again about* дает 194000 страниц, однако среди первых результатов – русский, украинский, французский и итальянский сайты, а также ссылка на статью *Once Again about the Equivalence Principle*, авторами которой указаны ученые из России. Таким образом, становится понятно, что эти варианты перевода не подходят и для передачи русского заголовка необходимо подобрать клише из оригинальных англоязычных текстов. Возможный вариант – заголовок, начинающийся со

слов: «More on...» Если проверить это сочетание с помощью того же «Гугла», в первой двадцатке найденных страниц мы увидим такие заголовки, как «More on density and rail» (New York Times), «More on Trial in Iran Over Post-Election Protests» (Associated Press), «More on Credit Card Overlimit Policies» (Columbia Journalism Review) и «More on the iPhone Suicide» (New Yorker).

Разумеется, при переводе на иностранный язык переводческие проблемы неразрывно связаны с проблемами чисто языковыми. Преподаватель английского языка и ведущий рубрики в «Москоу Ньюз» Марк Титер дает пример использования поисковой системы для выяснения одного грамматического вопроса: «Допустим, вы не знаете, как лучше написать: «The director, who I've known for years...» или «The director, whom I've known...». Поиск по первой фразе дает четыре полных совпадения, поиск по второй – три, т.е. почти поровну. Но надо проверить контекст употребления этих фраз и посмотреть, что представляют собой сайты, на которых они нашлись. Все четыре выражения, где использовано *who*, взяты из текстов, написанных от первого лица в небрежной манере, характерной для блогов, в которых ошибки встречаются на каждом шагу. Например: «The director, who I've known for years decided to be an ass a[nd] boot me out since I couldn't make it to the orrientation [sic!]». С другой стороны, два из

< 59 >

трех предложений с вариантом *whom* встретились в текстах официальных архивов: одного образовательного и одного государственного. И хотя единственно «правильного» ответа, писать ли в таких случаях *who* или *whom*, не существует, по результатам поиска вполне можно сделать для себя вывод, на каких носителей языка стоит равняться⁴⁹.

В книге «Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования» Б.М. Гаспаров сопоставляет операционный и репродуктивный подходы к изучению и описанию языка. Первый предполагает, что язык состоит из определенного количества исходных форм и правил их изменения и сочетания; согласно второму, говорящие пользуются готовыми коммуникативными фрагментами. Автор пишет: «Вывод, к которому мы здесь пришли, вполне соответствует тому, что известно каждому, кто изучал какой-либо язык в сознательном возрасте. На начальной стадии этого процесса буквально каждый наш шаг соотносится с правилами, которые мы либо узнали из учебника, либо сформулировали для самих себя, в ходе проб и ошибок в обращении с изучаемым языком. Однако по мере продвижения в этом деле присутствие в нашей деятельности каких-либо правил и обобщений становится все менее заметным. С одной стороны, по мере усложнения предстающей нам картины языка усвоенные ранее правила обрастают все большим числом разветвлений, исключений, оговорок; их контуры размываются, делаются все более зыбкими и менее надежными. С другой стороны, все время возрастает – и чем дальше, тем с большей скоростью, – число выражений, для обращения с которыми мы не нуждаемся ни в каких правилах, потому что эти выражения нам “просто” известны – известны сами по себе, безотносительно к их устройству, как знакомые предметы, которые мы привыкли иметь всегда “под рукой”»⁵⁰.

«Репродуктивная» тактика – залог естественной сочетаемости в переводном тексте. Однако переводчику следует помнить о том, что переход от «оперативного» к «репродуктивному» происходит не сам по себе, а только в результате долгой и усердной работы над иностранным языком. Более того, в силу специфики переводческой

⁴⁹ Teeter M.H. The translator's guide to life, the universe and everything // Moscow News. 10.08.2009.

⁵⁰ Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996. – С. 63.

< 60 >

деятельности (речепорождение под влиянием текста на другом языке) начинающий переводчик подчас переходит на «оперативность» даже при переводе на свой родной язык, пытаясь сконструировать фразу из отдельных элементов, напоминающих единицы ИЯ, и забывая о том, как «говорится» и как «не говорится». Неудивительно поэтому, что переводы, выполненные без учета требований сочетаемости выглядят так, будто их делал иностранец.

7. Переводческие трансформации

Одним из средств по возможности точного воссоздания информационного рисунка в переводе являются формальные преобразования, получившие в переводоведении название «переводческие трансформации». Первая классификация ПТ была разработана Я.И. Рецкером в рамках его теории закономерных соответствий. Рецкер определял трансформации как «приемы логического мышления, с помощью которых мы раскрываем значение иноязычного слова в контексте и находим ему русское соответствие, не совпадающее со словарным»⁵¹. Как явствует уже из определения, Рецкер положил в основу своей классификации категории формальной логики.

Концепция и классификация ПТ получили развитие в трудах Л.С. Бархударова, В.Н. Комисарова, А.Д. Швейцера, В.С. Виноградова и др. Определения и перечень видов ПТ в этих работах подчинялся основной концепции каждого из авторов, поэтому классификации ПТ в их трудах не всегда совпадают. Так, Бархударов выводил все трансформации из четырех элементарных типов (перестановки, замены, добавления, опущения), Швейцер положил в основу своей классификации категории семиотики. Мы рассмотрим те виды трансформаций, которые в том или ином виде (под тем или иным названием) включены в классификации большинства теоретиков перевода, обращавшихся к этой теме. В качестве исходного определения ПТ мы предлагаем то понимание трансформаций, которое содержится в трудах В.Н. Комисарова: «преобразования, с помощью которых можно осуществить переход от единиц оригинала к единицам перевода»⁵².

< 61 >

ПТ обычно делят на лексические, лексико-грамматические и грамматические. Иногда как особый вид трансформаций в этот список включают транскрипцию (передачу звуковой формы лексической единицы графическими средствами ПЯ) и транслитерацию (передача графической формы лексической единицы графическими средствами ПЯ), но нам представляется, что рассматривать эти явления как разновидность ПТ едва ли уместно, поскольку объектом перевода является не язык, а речь, транскрипция и транслитерация же – явления, неизбежно сопутствующие передаче даже отдельных лексических единиц, не включенных в высказывание, т.е. относятся к сфере не речи, а языка.

⁵¹ Я.И. Рецкер. Теория перевода и переводческая практика. – М.: Р.Валент, 2004. – с. 45.

⁵²

К числу традиционно выделяемых видов лексических и лексико-грамматических трансформаций относятся:

1. **Конкретизация.**
2. **Генерализация.**
3. **Смысловое развитие, или модуляция.**
4. **Компенсация.**
5. **Целостное преобразование.**
6. **Добавление.**
7. **Опущение.**

Как особые разновидности смыслового развития выделяют **антонимический перевод** и **конверсию**, как разновидности целостного преобразования – **компрессию**, **декомпрессию** и **интергипонимический перевод**.

Первые два вида – конкретизация и генерализация – представляют собой исключительно лексические трансформации, прочие – лексико-грамматические.

1. **Конкретизацией** называется замена слова или словосочетания ИЯ с более широким предметно-логическим значением словом и словосочетанием ПЯ с более узким значением. В результате применения этой трансформации создаваемое соответствие и исходная лексическая единица оказываются в логических отношениях включения: единица ИЯ выражает родовое понятие, а единица ПЯ – входящее в нее видовое понятие. Поэтому А.Д. Швейцер, как было отмечено, основывавший свою концепцию на категориях семиотики, использовал термины «гипоним» (слово с более широким значением, выражающее общее, родовое понятие, название множества предметов, свойств или признаков) и «гипероним» (понятие в отношении к другому понятию, выражающее более общую сущность) и обозначил этот вид ПТ термином «гиперонимические замены».

< 62 >

Примерами конкретизации могут служить следующие случаи:

Although the old man could only *walk* like a snail Syme had *walked* like the wind.
Старик *полз*, как черепаха, а Сайм *летел*, как ветер.

No one knew with what passionate emotion she loved this *child*.
Никто не знал, как страстно она любила своего *сына*.

Причины, вызывающие необходимость конкретизации, могут быть связаны как с расхождениями в лексических системах ИЯ и ПЯ, так и носить узуальный характер. В ряде случаев применение конкретизации обусловлено тем, что в ПЯ отсутствует слово со столь широким значением. Так, английское существительное *thing* имеет очень абстрактное значение (an entity of any kind) и на русский язык всегда переводится путем конкретизации: «вещь, предмет, дело, факт, случай, существо» и т.д. Сравним два перевода одного и того же отрывка из рассказа Ш. Андерсона:

One unversed in such matters can have no notion of the many and tragic *things* that can happen to a chicken. It is born out of an egg, lives for a few weeks as a tiny fluffy *thing*.

Человек несведущий в куроводстве даже не представляет себе, какие разнообразные и трагические *напасты* уготованы для цыплят. Цыплёнок вылупляется из яйца, живёт две-три недели в виде маленького пушистого *комочка*.

Человек, не сведущий в подобных делах, понятия не имеет о том, сколько трагических *происшествий* подстерегает цыпленка. Он вылупляется из яйца, несколько недель живет в виде крошечного пушистого *создания*.

Хотя два переводчика нашли разные эквиваленты для передачи выделенного слова, оба эквивалента оказались конкретнее, чем исходная лексическая единица. Отметим также конкретизацию слова *one* в обоих случаях.

Конкретизироваться может как денотативный компонент содержания единицы, так и коннотативный. Примером первого вида конкретизации, кроме приведенных, может служить передача глагола *to do (a play)* в следующих четырех примерах:

A nice new theatre I'm going to have and if I get my way I'm going *to do* some nice interesting *plays*.

Dong had Greek-American relatives who ran a restaurant and a small hotel in Montego Bay. Dong was forever talking about them and meant *to do a play* about them.

< 63 >

Brian somehow managed to give me absolute confidence in my abilities. The big one for me was playing King Lear, when I was in my Oxbridge term. Playing Lear at the age of 17 was an enormously enriching experience. But I remember being terribly worried about *doing the play* at the same time as my Oxbridge exams.

It is a remarkable fact that both in America and in England, commercial managers were keen to *do the play*.

Совершенно очевидно, что эквивалентом выделенного выражения в первом случае будет «поставить пьесу», во втором – «написать пьесу», в третьем – «играть в пьесе», в четвертом – «финансировать постановку пьесы».

В качестве примера конкретизации коннотативного компонента высказывания можно привести два перевода следующего отрывка из романа Дж. Стейнбека:

Her fingers were nail polish to the first joint and she was very angry. "*What's eating you?*" she said.

Ева все пальцы вымазала лаком, и при виде Уильяма она разозлилась.
– *Чего это ты шлешься с такой мордой?* – спросила она.

Пальцы у нее были чуть не до половины вымазаны лаком, и она злилась на весь мир.
– *Чего надулся как мышь на крупу?* – вскинулась она.

Оба варианта перевода по характеру и интенсивности экспрессивной оценки конкретнее, чем исходная реплика, однако указание "*she was very angry*" не дает возможности использовать в переводе более нейтральный по тону способ выражения.

Исследователи отмечают, что конкретизация является одним из наиболее частотных приемов при переводе с английского языка на русский, что вызвано более широким семантическим диапазоном русской лексики по сравнению с английской. Это, свою очередь, обусловлено различием в типологических характеристиках указанных языков

(преобладание аналитизма в английском и синтетизма в русском)⁵³.

2. **Генерализацией** называется замена единицы ИЯ, имеющей более узкое значение, единицей ПЯ с более широким значением.

< 64 >

Иными словами, генерализация – преобразование, обратное конкретизации. Создаваемое соответствие выражает родовое понятие, включающее исходное видовое, поэтому А.Д. Швейцер назвал этот тип ПТ «гипонимической заменой». Приведем несколько примеров:

At nine Mr McCaskey came. He carried his coat on his arm, and his pipe in his teeth; and he apologized for disturbing the boarders on the step as he selected spots on stone between them on which to set his *size 9 width Ds*.

Маккаскаси явился в девять. На руке у него было пальто, а в зубах трубка. Он попросил извинения за беспокойство, проходя между жильцами и осторожно выбирая место, куда поставить ногу в *ботинке невероятных размеров*.

He showed us his old beat-up *Navajo* blanket.

Он нам показал свое потрепанное *индейское* одеяло.

Основная причина использования генерализации состоит в том, что исходная лексическая единица может содержать нерелевантную для данного контекста информацию или оказаться непонятной получателю без дополнительных пояснений. Характерный пример – отрывок из рассказа А.П. Чехова «В овраге»:

Возвращались старухи из леса, и с ними ребята; несли корзинки *с волнушками и груздями*.

Упомянутые грибы имеют английские названия (*goat's beard, milky cap*), однако широкому читателю, на которого рассчитан английский перевод, они практически неизвестны и потребовали бы дополнительных объяснений. Поэтому авторы переводов этого рассказа, как правило, прибегают к генерализации:

Some old women and children were returning from the woods, carrying baskets of *mushrooms*.

Old women were returning from the woods, with children running beside them; they carried baskets filled with *mushrooms*.

The old women were coming back from the forest, and the children with them; they were carrying baskets of *mushrooms*.

Отметим, что в тексте специального характера (например, биологическом справочнике) точное указание на название грибов было бы обязательно, так как содержащаяся в нем информация считалась бы уже релевантной.

Более общее обозначение может быть предпочтительным и по стилистическим причинам. В художественных произведениях на русском языке не принято с пунктуальной точностью указывать рост и вес персонажей, если это не связано со спортивными

⁵³ Подробнее о причинах и видах конкретизации см.: А.И. Шейн. Типология гипонимических преобразований при переводе с английского языка на русский: Автореф. дис. ... канд. филол. наук – М.: МГЛУ, 2009.

< 65 >

соображениями, и сочетание *a young man of 6 feet 2 inches* в английском оригинале будет заменено в русском переводе на «*молодой человек высокого роста*».

3. **Модуляцией** (термин В.Н. Комисарова), **смысловым развитием** (термин Я.И. Рецкера) или **метонимическим переводом** (термин А.Д. Швейцера) называется замена слова или словосочетания ИЯ единицей ПЯ, значение которой логически выводится из значения исходной единицы. Наиболее часто значения соотнесенных слов в оригинале и переводе оказываются при этом связанными причинно-следственными отношениями: *I don't blame them. – Я их понимаю.* (Причина заменена следствием: я их не виню потому, что я их понимаю). *He's dead now. – Он умер.* (Он умер, следовательно, он сейчас мертв.) *He always made you say everything twice. – Он всегда переспрашивал.* (Вы были вынуждены повторять сказанное, потому что он вас переспрашивал).

Частным случаем модуляции является ПТ, получившая название **антонимический перевод** – лексико-грамматическая трансформация, при которой замена утвердительной формы в оригинале на отрицательную форму в переводе или, наоборот, отрицательной на утвердительную сопровождается заменой лексической единицы ИЯ на единицу ПЯ с противоположным значением:

Two men were there. One was a young man smoking a pipe – *a man she had never seen before.*

У прилавка стояли двое мужчин. Какой-то молодой человек с трубкой – *его она видела впервые.*

“If you have done insulting me, sir,” said Harker, as soon as he and the officer were left alone with the dead man, “I suppose I am at liberty to go?”

– Если вы не собираетесь продолжать ваши оскорбления, сэр, – сказал Харкер, как только они со следователем остались одни возле мертвеца, – то, полагаю, я могу удалиться?

При переводе с английского языка на русский антонимический перевод часто употребляется при передаче предложений, в составе которых есть придаточные, вводимые союзами *until* и *unless*:

The United States *did not* enter the war *until* April 1917.

Соединенные Штаты вступили в войну *только в* апреле 1917 г.

Additional expenditures *shall not* be made *unless* authorized.

Дополнительные расходы должны производиться *лишь с* особого разрешения.

< 66 >

А.Д. Швейцер выделяет еще одну разновидность модуляции – **конверсию**. По его словам, конверсивные трансформации, как и антонимический перевод, «характеризуются семантической противопоставленностью признаков. При этом как, правило, противопоставляются друг другу разнонаправленные действия (типа *убить* – *погибнуть*, *давать* – *получать* и др.). В результате такого рода замен актанта, от которого исходит действие (т.е. его субъект), превращается в актанта, на которого это действие направлено

(т.е. в его объект) или в обстоятельство, и наоборот»⁵⁴. Например:

“I feel a presentiment that something dreadful is going to happen,” she said to me. “Do I look pale?” She was looking about as pale as a *beetroot that has suddenly heard bad news*.

– У меня есть предчувствие, что произойдет нечто ужасное, – сказала она мне. – Я не бледна? Она была бледна как *свекла, которой только что сообщили плохую новость*.

4. **Компенсация** – это способ перевода, при котором элементы смысла, утраченные при переводе единицы ИЯ в оригинале, передаются в тексте перевода каким-либо другим средством, причем необязательно в том же самом месте текста, что и в оригинале. Таким образом, утраченный смысл восполняется (компенсируется), и, в целом, содержание оригинала воспроизводится с большей полнотой.

Примером этого приема может служить передача различий в обращении на «ты» и на «вы» при переводе с русского языка на английский:

– Да зачем нам вторую тройку? – вступился было Митя. – Поедем на одной, Маврикий Маврикич, небось не взбунтуюсь, не убегу от *тебя*, к чему конвой?

– А извольте, сударь, уметь со мной говорить, если еще не научены, я вам не *ты*, не извольте тыкать-с.

“But what do we need a second troika for?” Mitya intervened. “Let’s go in one, Mavriky Mavrikievich, I assure you I won’t run away from you, *old fellow* – why the escort?”

“Kindly learn how to address me, sir, if you don’t know already; I’m not your ‘*old fellow*’, kindly do not be so familiar.”

Поскольку грамматического эквивалента обращению на «ты», характеризующему более близкие отношения, в современном английском языке не имеется, переводчик передал эту

< 67 >

характеристику не грамматическим, а лексическим средством – фамильярным обращением *old fellow*.

Если рассматривать компенсацию, соотнося компенсируемые элементы с языковыми уровнями, то ее можно разделить на вертикальную и горизонтальную. При горизонтальной компенсации элементы смысла, прагматические значения, а также стилистические нюансы, выражающиеся в тексте оригинала единицами определённого уровня и утрачиваемые при переводе, воссоздаются в тексте перевода единицами того же уровня: то есть фонетика передается фонетикой (на письме это достигается графическими средствами), лексика – лексикой и т. д. Вертикальная же компенсация – это компенсация, при которой элементы смысла, прагматические значения, а также стилистические нюансы, выражающиеся в тексте оригинала единицами одного уровня и утрачиваемые при переводе, воссоздаются единицами другого уровня: то есть лексика передается синтаксисом, фонетика – лексикой, синтаксис – лексикой и т. д.

Кроме того, компенсация бывает контактной, когда потери в переводе компенсируются в том же самом месте, что и в тексте оригинала, и дистантной, когда потери компенсируются не там, где располагался утрачиваемый при переводе элемент. И

⁵⁴ А.Д. Швейцер. Теория перевода: Статус. Проблемы. Аспекты. – М.: Наука, 1988. – с. 142.

горизонтальная, и вертикальная компенсация могут быть как контактной, так и дистантной⁵⁵.

Примером использования обоих видов компенсации может служить перевод диалога маленьких героев рассказа Р. Киплинга:

“Ju, you bemember Mamma?”

““Torse I do,” said Judy.

“Then always bemember Mamma, ‘r else I won’t give you paper ducks that red-haired Captain Sahib cut out for me.”

– Джуду, ты маму не забыла?

– Нискоечки, – говорила Джуду.

– И никогда в жизни не забывай, а то мне рыжий капитан-сахиб наделал голубейчиков из бумаги, а я тебе не дам.

В речи Джуду фонетическое искажение, характерное для детской речи (*of course* – ‘*torse*) передано при переводе в том же слове и фонетическими же средствами (*нискоечко* – *нискоечки*). Это горизонтальная контактная компенсация. В речи ее брата неправильность детской речи передана в переводе не на фонетическом уровне, как

< 68 >

в оригинале (*remember* – *bemember*), а как неправильность словообразовательная (*голубейчики*), причем хотя в речи того же героя, но в другом месте. Это случай вертикальной дистантной компенсации.

5. Целостное преобразование, по определению Я.И. Рецкера, это «синтез значения без непосредственной связи с анализом. Преобразуется внутренняя форма любого отрезка речевой цепи – от отдельного слова, большей частью сложного, до синтагмы, а порой и целого предложения. Причем преобразуется не по элементам, а целостно, так что видимая связь между внутренней формой единиц ИЯ и ПЯ уже не прослеживается»⁵⁶. Наиболее типичными случаями целостного преобразования можно считать передачу типичных клише повседневного общения (*don’t mention it* – *не стоит благодарности, that will do* – *хватит, достаточно*), передачу фразеологизмов ИЯ при помощи фразеологических аналогов ПЯ (*a stone’s throw from smth.* – *в двух шагах, рукой подать, Indian summer* – *бабье лето*) и передачу устойчивых словосочетаний другого рода с помощью их устойчивых эквивалентов ПЯ.

Рецкер признает, что целостное преобразование имеет много общего со смысловым развитием, однако «обладает большей автономностью и обнаруживает в значительно меньше степени логическую связь между планами выражения ИЯ и ПЯ»⁵⁷.

Иногда в рамках целостного преобразования выделяют случаи, когда в переводе используются более компактные конструкции, чем тексте оригинала. Такие случаи получили название **компрессии**:

He almost killed he horse by making him run.

⁵⁵ Типы компенсации подробно описаны в диссертации М.А. Яковлевой «Компенсация при передаче стилистически сниженных высказываний на разных уровнях текста» (МГЛУ, 2008).

⁵⁶ И.Я Рецкер, с. 60.

⁵⁷ Рецкер, там же.

Он чуть не загнал лошадь.

We're having a heart-to-heart talk.
У нас междусобойчик.

Прием, противоположный компрессии – **декомпрессия**, развертывание исходного элемента текста при переводе:

Andrew Teare, the former Rank Group chief executive who famously *smiled his way through corporate woe after corporate woe*, has turned novelist.

Эндрю Тиер, один из бывших руководителей концерна «Рэнк Груп», запомнился многим неизменной улыбкой, с которой он наблюдал, как на его концерн обрушивается беда за бедой. Недавно Тиер решил стать писателем.

< 69 >

Как отмечает Рецкер, минимальной единицей, способной подвергаться целостному преобразованию, является слово. А.Д. Швейцер рассматривал такие случаи как особый вид ПТ, который он назвал **интергипонимической заменой**, т.е. «заменой одного частного понятия другим в пределах одного общего понятия»⁵⁸. Примером такой замены может служить перевод реплики героя комедии А.П. Чехова «Свадьба»:

Будете всю жизнь благодарить. Не генерал, а *малина*.
You'll be grateful to me to the end of your days. Not a general but a *peach*.

Для передачи коннотации, содержащейся в исходном образе, переводчица (К. Гарнетт) выбрала другую единицу того же семантического поля, обладающую сходной коннотацией в ПЯ.

Однако интергипонимические замены могут использоваться не только для воспроизведения коннотативного компонента единиц ИЯ. В следующем примере такая замена применяется для передачи реалии, незнакомой читателю перевода:

He kept on buying stale bread. Never a cake, never a pie, never one of her delicious *Sally Lunn*s.
Он продолжал покупать черствый хлеб. Ничего, кроме черствого хлеба. Ни пирожных, ни пирожков, ни ее восхитительного *песочного печенья*.

Sally Lunn – сладкий пирог к чаю, который подается к столу горячим и смазанным маслом. Разъяснение этой реалии в сноске неоправданно отвлекло бы внимание читателя на малосущественную подробность, поэтому в переводе используется другая единица, также относящаяся к числу мучных кулинарных изделий.

6 – 7. Часто под ПТ, получившей название **добавление**, понимают «восстановление в ПЯ формально невыраженных элементов ИЯ»⁵⁹ – иными словами, использование в ПТ коммуникативно и семантически релевантной лексики, не имеющей прямого формального соответствия в ИТ. Обратный прием – **опущение** – при этом трактуется как отказ от использования в ПТ коммуникативно и семантически избыточных эквивалентов некоторых единиц ИТ. При таком понимании добавление и опущение, в сущности,

⁵⁸ Швейцер, с. 144.

⁵⁹ Л.Л. Нелюбин. Толковый переводоведческий словарь. – М.: Флинта, 2003. – с. 49.

приравнива-

< 70 >

ются к декомпрессии и компрессии, так что возникает вопрос, имеет ли смысл совмещать в рамках одной классификации ПТ две пары одинаковых приемов.

На наш взгляд, добавлению и опущению можно дать несколько иное толкование, вследствие чего эти термины буду относиться к явлениям, обладающим свое спецификой. Для большей ясности рассмотрим три примера:

1. An air traffic controller allowed two airplanes to fly too close to each other as one took off from *La Guardia Airport* and the other arrived.

В *ню-йоркском аэропорту «Ла Гуардиа»* по вине авиадиспетчера едва не столкнулись два самолета, одни из которых взлетал, а другой заходил на посадку.

2. *Eddy's ghost* had a round face – no beard, but what he described as a rough face.

Призрак, которого видел Эдди, был безбородым, с круглым и, как он рассказывал, грубым лицом.

3. Taking advantage of the lifting of restrictions on travel into the West during Czechoslovakia's reformist period of 1968, Petr Skrabanek was on a camping holiday in Ireland with his wife when the Russian tanks rolled into Prague. Despite *only having two rucksacks, a small tent and very little English* they decided to stay.

В 1968 г., в период реформ в Чехословакии, когда были сняты ограничения на выезд за рубеж, Петр Скрабанек его жена отправились в туристический поход в Ирландию. Как раз в это время в Прагу вошли советские войска. Хотя супруги *взяли с собой в поездку только два рюкзака и маленькую палатку, а английским языком они владели не очень хорошо*, они все же решили остаться в Англии.

В первом примере добавление определения «ню-йоркский» стало необходимым для того, чтобы эксплицировать фоновую информацию, знакомую получателю ТО, но отсутствующую в сознании получателя ТП. Во втором случае развертывание сочетания *Eddy's ghost* стало возможным и даже необходимым в результате того, что элементы ситуативного контекста, без которых невозможна правильная интерпретация этого сочетания, заданы выше и без учета этих элементов это сочетание можно понять как «дух покойного Эдди». В третьем примере в ТО компрессия информации достигается за счет зевгмы, сохранение которой в переводе нецелесообразно, поэтому в ТП потребовалась синтаксическая перестройка.

< 71 >

Таким образом, правомерность введения в ТП лексики, не имеющей прямого формального соответствия в оригинале, обусловлено причинами, которые в первом случае имеют отношение к различиям в фоновых знаниях носителей ИЯ и ПЯ, во втором – к контексту, а в третьем – к различиям в грамматическом строе ИЯ и ПЯ. Иначе говоря, причины рассматриваемой ПТ в первом случае относятся к знанию реальности, стоящей за ПЯ, а во втором и третьем относятся к сфере языка и речи.

Чтобы более ясно обозначить различие между 1 и 2-3 случаями, стоит рассматривать первый случай как добавление, а второй и третий – как декомпрессию. Следовательно, добавление (в отличие от декомпрессии) можно рассматривать как экспликацию в ТП релевантных энциклопедических знаний, которыми обладает лишь носитель ИЯ, а

опущение (в отличие от компрессии) – как устранение эксплицитно выраженной информации энциклопедического характера, которая представляется нерелевантной.

Отдельную группу ПТ представляют собой синтаксические перестройки, касающиеся синтаксиса ложных предложений. Мы не будем касаться причин таких перестроек, а приведем лишь самую общую их классификацию.

Членение предложения – это способ перевода, при котором синтаксическая структура предложения в оригинале преобразуется в две или более предикативные структуры ПЯ. Трансформация членения приводит либо к преобразованию простого предложения ИЯ в сложное предложение ПЯ, либо к преобразованию простого или сложного предложения ИЯ в два или более самостоятельных предложения в ПЯ, например:

The annual surveys of the Labour Government were not discussed with the grass-roots at any stage, but only with the leaders.

Ежегодные обзоры лейбористского правительства не обсуждались среди рядовых членов партии ни на каком этапе. Они обсуждались только с партийным руководством.

Both engine crews leaped to safety from a collision between a parcels train and a freight train near Morris Cowley, Oxfordshire.

Вблизи станции Морис Коули в графстве Оксфордшир произошло столкновение почтового и товарного поездов. Члены обеих поездных бригад остались невредимы, спрыгнув на ходу с поезда.

< 72 >

В первом примере выделение последней части английского высказывания в отдельное предложение в переводе позволяет четко выразить имеющееся в оригинале противопоставление. Во втором примере трансформация членения дала возможность передать значение трудного для перевода английского сочетания *leaped to safety* и обеспечить более естественную для русского языка последовательность описания событий (сначала произошло столкновение, а потом удалось спастись членам бригады).

Приведем еще пример:

A claim for a substantial wage increase and improved conditions for about 70,000 municipal busmen in the provinces was yesterday referred to a joint wages committee of the unions and employers which will meet on January 12.

Около 70.000 водителей автобусов, находящихся в ведении провинциальных муниципалитетов, потребовали значительного увеличения заработной платы и улучшения условий труда. Вчера это требование было передано в совместную комиссию по вопросам заработной платы, в которой представлены как профсоюзы, так и предприниматели. Комиссия будет рассматривать это требование на своем заседании 12-го января.

Для английских газетно-информационных сообщений характерно стремление вместить в рамки одного предложения как можно больше информации путем усложнения его структуры. Для стиля русской прессы более характерно стремление к относительной краткости предложений, содержащих информационные материалы.

Объединение предложений – это способ перевода, при котором синтаксическая структура в оригинале преобразуется путем соединения двух простых предложений в одно сложное. Эта трансформация – обратная по сравнению с предыдущей:

That was a long time ago. It seemed like fifty years ago.

Это было давно – казалось, что прошло лет пятьдесят.

The only thing that worried me was our front door. It creaks like a bastard.

Одно меня беспокоило – наша парадная дверь скрипит как оголтелая.

Нередко применение трансформации объединения связано с перераспределением предикативных синтагм между соседними предложениями, т.е. происходит одновременное использование

< 73 >

объединения и членения – одно предложение разбивается на две части, и одна из его частей объединяется с другим предложением:

But occasionally an indiscretion takes place, such as that of Mr. Woodrow Wyatt, Labour MP, when Financial Secretary to the War Office. He boasted of the prowess of British spies in obtaining information from all over the world, including Britain's allies..

Однако по временам допускается нескромность. Так, например, лейборист, член парламента Вудро Уайтт в бытность свою финансовым секретарем военного министерства хвастался ловкостью, проявленной английскими шпионами в деле получения сведений во всех странах, в том числе и в союзных.

Синтаксические перестройки могут также выражаться в замене типов предложения. В процессе перевода:

– сложное предложение может заменяться простым:

It was so dark that I could not see her
Я ее не мог видеть в такой темноте.

– главное предложение может заменяться придаточным и наоборот:

While I was eating my eggs, these two nuns with suitcases came in.
Я ел яичницу, когда вошли эти две монахини с чемоданами.

– сложноподчиненное предложение может заменяться сложносочиненным и наоборот:

I didn't sleep too long, because I think it was only around ten o'clock when I woke up. I felt pretty hungry as soon as I had a cigarette.

Спал я недолго, было часов десять, когда я проснулся. Выкурил сигарету и сразу почувствовал, как я проголодался.

– сложное предложение с союзной связью может заменяться предложением с бессоюзным способом связи и наоборот:

It was as hot as hell and the windows were all steamy.
Жара была адская, все окна запотели.

Had the decision been taken in time, this would never have happened.
Если бы решение было принято своевременно, это никогда бы не произошло.

< 74 >

II. МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ПЕРЕВОДА

МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

Настоящие методические рекомендации предназначены для преподавателей письменного перевода с английского языка на русский. Отдельные положения данных рекомендаций, отражающие общие закономерности преподавания перевода в высшем учебном заведении, могут быть применены и при преподавании других аспектов перевода, а также при преподавании перевода в рамках другой комбинации языков.

Основой для выработки настоящих методических рекомендаций послужила многолетняя практика преподавания перевода на переводческом факультете Московского государственного лингвистического университета (а ранее – МГПИИЯ им. Мориса Тореза); положения этих рекомендаций используются преподавателями кафедры перевода английского языка переводческого факультета МГЛУ в повседневной работе и согласуются с принятыми на факультете программами практического курса перевода.

Хотя построение всего учебного плана для специальностей, предусматривающих курс перевода, лежит за рамками тем, рассматриваемых в настоящем пособии, авторы считают необходимым отметить, что обучение переводу эффективно только в том случае, если занятия переводом начинаются только после того, как студенты овладеют рядом других знаний, умений и навыков, необходимых для подготовки их к переводческой деятельности. Так, желательно, чтобы началу занятий непосредственно переводом предшествовал углубленный курс иностранного языка (ИЯ), практической стилистики и культуры речи русского языка (РЯ), введения в языкознание, страноведения и литературы ИЯ и РЯ.

Одновременно с началом курса практического перевода или за семестр до него рекомендуется начинать курс общей и частной теории перевода.

< 75 >

Учебные материалы

Как показывает практика, обучение студентов письменному переводу с ИЯ на РЯ целесообразно начинать на материале оригинальных газетно-публицистических текстов из зарубежной прессы. Так, если курс письменного перевода рассчитан на три года обучения, основным учебным материалом в первый год должны быть газетно-публицистические тексты в жанре информационного сообщения, во второй год – более сложные газетно-публицистические тексты в жанрах передовицы, фельетона, авторской колонки и т. п., а в третий год, помимо текстов публицистических жанров, в целях расширения переводческого кругозора студентов можно использовать юридические, научные, экономические и другие тексты. В течение всех лет обучения преподаватель может, поставив особую методическую задачу, дать для домашнего или классного перевода текст, не вписывающийся в стандартную программу (например, небольшое стихотворение или фрагмент художественной прозы), однако это не должно становиться системой и может делаться лишь в виде редкого исключения.

Доминирующая роль публицистических текстов в учебных материалах объясняется следующими причинами. Во-первых, публицистические тексты всегда связаны с действительностью (мировой и стран изучаемого языка), поэтому работа с ними вынуждает

студента находить и анализировать большой объем фактического материала. Это, в свою очередь, позволяет сформировать навык установления широкого контекста и проверки фактов при переводе, а также способствует пополнению запаса лингвострановедческих знаний. Во-вторых, публицистические тексты чрезвычайно разнообразны по жанру и по тематике, что позволяет на их материале познакомить студентов со способами преодоления широкого спектра трудностей. Можно сказать, что на примере перевода публицистических текстов студенты приобретают навыки работы и с научно-техническими (статьи, посвященные новым технологиям), и с юридическими (статьи о судебных процессах), и с другими текстами. Более того, многие публицистические тексты в жанре очерка, фельетона или авторской колонки ставят перед студентом почти те же самые задачи, что и художественные тексты: передача иронии, каламбуров, прямой речи, развернутых метафор, авторского ритма и т. п.

Жанровые различия между публицистическими текстами, предлагаемыми на разных этапах обучения, определяются общей логикой построения программы практического курса перевода. Безусловно,

< 76 >

организуя учебный процесс вокруг перевода связных текстов и даже их отдельных фрагментов, невозможно последовательно переходить от одной темы (типа трудностей) к другой, как это происходит, например, на занятиях по практике ИЯ. Даже работая над самым простым текстом, студент вынужден одновременно решать ряд грамматических, лексических, стилистических и прочих проблем, а практика, при которой преподаватель оценивает в переводе только какой-то один аспект, являющийся для данного занятия центральным (передачу имен собственных, передачу пассивного залога, передачу актуального членения и т. п.), была бы крайне непродуктивной и вредной.

Однако в целом построение курса с постепенным усложнением материала позволяет наращивать объем переводческих трудностей по принципу концентрических кругов: некое количество трудностей (внутренний круг) будет присутствовать в любых текстах, но в более сложных к ним будут добавляться новые (внешние круги увеличивающегося радиуса). Так на начальном этапе необходимо сосредоточить внимание на грамматических и лексико-грамматических аспектах перевода, таких как актуальное членение предложения, сочетаемость, передача подчинительных и сочинительных связей и т. п. Далее спектр рассматриваемых проблем можно расширить за счет лексических и экспрессивных трудностей (передача тропов, сохранение экспрессии, проблема цитат и аллюзий и т. п.). А на заключительном этапе рекомендуется уделить особое внимание таким вопросам, как целостное восприятие переводимого текста и выработка оптимальной переводческой стратегии на примере разнообразных текстов различных стилей и жанров.

В качестве учебного и контрольного материала должны быть использованы неадаптированные оригинальные тексты соразмерной конкретному этапу обучения сложности, содержащие лексические, грамматические, стилистические или иные трудности. В методических целях предлагаемые для перевода оригинальные тексты могут быть сокращены, однако в результате сокращений не должна нарушаться их грамотность, целостность и логичность. Не допускается использование в качестве учебного материала переводных текстов, созданных носителями английского языка, или текстов, происхождение которых невозможно установить.

Смысл этого требования заключается в том, что, работая над переводом, студент должен расширять свои представления о норме и узусе ИЯ, для чего, разумеется,

необходимы тексты, соответствующие норме и узусу ИЯ. Более того, важнейшим переводческим

< 77 >

навыком является способность переводчика различать в тексте оригинала общеязыковые явления, присущие языку в целом, и явления индивидуально-авторские, окказиональные, выделяющиеся на общем нейтральном фоне. Однако в текстах переводных и созданных носителями языка соотношение общеязыковых и авторских явлений (т.н. «спектр языка») зачастую оказывается нарушенным.

Тематика текстов должна: а) быть актуальной и интересной для обучающихся; б) перекликаться с тематикой, отрабатываемой в ходе преподавания других аспектов перевода, или соотноситься с более широким контекстом обучения переводчиков (предусмотренным программами языковых и смежных дисциплин).

Первое требование не означает, что для обучения подходят только тексты, написанные за последний год или два. Наоборот, удачно подобранный и хорошо себя зарекомендовавший текст может использоваться в качестве учебного или контрольного в течение пяти–десяти лет. Однако его тематика должна сохранять для студентов актуальность и новизну и не ограничиваться событиями или идеями, не имеющими информативной ценности вне исторического контекста.

Что касается второго требования, необходимо сделать следующую оговорку. Действительно, тематика текстов, анализируемых в курсе практического перевода, должна соответствовать магистральным темам специальности, по которой обучаются студенты. Однако следует предостеречь преподавателей перевода от слишком тесного согласования выбираемых ими текстов с учебными материалами, используемыми, например, в практическом курсе ИЯ, поскольку курс перевода решает свои, специфические задачи. Также недопустимо брать для перевода тексты, используемые для занятий по практике ИЯ, ориентировать студентов на употребление в переводе «активного словаря» из практического курса ИЯ и каким-либо иным образом нарушать автономию практического курса перевода как самостоятельной дисциплины.

При подборе учебных текстов следует исходить из принципа постепенного нарастания трудности и объема учебного задания. Скорость подачи и сложность материала определяется исходя из среднего уровня студентов группы. При этом уже на самых ранних этапах обучения от студентов следует добиваться высококачественного перевода, отвечающего всем критериям, предъявляемым к профессиональному переводу. Чтобы помочь студентам, только начинающим

< 78 >

заниматься практическим переводом, почувствовать уверенность в своих силах и плавно войти в учебный процесс, необходимо предлагать им на перевод короткие тексты с минимальным набором трудностей, но ни в коем случае не закрывать глаза на какие бы то ни было категории переводческих ошибок.

II Аудиторные занятия

Основными формами работы на аудиторных занятиях по письменному переводу являются: фронтальный или выборочный опрос, общее обсуждение перевода, выполненного в аудитории или дома, а также небольшие практические задания – перевод отдельных фраз или фрагментов текста. Преподаватель самостоятельно решает, проводить ли ему выборочный или фронтальный опрос, исходя из объема задания, общего уровня подготовки студентов, а также наполняемости группы.

Помимо основного типа заданий – перевода связного текста, рассчитанного на срок от одной до четырех недель, – преподавателю рекомендуется готовить дополнительные задания, которые могут выполняться как дома, так и в аудитории с последующим обсуждением. Дополнительные задания должны согласовываться с особенностями переводимого текста так, чтобы, работая над дополнительными заданиями, студенты вырабатывали и развивали навыки решения переводческих задач, сходных с теми, что встретились им в основном тексте. Кроме того направленность дополнительных заданий должна соответствовать этапу обучения (см. выше).

Типичные дополнительные задания могут включаться в себя: анализ параллельных текстов, перевод (выборочный перевод) подборок небольших текстовых фрагментов (ситуаций) и редактирование перевода. Ниже приводятся примеры таких заданий и излагается методика работы с ними.

1) Анализ параллельных текстов

Студентам предлагается подборка из текста оригинала на ИЯ (в некоторых случаях на занятиях по переводу с ИЯ на РЯ может быть целесообразно, наоборот, составление подборки переводов русского текста на ИЯ) и одного или нескольких переводов этого текста на РЯ, как правило напечатанных на одном листе бумаги в несколько колонок. При этом оригинал и переводы должны быть подобраны таким образом, чтобы удачно иллюстрировать одну или несколько

< 79 >

переводческих проблем, рассматриваемых на данном этапе. При этом разные переводы могут демонстрировать как разные и равной мере оправданные подходы к решению проблем, так и неудачные решения, которых следует избегать.

При анализе от студентов следует добиваться четкой и грамотной мотивации их критических умозаключений, при необходимости направляя их внимание на важные для анализа отрывки. Если в анализируемых переводах содержатся бесспорные ошибки и неудачи, нужно сделать так, чтобы в ходе анализа студенты заметили и разобрали эти ошибки.

Подборка параллельных текстов для иллюстрации грамматических трансформаций, связанных с передачей актуального членения:

**THE POSTHUMOUS PAPERS
OF THE PICKWICK CLUB**

Charles Dickens

**ЗАМОГИЛЬНЫЕ ЗАПИСКИ
ПИКВИКСКОГО КЛУБА.**

Пер. И. Введенского

**ПОСМЕРТНЫЕ ЗАПИСКИ
ПИКВИКСКОГО КЛУБА**

Пер. А. Кривцовой и Е. Ланна

He was lying on an old bedstead, which turned up during the day. The tattered remains of a checked curtain were drawn round the bed's head, to exclude the wind, which however made its way into the comfortless room through the numerous chinks in the door, and blew it to and fro every instant. There was a low cinder fire in a rusty unfixed grate; and an old three-cornered stained table, with some medicine bottles, a broken glass, and a few other domestic articles, was drawn out before it. A little child was sleeping on a temporary bed which had been made for it on the floor, and the woman sat on a chair by its side. There were a couple of shelves, with a few plates and cups and saucers: and a pair of stage shoes and a couple of foils hung beneath them. With the exception of little heaps of rags and bundles which had been carelessly thrown into the corners of the room, these were the only things in the apartment.

Больной лежал на старой складной кровати, убиравшейся в продолжение дня. Вокруг изголовья торчали лоскутья грязного занавеса, сгруппированные для защиты от ветра, который, однако ж, свободно дул по всей комнате, пробираясь через щели в стенах и двери. В развалившемся камине, за изломанной решеткой, перегорали и хрустели остатки каменного угля, и перед решеткой был поставлен старый круглый стол с пузырьками из аптеки, разбитым зеркалом, щеткой и другими статьями домашнего хозяйства. На полу среди комнаты валялся ребенок на приготовленной для него постели, и подле, у изголовья, на трехножном стуле сидела его мать. Справа на стене утверждены были две полки, где виднелись тарелки, чашки, блюдечки и две пары театральных башмаков. Внизу, под этой полкой, висели две рапиры, арлекинская куртка и шапка. Вот все, что я мог заметить в этом странном жилище, за исключением, впрочем, нескольких узлов с лохмотьями, беспорядочно разбросанных по углам комнаты.

На лестнице меня встретила жалкая женщина, жена этого человека, и, сообщив, что он только что впал в забытие, ввела меня тихонько в комнату и поставила для меня стул у кровати. Больной лежал, повернувшись лицом к стене, и, так как на мой приход он не обращал ни малейшего внимания, у меня было время осмотреть место, куда я попал. Он лежал на старой откидной кровати. У изголовья висела рваная клетчатая занавеска, служившая защитой от ветра, который проникал в эту убогую комнату сквозь многочисленные щели в двери, и занавеска все время развевалась. На заржавленной поломанной решетке камина тлели угли; перед ним был выдвинут старый покрытый пятнами треугольный стол, на котором стояли склянки с микстурой, треснутый стакан, какие-то мелкие домашние вещи. На полу, на импровизированной постели, спал ребенок, а возле него на стуле сидела женщина. На полке были расставлены тарелки и чашки с блюдцами; под нею висели балетные туфли и пара рапир. Больше ничего не было в комнате, кроме каких-то лохмотьев и узлов, валявшихся по углам.

< 80 >

2) Перевод подборок небольших текстовых фрагментов

Студентам предлагается подборка из ситуаций длиной от одного до трех-четырёх предложений, содержащих ту или иную рассматриваемую на занятии трудность. Ситуации должны быть законченными по смыслу, чтобы их перевод не требовал обращения к не вошедшим в саму ситуацию фрагментам текста, из которого она была заимствована. Желательно выбирать ситуации с тем расчетом, чтобы анализируемая трудность являлась в них основной, и на решение посторонних переводческих проблем, не связанных с темой занятия, не уходило бы слишком много времени. По тем же соображениям при переводе ситуаций в аудитории преподаватель может подсказывать студентам значение незнакомых слов и помогать преодолевать другие переводческие трудности, не связанные с основной темой подборки.

При составлении подборки рекомендуется выбирать ситуации таким образом, чтобы они демонстрировали (допускали) различные решения

представленной в них переводческой задачи. Также имеет смысл включать в подборку «ситуации-исключения»: например, если основная масса фрагментов подталкивает студента к мысли о необходимости перестроения при передаче определенной конструкции, то можно вставить одну-две ситуации, при переводе которых перестановка будет не нужна. Это будет приучать студентов к мысли о том, что в переводе есть закономерности, но не существует непреложных правил и каждый конкретный случай требует особого анализа и, возможно, нетривиальных решений.

В начале работы преподаватель может сам сформулировать закономерность, которую иллюстрирует та или иная подборка, или же предоставить студентам обнаружить ее самостоятельно в процессе перевода ситуаций.

Так как ситуации практически всегда представляют собой фрагменты более крупных текстов, для их верной интерпретации студенту приходится мысленно восстанавливать их вероятный исходный контекст. Это развивает аналитические способности студента и учит его воспринимать любой переводимый текст в широком контексте культуры ИЯ.

Выше мы отметили, что предлагаемые для перевода ситуации должны быть цельными и по возможности самодостаточными. Однако, если выясняется, что вариант перевода той или иной части

< 81 >

ситуации, зависит от характера отсутствующего в подборке контекста, преподаватель может предложить студентам дать несколько вариантов перевода и объяснить, в каком контексте каждый из этих вариантов был бы уместен.

Если преподаватель сочтет нужным, он может сопроводить подборку ситуаций дополнительными справочными материалами, как то: словарные определения ключевых слов, энциклопедическая справка, цитата из языковых справочников и т. п.

Подборка ситуаций на тему «ложных друзей» переводчика:

1. The magazine [New Statesman] is famous for its **aggressive** and often satirical analysis of the British and world political scenes. (E.B.)
2. Open season on the tax code has officially begun, with leaders of both parties proposing **dramatic** – and **dramatically** different – changes in the way Americans would pay taxes. (I.H.T., Jan. 22, 98)
3. A national study is to be undertaken to find whether video games can trigger epilepsy in children, doctors announced yesterday. **Anecdotal** reports of seizures in some children have been strongly denied by game manufacturers. (G., May 18, 93)
4. “He was born into a world without photographs,” the National Portrait Gallery’s Mary Panzer says of Matthew Brady, the complicated 19th-century artist/entrepreneur who helped give the fledgling craft of photography a vision based, **schizophrenically**, on both fancy and fact. (I.H.T., Oct. 13, 97)

5. Mr Kent has a company called the Life Extension Foundation, which sells health products and supports research intended to help people live **extravagantly** long lives and maybe not die at all. (New Yorker, 19 Jan., 04)

3) Редактирование перевода

Студентам предлагается оригинал и перевод, заведомо содержащий ряд ошибок, связанных с темой занятия. Перевод может быть взят из стороннего источника или подготовлен преподавателем; во втором случае следует сделать так, чтобы места, требующие правки, не выделялись слишком очевидно на общем фоне. Над правкой перевода студенты могут работать индивидуально или парами.

Редактирование перевода, иллюстрирующего ошибки при переводе информационно-официальных текстов и различия между особенностями официально-делового стиля ИЯ и РЯ (фрагмент):

< 82 >

<p>Are You Coming To The United States Temporarily To Work Or Study? We Are Confident That You Will Have An Interesting And Rewarding Stay. However, If You Should Encounter Any Problems, You Have Rights And You Can Get Help! You Have the Right to:</p> <ul style="list-style-type: none"> ● Be treated and paid fairly; ● Not be held in a job against your will; ● Keep your passport and other identification documents in your possession; ● Report abuse without retaliation; ● Request help from unions, immigrant and labor rights groups and other groups; and <p>Seek justice in U.S. courts. These rights, and others, are explained in this pamphlet.</p>	<p>Вы направляетесь в США с целью временной работы или учебы? Мы уверены, что Вы проведете время в США интересно и с пользой. Тем не менее, если у Вас возникнут какие-либо проблемы, Вы должны знать, что у Вас есть права, и Вы можете рассчитывать на помощь! Вы имеете право:</p> <ul style="list-style-type: none"> ● на достойное обращение и зарплату; ● прекратить трудовые отношения по Вашему желанию; ● держать при себе Ваш паспорт и другие документы, удостоверяющие личность; ● сообщать о жестоком обращении, не опасаясь ответных действий; ● обращаться за помощью к профсоюзам, иммиграционным и трудовым группам, а также другим объединениям; и ● обращаться за правосудием в суды Соединенных Штатов. <p>Данная памятка содержит информацию об указанных выше и других правах.</p>
---	--

Рекомендуется варьировать формы работы: это увеличивает интерес студентов к занятию и снижает утомляемость. На аудиторных занятиях нецелесообразно давать разовые задания, на выполнение которых уходит более 10 минут, лучше разбивать их на более короткие, чередуя перевод и обсуждение.

Основным видом работы на занятиях по письменному переводу с ИЯ на РЯ является обсуждение переводов, выполненных студентами дома. Порядок обсуждения может быть различным и зависит от этапа обучения, уровня группы, объема домашнего задания и задач, преследуемых преподавателем. Наиболее типичны следующие варианты:

- 1) За основу для обсуждения берется перевод одного студента, который зачитывает свой перевод небольшими фрагментами. Остальные студенты комментируют перевод, в отдельных случаях предлагая собственные варианты решения конкретных переводческих задач.
- 2) Разбираемый текст делится на фрагменты (приблизительно равные абзацам), и преподаватель заслушивает несколько вариантов

< 83 >

перевода каждого фрагмента (по желанию студентов). Все студенты в группе принимают участие в анализе зачитанных переводов, оценивая их сравнительные достоинства и недостатки. В этом случае в целях экономии времени рекомендуется заслушивать только те варианты перевода, в которых содержатся решения, принципиально отличающиеся от ранее прозвучавших.

- 3) Разбираемый текст делится на фрагменты (приблизительно равные абзацам), и преподаватель последовательно заслушивает перевод каждого фрагмента у всех студентов в группе. Зачитывание вариантов сопровождается кратким анализом сильных и слабых сторон перевода, который проводит в основном сам преподаватель.

Очевидно, что первый вариант требует больших временных затрат и позволяет на каждом занятии заслушать всего одного-двух студентов. С другой стороны, он дает возможность разобрать перевод максимально тщательно и позволяет студентам развить и применить на практике свои навыки анализа и редактирования перевода. Таким образом, этот вид работы более уместен на ранних этапах обучения.

Третий вариант, наоборот, обеспечивает максимальный охват студентов, но ограничивает время, остающееся на анализ. Эта разновидность опроса допустима на поздних этапах обучения, когда студенты уже обладают сформировавшимися навыками анализа перевода, выполняют переводы более качественно (с меньшим количеством ошибок, подлежащих обсуждению) и не нуждаются в пространных комментариях.

Во всех случаях (особенно на начальном этапе обучения) преподаватель должен стремиться к тому, чтобы ошибки в предлагаемых для обсуждения переводах обнаруживали, анализировали и исправляли сами студенты. В этом случае роль преподавателя будет заключаться не в том, чтобы самостоятельно оценивать и править перевод, как редактор, но в том, чтобы направлять общую дискуссию в необходимое русло, нацеливая студентов на решение тех или иных задач. Такое построение работы не только способствует формированию у студентов навыков критического анализа и редактирования чужих и своих переводов, но и имеет важную психологическую мотивировку. Если студент слышит критику в адрес своего перевода, а также получает более удачные варианты от своих сверстников, он убеждается, что найти удачное решение по силам и ему. Кроме того, у студента не

< 84 >

возникает ощущение, что преподаватель субъективен в своих оценках, придирается к мелочам или требует невозможного.

При обсуждении переводов целесообразно подкреплять объяснения языковыми или переводческими правилами, а также краткими экскурсами в теорию перевода. Необходимо пользоваться каждой возможностью, чтобы продемонстрировать студентам связь между теорией и практикой перевода и пользу общих теоретических положений для решения частных практических задач. Это, в свою очередь, поддерживает интерес студентов к курсам теории перевода и наглядно показывает им необходимость таких курсов.

В случаях неадекватного перевода, искажения смысла, неоправданного отхода от оригинала необходимо выявить и объяснить студентам причину неверного решения, объяснить характер переводческой проблемы, сформулировать доводы и доказательства в пользу иного варианта перевода. Желательно всячески поощрять высказывания студентами своего мнения, добиваться обоснования их собственного варианта перевода, постепенно подводя студентов к адекватному варианту.

В идеальном случае студенты в ходе обсуждения (самостоятельно или с помощью наводящих вопросов преподавателя) приходят к полностью адекватному варианту перевода. После этого преподаватель может, если сочтет нужным, предложить и другие адекватные варианты перевода, чтобы показать множественность решений данной задачи. Если же в ходе обсуждения найти удачный вариант студентам не удалось, преподавателю рекомендуется предложить свой вариант (либо отложить обсуждение данного фрагмента до следующего раза, если ошибки в студенческих переводах были вызваны недостаточно вдумчивым выполнением домашнего задания). В любом случае задача преподавателя – сделать так, чтобы после обсуждения у студентов не оставалось принципиальных вопросов и сомнений относительно перевода того или иного фрагмента текста.

В ходе обсуждения нужно следить за тем, чтобы, стремясь подобрать «идеальный» вариант перевода, студенты не начали браковать как ошибочные, так и вполне адекватные варианты и не поставили себя перед принципиально неразрешимой задачей. Преподаватель должен напоминать студентам о том, что любой переводческий выбор является компромиссным, требуя принесения менее важной информации в жертву более важной, и что цель переводчика – найти не идеальное, но оптимальное решение.

< 85 >

При обсуждении переводов рекомендуется подчеркивать важность обращения к широкому контексту и анализа затекстовой информации. Следует всячески поощрять развитие переводческой эрудиции у студентов, а также расширение их общего и страноведческого кругозора. Студенты должны с самого начала обучения усвоить, что обязательное условие адекватного перевода – кропотливая работа с прецедентными текстами и другими источниками информации. Необходимо добиваться исчерпывающего понимания студентами содержания переводимого текста. В то же время обсуждение затекстовой информации на занятии должно быть подчинено интересам перевода и не может подменять собой решение переводческих задач.

Преподавателю не следует предлагать студентам свой вариант или какой бы то ни было иной вариант в качестве единственно приемлемого (исключение может составлять перевод терминов). Кроме того, студент имеет право не согласиться с вариантом перевода, предложенным преподавателем даже в качестве одной из возможностей. В этом случае, однако, студент должен убедительно аргументировать свою точку зрения точно так же, как поступает преподаватель при критике студенческих переводов. При этом необходимо помнить, что необходимый для поддержания рабочей обстановки авторитет преподавателя сохраняется только в том случае, если большинство вариантов перевода, предлагаемых

преподавателем, находит у студентов единогласное одобрение. Таким образом, преподаватель должен тщательно готовиться к каждому занятию и, прежде чем предлагать на перевод тот или иной текст, должен убедиться, что он сам способен создать удачный вариант его перевода.

III Самостоятельная работа

Организация самостоятельной работы студентов – важная задача преподавателя. Необходимо добиваться от студентов тщательного и полного выполнения домашних заданий. Поскольку основная часть аудиторных занятий посвящена проверке переводов, выполненных дома, присутствие на занятии студента, не имеющего при себе выполненного домашнего задания, в значительной степени бессмысленно как для него самого, так и для всей группы. Преподавателю также следует объяснить студентам, что небрежное выполнение домашних заданий сводит эффект обучения к минимуму.

< 86 >

Аудиторные занятия по письменному переводу используются, как правило, не для отработки умений и навыков перевода, а для передачи знаний, контроля за работой студентов, развития навыков анализа перевода и выработки у студентов представления о требуемом качественном уровне переводов. А поскольку в овладении профессией переводчика огромную роль играют не только знания, но и умения и навыки, профессиональный рост во многом обеспечивается именно планомерной и напряженной работой в домашних условиях.

При определении объема домашнего задания следует исходить из объема самостоятельной работы, указанного в рабочей программе. Если взять за образец расчет времени, зафиксированный в программе практического курса перевода на переводческом факультете МГЛУ, объем домашнего задания по письменному переводу на одну неделю должен быть таким, чтобы на его выполнение уходило: для студентов, изучающих английский язык как первый ИЯ, – 4 часа на третьем курсе, 2 часа на четвертом и пятом курсах; для студентов, изучающих английский язык как второй ИЯ, – приблизительно 1,5 часа на третьем, четвертом и пятом курсах. Не рекомендуется задавать для домашнего перевода порцию текста бóльшую, чем можно проверить на следующем занятии.

Целесообразно рекомендовать студентам разделить выполнение домашней работы на два этапа. Первый – непосредственно после получения домашнего задания, второй – последний день перед аудиторным занятием, на котором оно будет проверяться. Нужно объяснить, что в первый раз нужно перевести весь текст, во второй – отредактировать его не заглядывая в оригинал или уточняя в оригинале только отдельные моменты. Таким образом, у студентов появляется возможность при редактировании перевода освободиться от влияния оригинала, которое, особенно на начальном этапе обучения, приводит к буквализму в переводе. Необходимо объяснить студентам, что выполнение домашнего задания в последний момент, накануне занятия, снижает качество перевода и не способствует выработке устойчивых переводческих навыков.

По своему усмотрению преподаватель может, особенно на начальном этапе обучения, попросить студентов, помимо самого перевода, приносить на занятия лексико-грамматический комментарий к нему. Объем и содержание такого комментария могут варьироваться в зависимости от переводимого текста, уровня подготовки

< 87 >

группы и характера педагогических задач. В самом простом виде лексико-грамматический комментарий может представлять собой извлеченные из английских толковых словарей дефиниции ключевых английских слов, встретившихся в переведенном фрагменте, варианты их перевода из англо-русского словаря, дефиниции отдельных русских слов, использованных в переводе, энциклопедические справки для упомянутых в тексте малоизвестных вещей, процессов и явлений, грамматические правила, иллюстрирующие то или иное языковое явление в тексте оригинала и т. п. Языковые явления, требующие комментария, могут быть указаны преподавателем или определены самими студентами.

Смысл подобного комментария заключается в том, чтобы сделать ненаблюдаемую подготовительную работу переводчика над текстом наблюдаемой и доступной для объективной оценки. Тогда как студенты, в достаточной мере овладевшие навыками перевода, осуществляют поиск необходимой лингвистической и экстралингвистической информации автоматически, студенты начального этапа обучения склонны неправомерно облегчать себе задачу не проверяя значения знакомых и полужнакомых слов, не уясняя себе смысла упомянутых в тексте фактов, не вникая в грамматические и стилистические нюансы текста оригинала и т. п.

В то же самое время лексико-грамматический комментарий является вспомогательным заданием, и его нецелесообразно применять на более поздних этапах обучения, когда сбор и проверка всей необходимой для перевода информации уже вошел у студентов в привычку.

Следует рекомендовать студентам контролировать время выполнения домашнего задания, проводя хронометраж (например, 2 раза в месяц), с целью установить, сколько минут уходит на перевод определенного объема текста (например, 1000 знаков). Такой вид работы преследует двоякую цель. Во-первых, имея представление о своей производительности, студент будет более устойчив к стрессу во время промежуточного и итогового контроля. Зная объем контрольного перевода и свой режим работы, студент вернее рассчитает время и свои силы. Во-вторых, умение соотносить объем текста в знаках со временем, требуемым для его перевода, необходимо переводчику в профессиональной деятельности. Умея трезво рассчитывать свои силы, переводчик сможет оговорить справедливые условия работы и не подведет заказчика.

< 88 >

Преподаватель может попросить студентов приносить на занятия два распечатанных экземпляра своего перевода, один из которых передается преподавателю. Это позволяет преподавателю более эффективно контролировать качество самостоятельной работы студента, а также отслеживать ошибки, связанные с оформлением перевода (в т. ч. орфографические и пунктуационные). На занятиях преподаватели МГЛУ регулярно подчеркивают, что выносимый на обсуждение перевод должен соответствовать всем требованиям, предъявляемым к переводу в реальном мире. Т.е. он должен не просто передавать смысловое и стилистическое содержание оригинала, но и быть оформлен в соответствии с нормами орфографии и пунктуации переводящего языка, а также с соблюдением прочих норм, которым должны соответствовать переводные тексты. Однако

практика показывает, что эти требования выполняются не всегда, и студенты нередко приносят на занятия переводы с орфографическими и пунктуационными ошибками, сохраненными в латинском написании именами собственными, оставленными в скобках «запасными» вариантами перевода и даже с не до конца дописанными предложениями. При восприятии текста на слух многие из этих недочетов остаются незамеченными, в результате чего приходится в аудиторию с невычитанными переводами входит у студента в привычку, и, как следствие, оценка его контрольных или экзаменационных работ оказывается ниже ожидаемой. Предоставление распечатанной копии перевода преподавателю или использование электронных проекционных средств (см. ниже) помогает бороться с подобными недостатками.

Преподаватель должен дать студентам представление о типах словарей и научить ими пользоваться. Он должен также объяснить студентам методы работы с электронными словарями и энциклопедиями, базами данных и интернет-источниками. Особенно важно учить студентов объективно оценивать степень надежности источника информации. Студенты должны уметь самостоятельно искать, находить и проверять информацию, приучаться нести ответственность за ее достоверность. Необходимо добиваться от студентов, чтобы они, приводя данные из интернет-источников, обязательно указывали ресурс, из которого эти сведения были почерпнуты, и могли аргументированно объяснить целесообразность обращения к нему. Также следует объяснить студентам, что пользование электронными словарями и другими источниками не оправдывает отказ от обращения к бумажным изданиям в тех случаях, когда последние оказываются более пригодными для решения тех или иных переводческих задач.

< 89 >

IV Контроль

Контрольный текст по возможности должен содержать проблематику, более или менее знакомую студентам, и не быть сложнее пройденного учебного материала. Не рекомендуется брать тексты, включающие излишне сложную для понимания информацию; содержание контрольного текста должно соответствовать общим фоновым и специальным страноведческим знаниям. Не следует, особенно на начальном этапе обучения, брать тексты, которые содержат большое количество незнакомых студентам терминов, реалий, специальных понятий и слов-неологизмов (в том числе отсутствующих в основных, доступных им словарях).

На контрольных мероприятиях студенты пользуются словарно-справочными материалами. Минимальный набор справочной литературы, которым студенты должны обеспечить себя на время контрольного мероприятия, включает: английский толковый словарь, англо-русский словарь, русский толковый словарь, справочник по практической транскрипции имен собственных, справочник по орфографии и пунктуации русского языка. Словари и справочники должны иметь достаточно высокий уровень качества для решения профессиональных переводческих задач (предпочтительно пользоваться теми, которые рекомендует преподаватель).

При выведении оценки за письменную работу преподаватель должен уделить особое внимание тому, чтобы одни и те же или сходные ошибки в работах разных студентов учитывались и влияли на общую оценку одинаково.

При обсуждении результатов первой в курсе обучения контрольной работы преподавателю следует ознакомить студентов с критериями оценки письменного перевода, изложенными в рабочей программе. Необходимо предоставить студентам возможность задать все интересующие их вопросы по поводу своих оценок и ошибок. В результате обсуждения все студенты должны получить четкое представление о том, почему те или иные переводческие решения в их работах были признаны ошибочными и почему они повлияли на их общую оценку так, не иначе.

V Средства обучения и наглядность

Для наглядности преподаватель может по своему усмотрению использовать различные средства, включая словарно-справочную

< 90 >

литературу, примеры из классической отечественной литературы или высококачественных переводов, выполненных профессиональными переводчиками, и т. п.

Если учебная аудитория оборудована компьютером с проекционным экраном (или широкоформатным жидкокристаллическим монитором), преподаватель может выводить на экран обсуждаемый вариант перевода, что позволяет студентам проанализировать его точнее и глубже. В этом случае студенты приносят на занятия свой перевод не только в бумажном, но и в цифровом варианте (на флэш-карте) или же по договоренности с преподавателем пересылают ему свой перевод накануне по электронной почте. В начале занятия преподаватель копирует предоставленные ему переводы на рабочий стол своего компьютера и по мере необходимости открывает их, выводит на большой экран и вносит поправки.

К основным преимуществам подобного режима работы относятся следующие. Во-первых, во время обсуждения перевода не только его автор и преподаватель, но и все остальные студенты могут следить за текстом. Это повышает глубину и качество анализа, поскольку, воспринимая обсуждаемый текст только на слух, студенты, особенно на начальном этапе обучения, далеко не всегда способны оценить его достоинства и недостатки во всей полноте. Во-вторых, визуальный контроль позволяет не только преподавателю, но и одноклассникам автора перевода комментировать и исправлять орфографические, пунктуационные и прочие «графические» ошибки. В-третьих, в процессе обсуждения преподаватель может сразу же внести в текст перевода определенную правку (удалить слово, вставить слово, поменять местами слова и т. п.), и все присутствующие на занятии смогут объективнее оценить ее уместность.

Следует отметить, что и при вышеописанном режиме работы традиционное восприятие информации через слуховой канал остается крайне важным и целесообразно просить студентов зачитывать варианты перевода вслух даже в том случае, если их можно увидеть на большом экране.

VI Разное

Как отмечалось выше, аккуратное посещение занятий и добросовестное и регулярное выполнение домашних заданий играют ключевую роль в становлении

< 91 >

навыка письменного перевода. Поэтому, согласно практике, принятой на переводческом факультете МГЛУ, к итоговому контрольному мероприятию допускаются только те студенты, которые отчитались за пропущенные занятия.

Студентам, пропустившим два и более занятий в семестр, преподаватель может дать дополнительное переводческое задание. Дополнительное задание представляет собой перевод текстов соответствующей данному этапу обучения сложности. За каждые 2 пропущенных занятия (4 академических часа) назначается задание, равное по объему тексту для промежуточной аттестации на соответствующем этапе обучения (на III курсе – до 1500 знаков, на IV курсе – до 1800 знаков и на V – до 2500 знаков). Начинать раздачу дополнительных заданий следует не позднее чем за месяц до итогового контрольного мероприятия.

Смысл дополнительного задания не столько в его дисциплинарной, сколько в учебной составляющей: студент восполняет умения и навыки, недополученные в ходе семестра в результате пропусков. Поэтому принципиально важно, чтобы дополнительное переводческое задание было выполнено на удовлетворительном уровне. Если предоставленный студентом перевод дополнительного текста не соответствует этому уровню, преподаватель может потребовать, чтобы студент отредактировал свой перевод, дать для перевода новый текст или назначить студенту время для беседы по поводу этого перевода, в ходе которой студенту будет предоставлена возможность самостоятельно прокомментировать и исправить свои ошибки.

< 92 >

III. КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ ПЕРЕВОДА

Оценка качества перевода предполагает наличие определенных критериев. Мы предлагаем систему критериев оценки, разработанную для Всероссийского центра переводов⁶⁰ применительно к текстам специального характера (использование этой системы применительно к художественным текстам потребует существенно корректировки). В конце раздела даются рекомендации, касающиеся оценки перевода на практических занятиях по переводу в учебных заведениях (пояснительная записка).

⁶⁰ Д.М. Бузаджи, В.В. Гусев, В.К. Ланчиков, Д.В. Псурцев. Новый взгляд на классификацию переводческих ошибок. – М.: ВЦП, 2009.

1. Нарушения, связанные с денотативным содержанием текста

Категория	Характер нарушений	Сущность нарушений	Методическое описание
I. Искажение смыслового содержания оригинала	1. Опушения	Опушения смысловой информации, входящей в смысловый инвариант текста	Немотивированные опущения информации, невозстановимой из контекста. (В официально-деловых и научных текстах: опущения, приводящие к тому, что ТП не может в полной мере выполнять функции ТО).
	2. Добавления	Добавления смысловой информации, противоречащей смысловому инварианту текста	Немотивированные добавления информации, не обусловленной контекстом и способной привести к неправильному пониманию ТП. (В официально-деловых и научных текстах: добавления, приводящие к тому, что ТП не может в полной мере выполнять функции ТО).

< 93 >

	3. Замены	Замены смысловой информации, входящей в смысловый инвариант текста, на информацию, противоречащую смысловому инварианту текста	Замена вещи, действия, признака на принципиально иное (в данном контексте), приводящая к неверному восприятию основных параметров описываемой ситуации. Немотивированное изменение степени вероятности состояния или действия, отраженного в высказывании. (В официально-деловых и научных текстах: искажения информации, приводящие к тому, что ТП не может в полной мере выполнять функции ТО)
II. Снижение точности передачи смыслового содержания текста	1. Неправомерные изменения степени точности передачи фактической информации,	Опушения смысловой информации, входящей в смысловый инвариант текста, но не приводящее к неверному восприятию	Немотивированная генерализация (в т.ч. замена терминологического наименования межстилевым, отказ от необходимых пояснений там, где это

(«смысловые неточности»)	заданной коммуникативным намерением автора.	основных параметров описываемой ситуации.	необходимо для правильного понимания смысла текста и т. п.)
		Добавления смысловой информации, не противоречащей смысловому инварианту текста, но и не обусловленной им.	Немотивированная конкретизация (в т.ч. замена межстилевого наименования терминологическим, введение в текст неоправданных пояснений и т. п.)

< 94 >

		Замены смысловой информации, имплицуемой ТО с высокой вероятностью на информацию, имплицуемую с низкой вероятностью.	Неудачный (не вписывающийся в контекст) выбор синонима, использование термина из не соответствующей контексту предметной области, необоснованное смысловое развитие, искажения в передаче второстепенных параметров описываемой ситуации.
	2. Неправомерные изменения степени точности передачи релятивной информации, заданной коммуникативным намерением автора.	Искажения актуального членения	Искажения тема-ремагического членения, в случае если они приводят к смещению смысловых акцентов и/или нарушению логичности подачи информации
		Искажения связи между синтаксическими единицами	Отказ от экспликации имплицированной связи, приводящий к нарушению связности и логичности повествования (в т.ч. отсутствие коннекторов типа «следовательно», «так что», «впрочем», «между тем» и т. п.)
			Искажения характера связи между словосочетаниями, простыми предложениями в составе сложного и отдельными предложениями (в т.ч. употребление противительных союзов вместо соединительных (и наоборот), условных вместо временных и т. п.)

< 95 >

1.1. **Искажение смыслового содержания оригинала**

1.1.1. Опушения смысловой информации, входящей в смысловый инвариант текста

Характер ошибки:

Опушения смысловой информации, входящей в смысловый инвариант текста, выражаются в потере существенной информации, которую читатель перевода не в состоянии восстановить из контекста. Такие потери создают у читателя неверное восприятие важнейших параметров описываемой ситуации, искажают или уничтожают смысл и логику одного или нескольких фрагментов текста, а также могут привести к тому, что текст перевода будет неспособен выполнить в культуре переводящего языка те же функции, что выполняет оригинал в культуре исходного языка.

Пример 1:

The Panerai caliber OP XXVII **manual** Сквозь сапфировое стекло на **wind** movement within has a power обратной стороне корпуса виден reserve of 55 hours, and can be admired восхитительный калибр OP XXVII с through the sapphire crystal caseback. запасом хода на 55 часов.

Комментарий:

Опущена эксплицитно выраженная в тексте оригинала информация о часовом механизме. Сведения о типе завода (автоматический или ручной) относятся к важнейшим характеристикам механизма и не могут быть восстановлены из контекста, следовательно, потеряна информация, входящая в смысловый инвариант.

Исправленный вариант:

Сквозь сапфировое стекло на обратной стороне корпуса виден восхитительный калибр ОР XXVII с ручным заводом и запасом хода на 55 часов.

Пример 2:

British employees spend up to 56 working days a year waiting for items to be delivered or repairmen to call. Британские служащие тратят до 56 рабочих дней, ожидая доставки товаров, либо визитов сотрудников ремонтных служб.

< 96 >

Комментарий:

Опущена эксплицитно выраженная в тексте оригинала информация о временном промежутке, который использовался для расчета статистики. В результате предложение можно понять так, что британским служащим в худшем случае приходится ожидать доставки товаров или визита сотрудника ремонтных служб 56 дней подряд.

Исправленный вариант:

Британские служащие тратят до 56 рабочих дней в году, ожидая доставки товаров, либо визитов сотрудников ремонтных служб.

1.1.2. Добавления смысловой информации, противоречащей смысловому инварианту текста

Характер ошибки:

Данная ошибка заключается в том, в текст перевода привносится информация, с одной стороны играющая заметную роль в данном контексте, а с другой – противоречащая смыслу оригинала или имплицитруемая им с крайне низкой вероятностью. Такие добавления создают у читателя неверное восприятие важнейших параметров описываемой ситуации, искажают или уничтожают смысл и логику одного или нескольких фрагментов текста, а также могут привести к тому, что текст перевода будет неспособен выполнить в культуре переводящего языка те же функции, что выполняет оригинал в культуре исходного языка.

Пример 1:

<p>The environment inside the watch when the final screw is turned and the caseback tightened for the last time has to be completely free of the slightest hint of extraneous dirt, debris, moisture, or anything else that may either mar the watch aesthetically or interfere with it functionally.</p>	<p>Закрепив заднюю крышку и затянув последний винтик, часовщик должен быть твердо уверен, что внутри не осталось ни малейшего следа пыли, грязи или влаги. Любое инородное вещество почти наверняка либо скажется на работе часов, либо безвозвратно испортит их внешний вид.</p>
---	--

Комментарий:

В английском языке глагол *to mar* свидетельствует об акте порчи чего-либо, но не несет в себе информации о непоправимости нанесенного ущерба. Более того, здравый смысл подсказывает, что удалить

пыль и влагу из часов при необходимости можно и после сборки, вернув часам первоначальный вид. Употребив слово «безвозвратно», переводчик ввел читателя в заблуждение относительно серьезности отрицательного воздействия инородных веществ на часы.

Исправленный вариант:

Закрепив заднюю крышку и затянув последний винтик, часовщик должен быть твердо уверен, что внутри не осталось ни малейшего следа пыли, грязи или влаги. Любое инородное вещество почти наверняка либо скажется на работе часов, либо испортит их внешний вид.

Пример 2:

<p>The brush strip [of the nozzle] for cleaning hard floors comes out of the housing. At the same time, the wheel is lifted to prevent scratching and to increase manoeuvrability.</p>	<p>Из корпуса насадки выдвинется узкая щетка для чистки твердых полов. Одновременно приподнимется колесико, что предотвратит нанесение царапин и повысит маневренность пылесоса.</p>
--	--

Комментарий:

Упомянутое в тексте оригинала «колесико» (*wheel*) расположено на насадке пылесоса. Следовательно, при разрыве контакта между колесиком и полом насадка начинает передвигаться с меньшим сопротивлением, а значит, повышается маневренность самой насадки. При этом маневренность пылесоса остается неизменной. Переводчик конкретизировал смысл понятия *manoeuvrability* (что само по себе переводческой ошибкой не является), но конкретизировал его неверно, сообщив читателю информацию о свойствах пылесоса, которая противоречит действительности.

Исправленный вариант:

Из корпуса насадки выдвинется узкая щетка для чистки твердых полов. Одновременно приподнимется колесико, что предотвратит нанесение царапин и повысит маневренность насадки.

- 1.1.3. Замены смысловой информации, входящей в смысловой инвариант текста, на информацию, противоречащую смысловому инварианту текста

Характер ошибки:

Ошибки этого рода по сути представляют собой потерю информации, входящей в смысловой инвариант текста, с одновременным

< 98 >

привнесением информации, противоречащей смысловому инварианту текста. Частным случаем смыслового искажения можно считать использование в переводе языковых средств, вызывающих искажение степени вероятности или долженствования, выраженных в оригинале.

Пример 1:

Japan **can claim a long interest in** Япония **всерьез заинтересована в**
 robots. Clockwork dolls were developed **производстве** роботов. В XVIII в. там
 in the 18th century to ferry cups between появились механические куклы,
 guests during tea ceremonies. которые разносили чай гостям во
 время чайных церемоний.

Комментарий:

В оригинале однозначно указывается на то, что Япония интересуется роботами с давних пор. Во втором предложении это утверждение подкрепляется примером. Однако в русском тексте указание на то, что некая страна «всерьез заинтересована в производстве» чего-либо, означает, что производство данной продукции в стране еще не налажено и только может начаться в будущем. Таким образом, за счет неоправданной в данном контексте замены срока (long) на интенсивность (всерьез) и неудачного выбора слова, сообщающего идею заинтересованности, смысл высказывания меняется на противоположный.

Исправленный вариант:

Япония с давних пор проявляет интерес к роботам. В XVIII в. там появились механические куклы, которые разносили чай гостям во время чайных церемоний.

Пример 2:

The world's six billion people can be	Все шестимиллионное население
divided into two groups.	нашей планеты можно разделить на
	две группы.

Комментарий:

Ошибочная передача числительного в переводе (*billion* – «миллион») привела к полному искажению смыслового инварианта данного фрагмента текста.

Исправленный вариант:

Все шестимиллиардное население нашей планеты можно разделить на две группы.

< 99 >

Пример 3:

<p>High school football players volunteered today to furnish blood for their coach, R.S. Killen, near death from a bullet wound allegedly inflicted by the father of a student he dismissed from the squad.</p>	<p>Сегодня члены футбольной команды местной школы объявили о намерении сдать кровь для своего тренера Р.С. Киллена, находящегося в больнице в тяжелом состоянии. Киллен был доставлен в больницу с огнестрельным ранением, которое нанес ему якобы отец одного из учеников, отчисленного из команды.</p>
---	---

Комментарий:

Слово *allegedly*, содержащееся в оригинале, означает ссылку на некие неназванные источники – другими словами, предположение о том, что факт действительно имел место. Слово «якобы», согласно «Словарю русского языка» С.И. Ожегова, служит «для выражения сомнительности, мнимости в знач. как будто, будто бы».

Исправленный вариант:

Сегодня члены футбольной команды местной школы объявили о намерении сдать кровь для своего тренера Р.С. Киллена, находящегося в больнице в тяжелом состоянии. Киллен был доставлен в больницу с огнестрельным ранением. **Предполагается**, что его нанес отец одного из учеников, отчисленного из команды.

Пример 4:

The advantage of first-naming is that everybody is, presumably, equal (something we Americans like to think we know a lot about).

Преимущество обращения к собеседнику только по имени состоит в том, что **вы становитесь с ним на равных** (а нам американцам нравится думать, что уж в равенстве-то мы толк знаем).

Комментарий:

В переводе не передано значение слова *presumably* (“used for saying that you think something is true based on what you know, though you are not really certain” – Macmillan English Dictionary for Advanced Learners), вследствие чего выраженное в оригинале сомнение в переводе пропадает.

Исправленный вариант:

Преимущество обращения к собеседнику только по имени состоит в том, что **вы с ним как бы равны** (а нам, американцам, нравится думать, что уж в равенстве-то мы толк знаем).

< 100 >

Пример 5:

This fact casts some doubt that there are another two close modes in this frequency range which were not properly identified by the impact excitation.

Это обстоятельство **заставляет усомниться** в том, что в указанном диапазоне частот существуют еще две близкие формы колебаний, которые при ударном возбуждении

не были должным образом определены.

Комментарий:

По словам Б.Н. Климзо, из работы которого заимствован этот пример: «Словосочетание *doubt that* указывает не на сомнение, а, наоборот, на отсутствие сомнения. Подтверждение этого неожиданного вывода можно найти у английского лексиколога Генри Фаулера и у американских этимологов Уильяма и Мэри Моррис, которые отмечают, что в случаях, когда у пишущего или говорящего британца нет никакого сомнения в некотором факте, он использует сочетание *doubt that*. В случае же сомнения он использует сочетание *doubt whether* или (в разговорной речи) *doubt if*» (Б.Н. Климзо, «Ремесло технического переводчика» – М.: Р.Валент, 2006 – стр. 38)

Исправленный вариант:

Это обстоятельство **несомненно свидетельствует** о том, что в указанном диапазоне частот существуют еще две близкие формы колебаний, которые при ударном возбуждении не были должным образом определены.

1.2. Снижение точности передачи смыслового содержания текста (смысловые неточности)

1.2.1. Опущения смысловой информации, входящей в смысловой инвариант текста, но не приводящие к неверному восприятию основных параметров описываемой ситуации

Характер ошибки:

Данный вид ошибки заключается в опущении смысловой информации, входящей в смысловой инвариант текста, которое не приводит к неверному

восприятию основных параметров описываемой ситуации. Такая ошибка имеет место в тех случаях, если опущенная информация не имеет принципиального значения, может отчасти восстанавливаться из контекста и не мешает тексту перевода

< 101 >

выполнять в культуре переводящего языка те же функции, что выполняет оригинал в культуре исходного языка.

Пример 1:

Press the on/off button on top of the appliance **with your foot** to switch on the appliance. Включите прибор, нажав на кнопку включения/выключения на верхней панели.

Комментарий:

В тексте перевода отсутствует информация о способе нажатия на кнопку (*with your foot*). Однако очевидно, что в данном контексте (инструкция к бытовому пылесосу) опущенный фрагмент смысла несет лишь незначительную информативную нагрузку, т.к., во-первых, такой способ нажатия на кнопку подсказывается всей ситуацией, а во-вторых, алгоритм включения и качество работы пылесоса не изменятся, если кнопка будет нажата иным способом (например, рукой).

Исправленный вариант:

Включите прибор, нажав ногой на кнопку включения/выключения на верхней панели.

Пример 2:

We can ship products with “bugs” Мы можем поставлять на рынок because **there are some** that customers продукция, содержащую «ошибки», will accept. так как покупатель согласен на это.

Комментарий:

В переводе опущена информация о том, что покупателю приемлемыми представляются только некоторые «ошибки» (*bugs*). Таким образом, перевод получается категоричнее оригинала: покупателю приписывается согласие не с некоторыми недостатками продукции (программного обеспечения), а со всеми. Однако данный фрагмент перевода, согласно узусу русского языка и исходя из соображений логики, можно истолковать и так, что за словами «можем» и «покупатель» стоит смысл «в ряде случаев можем» и «некоторые покупатели/большинство покупателей» соответственно (ср. «Покупатель согласен переплачивать за высокое качество обслуживания»). Таким образом, эксплицитное усиление категоричности отчасти уравнивается имплицитным смыслом фразы, а следовательно, восприятие основных параметров описываемой ситуации не искажается.

< 102 >

Исправленный вариант:

Мы можем поставлять на рынок продукцию с недочетами, так как есть такие недочеты, против которых покупатель не возражает.

1.2.2. Добавления смысловой информации, не противоречащей смысловому инварианту текста, но и не обусловленной им

Характер ошибки:

Данный вид ошибки заключается в привнесение смысловой информации, входящей в смысловой инвариант текста, которое не приводит к неверному восприятию основных параметров описываемой ситуации. Такая ошибка имеет место в тех случаях, если привнесенная информация не имеет принципиального значения, воспринимается в данном контексте как в известной степени избыточная избыточности и не мешает тексту перевода выполнять в культуре переводящего языка те же функции, что выполняет оригинал в культуре исходного языка.

Пример 1:

<p>Stabilising the macroeconomy is only one of the responsibilities of governments in a market economy. They must also raise taxes and most feel the need to impose tariffs.</p>	<p>При рыночной экономике на плечах правительства лежит не только стабилизация макроэкономики страны, но и повышение налогов и введение пошлин в нужное время.</p>
--	---

Комментарий:

Английское выражение *to feel the need to do something* не несет в себе информации о том, насколько желание, стремление или потребность деятеля осуществить то или иное действие оправдано настоящим моментом (т.е. совершается ли оно «в нужное время» или нет). Однако выражение «в нужное время» не противоречит общему смыслу текста, т.к. читатель по умолчанию предполагает, что правительство принимает те или иные меры именно тогда, когда в них есть потребность.

Исправленный вариант:

При рыночной экономике на плечах правительства лежит не только стабилизация макроэкономики страны, но и повышение налогов и введение пошлин.

< 103 >

Пример 2:

Half of us are given no clear idea of У половины из нас нет четкого
when to expect someone. представления, когда и **кого** ждать.

Комментарий:

В данном контексте (статья о непунктуальности сотрудников коммунальных служб и служб доставки) вопрос о том, «кого ждать», не стоит, так как круг лиц, о чьих посещениях идет речь, задан предельно ясно. Однако в данном случае добавление информации не противоречит общему смыслу текста, т.к. усиление в переводе неопределенности (не только «когда», но и «кого») воспринимается, скорее, не как смысловое, а как эмфатическое, и вряд ли приведет к неверному восприятию описываемой ситуации.

Исправленный вариант:

У половины из нас нет четкого представления, когда этих визитов ждать.

1.2.3. Замены смысловой информации, имплицитруемой ТО с высокой вероятностью на информацию, имплицитруемую с низкой вероятностью

Характер ошибки:

Ошибки этого рода по сути представляют собой потерю части информации, входящей в смысловой инвариант текста, с одновременным привнесением информации, не противоречащей смысловому инварианту текста, но и не обусловленной им.

Пример 1:

Trade's virtuous effects are of two distinct kinds. First, trade helps countries make the most of what they already have. It frees countries to allocate their resources as efficiently as possible. But, secondly, trade can also allow countries to accumulate resources more quickly. By their nature, CGE models are better suited to capturing the **first** effect than the **second**.

Положительные аспекты торговли можно подразделить на два типа. Во-первых, при помощи торговли государство получает прибыль от того, чем оно уже располагает, то есть распределяя ресурсы как можно эффективнее. А, во-вторых, с ее помощью государство может быстрее такие ресурсы приобрести. По своей сути модели вычисления общего равновесия больше подходят для отображения **первичного** эффекта, нежели **вторичного**.

< 104 >

Комментарий:

В тексте оригинала числительные *first* и *second* указывают лишь на порядок, в котором два положительных аспекта торговли были перечислены выше. Употребленные в тексте перевода прилагательные «первичный» и «вторичный» указывают не столько на порядок перечисления, сколько на порядок следования данных положительных эффектов в действительности, а следовательно, и на некую причинно-следственную связь между ними. Однако предположение о том, что упомянутый первым результат торговли и в действительности по времени предшествует второму, представляется логичным и не противоречит общему смыслу текста.

Исправленный вариант:

Положительные аспекты торговли можно подразделить на два типа. Во-первых, при помощи торговли государство получает прибыль от того, чем оно уже располагает, то есть распределяя ресурсы как можно эффективнее. А, во-вторых, с ее помощью государство может быстрее такие ресурсы приобрести. По своей сути модели вычисления общего равновесия больше подходят для отображения первого, нежели второго.

Пример 2:

Be sure to close the flash when not in use. Если вспышка не используется, **убедитесь**, что она закрыта.

Комментарий:

Выражение *to be sure to do something* означает «не забыть/обязательно сделать что-л.» (Longman Dictionary of Contemporary English); иными словами, оно предполагает активное действие, направленное на получение искомого результата. Русский глагол «убедиться» имеет значение «поверить во что-л., получив подтверждения, доказательства» (Большой толковый словарь русского языка), т.е. субъект действия не способствует достижению результата, а лишь удостоверяется в наличии желаемых обстоятельств. Таким образом, предписание закрыть вспышку в переводе заменено на предписание проверить, что она уже закрыта. Однако в данном контексте (где действия «закрыть» и «убедиться, что закрыто» не противопоставлены друг другу, а, скорее, предполагают друг друга) такая замена к неверному восприятию основных параметров описываемой ситуации не приведет

Исправленный вариант:

Если вспышка не используется, ее следует убрать в корпус.

1.2.4. Искажения актуального членения

Характер ошибки:

Искажения коммуникативного (актуального) членения выражаются в том, что в переводе изменяется смысловой центр высказываний, т.е. наиболее важная, новая, неожиданная для читателя/слушателя информация, подается как информация второстепенная, уже известная, само собой разумеющаяся и наоборот. Так как при искаженном коммуникативном членении логический акцент в тексте перевода смещается на ту информацию, которая в тексте оригинала играла вспомогательную роль, искажается общая картина описываемой ситуации, актуализируются не предусмотренные автором оригинала смыслы, затрудняется восприятие читателем наиболее существенной информации, нарушаются логические связи внутри текста.

Пример 1:

When certain types of guns were banned in Australia, **a generous cheque** was given to the gun owner immediately after the gun was handed to the police. Когда в Австралии запретили некоторые виды оружия, чек на солидную сумму выдавался владельцу оружия, как только тот сдавал свое ружье или пистолет в полицию.

Комментарий:

В тексте оригинала смысловым центром (ремой) главного предложения является словосочетание *a generous cheque*. В результате сохранения в переводе того же порядка следования смысловых элементов, что и в

оригинале, произошло искажение коммуникативного членения: ремой стало придаточное предложение «как только тот сдавал свое ружье или пистолет в полицию». Таким образом, фрагмент оригинала, сообщающий читателю о том, что происходило, когда владелец сдавал свое оружие в полицию (ему выдавался чек на большую сумму), в переводе сообщает о том, как скоро владелец получал деньги за сданное оружие (как только сдавал его в полицию). Такая интерпретация является безусловно ошибочной, т.к. сведения о характере поощрения за сданное оружие являются гораздо

< 106 >

более неожиданной, новой для читателя информацией, нежели чем сведения о скорости расчетов, которые в данном контексте неожиданностью не являются.

Исправленный вариант:

Когда в Австралии запретили некоторые виды оружия, людям, сдававшим свое ружье или пистолет в полицию, сразу же выдавали чек на солидную сумму.

Пример 2:

A **reddish vertical line** appears on the LCD monitor when the shutter button is pressed halfway or when recording motion pictures.

На мониторе ЖКД появляется красноватая вертикальная линия при нажатии кнопки затвора наполовину или записи видео.

Комментарий:

Приведенный текст оригинала – описание одной из возможных неисправностей фотоаппарата. Смысловым центром (ремой) предложения является словосочетание *a reddish vertical line*, так как оно заключает в себе суть возможной проблемы. В переводе акцент неоправданно перемещен на те обстоятельства, при которых данная неисправность может возникнуть.

Исправленный вариант:

При нажатии кнопки затвора наполовину или записи видео на мониторе ЖКД появляется красноватая вертикальная линия.

1.2.5. Неточная передача связей между синтаксическими единицами

Характер ошибки:

В ряде случаев искажения денотативного содержания текста возникают из-за того, что переводчик неверно воспроизводит релятивные отношения между такими единицами, как предложения, простые предложения в составе сложного, однородные члены предложения и др. В целом такие ошибки можно подразделить на два типа. В первом случае переводчик неправильно истолковывает смысл той или иной синтаксической конструкции или коннекторов оригинала; во втором – не эксплицирует в переводе релятивные отношения, имплицированные в оригинале и существенные для обеспечения связности текста на языке перевода.

Пример 1:

Caroline Stuttle, a UK backpacker, died Кэролайн Статтл, туристка из
after being thrown from a bridge in Великобритании, погибла **после того,**
 Australia **как** в Австралии ее сбросили с моста

Комментарий:

Союз «после того как» обычно не предполагает моментальной смены действий и не выражает причинно-следственных отношений (которые в данном случае обозначены союзом *after*). Таким образом, в тексте перевода, по сути, сообщается не о смерти и ее причине, а о том, что смерть туристки произошла по времени позднее, чем ее падение с моста.

Исправленный вариант:

В Австралии, упав с моста, насмерть разбилась туристка из Великобритании Кэролайн Статтл.

Пример 2:

When you align the subject on the **Когда** вы расположите объект по horizontal and vertical guide lines or the горизонтальным и вертикальным cross point of these lines, you can take контрольным линиям или по точкам pictures with well-designed пересечения этих линий, вы сможете composition. выполнить съемку с хорошо составленной композицией.

Комментарий:

Условное предложение “When you align the subject on the horizontal and vertical guide lines or the cross point of these lines» в контексте инструкции по эксплуатации содержит в себе не полноценное условие, а указание на вспомогательное действие, которое необходимо совершить для достижения

желаемого результата («you can take pictures with well-designed composition”). Придаточное предложение времени/условия, введенное союзом «когда», неверно передает релятивные отношения между действиями в главном и придаточном предложениях, т.к. в переводе действию в придаточном предложении приписывается бóльшая самостоятельность и важность.

Исправленный вариант:

Совместив контуры объекта с горизонтальными и вертикальными контрольными линиями или точками их пересечения, можно улучшить композицию кадра.

2. Нарушения, связанные с передачей стилистических черт оригинала

Категория	Характер нарушений	Сущность нарушений	Методическое описание
1. Искажение стилистического облика оригинала	1. Нарушения в передаче функционально-стилевых/жанровых особенностей текста оригинала.	Немотивированное использование иностилевых элементов	Использование в ТП лексических единиц и синтаксических конструкций, несвойственных стилю данного текста (в т.ч. «канцелярит» и сложные стилистические построения в публицистике, разговорная лексика и отрывистый синтаксис в научном тексте и т. п.)
	2. Калькирование	Коммуникативно необусловленное копирование элементов лексического содержания и/или синтаксической организации оригинала	Использование лексики и/или синтаксических конструкций, в целом не противоречащих смысловому содержанию и стилю оригинала, но неудачных с точки зрения частотности/освоенности в ПЯ

2.1. Нарушения в передаче функционально-стилевых/жанровых особенностей текста оригинала

Характер ошибки:

В тексте перевода используются лексические или грамматические единицы, принадлежащие иному функциональному стилю, чем содержащее их высказывание или весь текст, причем в оригинале такого стилистического стыка не содержится.

Пример 1:

The Special Committee is happy to note that the Secretariat's valuable practice of holding daily meetings of the committee secretaries where procedural questions arising from day to day in the General Assembly and committees are thoroughly examined.

Специальный комитет с радостью отмечает существование в Секретариате полезной практики ежедневно созывать совещания секретарей комитетов, на которых тщательно обсуждаются вопросы процедуры, изо дня в день возникающие в Генеральной Ассамблее и в комитетах.

Комментарий:

Обиходно-бытовые обороты «с радостью» и «изо дня в день» противоречат официально-деловому стилю, присущему переводимому документу. Следует также иметь в виду, что, как отмечает П.Р. Палажченко: «Английское слово *happy* – не совсем то же, что русское «счастливый». Скорее оно означает «довольный». “Are you happy here?” – “Тебе здесь нравится?”» (П.Р. Палажченко, «Мой несистематический словарь» – М.: Р.Валент, 2002, стр. 195).

Исправленный вариант:

Специальный комитет с удовлетворением отмечает существование в Секретариате полезной практики ежедневно созывать совещания секретарей комитетов, на которых тщательно обсуждаются вопросы процедуры, постоянно возникающие в Генеральной Ассамблее и в комитетах.

Пример 2.

CONTRACTOR certifies that its ПОДРЯДЧИК удостоверяет, что subcontractors and all parties who have его субподрядчики и все лица, performed the Work covered by the выполнившие Работы, Contract, or any amendment, предусмотренные Контрактом либо modification or variation thereto, какими-либо изменениями, whether pursuant to oral or written дополнениями к Контракту или agreement or otherwise, have been paid отклонениями от него, in full. совершенными в соответствии с устными или письменными соглашениями или **как-нибудь еще,** получили **оплату сполна.**

< 110 >

Комментарий:

Выделенные обороты также контрастируют с официально-деловым стилем контракта. Может сложиться впечатление, что иностилевые единицы в подобных случаях повышают экспрессивность переводимого высказывания или текста, а, следовательно, скорее относятся к ошибкам, описанным ниже (3.1.2 – раздел «Усиление экспрессии»). Однако повышение экспрессивности – это лишь следствие стилистического контраста.

Исправленный вариант:

ПОДРЯДЧИК удостоверяет, что его субподрядчики и все лица, выполнившие Работы, предусмотренные Контрактом либо какими-либо изменениями, дополнениями к Контракту или отклонениями от него, совершенными в соответствии с устными или письменными соглашениями либо иным образом, получили все причитающееся им вознаграждение.

Пример 3:

Orhan Pamuk is Turkey's most famous modern writer. His novels have been translated into dozens of languages and he has picked up enough literary awards for him to be mooted as a potential Nobel Prize winner.	Орхан Памук – один из самых известных турецких писателей современности. Его романы переводятся на десятки языков, и он получил достаточно литературных наград, чтобы говорить о нем как о претенденте на Нобелевскую премию.
---	---

Комментарий:

Как можно заключить по стилю приведенного высказывания, оно взято из текста, не отличающегося книжной или официально-деловой окрашенностью. Русская же конструкция «достаточно... чтобы» (в отличие от формально сходного оборота *enough... to do smth.*) обладает именно этой стилистической характеристикой, в результате чего возникает стилистический контраст, отсутствующий в оригинале.

Хотя, на первый взгляд, формальное совпадение русской и английской конструкции в данном случае позволяло бы отнести этот пример к случаям, рассмотренным в разделе 2.2 («Калькирование»), главная причина,

позволяющая квалифицировать этот случай как ошибку, – именно стилистическое несоответствие.

< 111 >

Исправленный вариант:

Орхан Памук – один из самых известных турецких писателей современности. Его романы переводятся на десятки языков, а полученные им литературных награды так многочисленны, что вполне можно говорить нем как о претенденте на Нобелевскую премию.

Пример 4:

As the number of major natural and environmental disasters has increased, efforts to enhance the coordination of United Nations responses to them have included the launch of three major inter-agency appeals – for hurricane Mitch and for the floods in Bangladesh and China.	Число крупных стихийных бедствий увеличивается, и усилия по совершенствованию координации действий Организации Объединенных Наций, вызванных этими бедствиями, включали принятие трех крупных межучрежденческих призывов в связи с ураганом «Митч» и наводнениями в Бангладеш и в Китае.
--	---

Комментарий:

Предлагаемый вариант перевода представляется неудачным потому, что для официально-делового стиля русского языка характерна недвусмысленная

выраженность причинно-следственных связей, сочинительный же союз *и* способен лишь имплицировать такую связь. Кроме того, в указанном стиле наблюдается преобладание отглагольных существительных над глаголами.

Исправленный вариант:

Усилия по совершенствованию координации деятельности Организации Объединенных Наций в связи с увеличением числа крупных стихийных и экологических бедствий включали принятие трех крупных межучрежденческих призывов в связи с ураганом «Митч» и наводнениями в Бангладеш и в Китае.

2.2. Калькирование

Характер ошибки:

Формально точное воспроизведение грамматических структур оригинала и использование словарных соответствий лексических единиц вместо необходимой контекстуальной замены приводит к нарушению нормы или узуса языка перевода, немотивированному затруднению восприятия переведенного высказывания или текста или к не предусмотренным оригиналом двусмысленностям.

< 112 >

Пример 1:

Since 1991, and through all the 1990s, Ukraine was the sole transit country upon which Russia had to rely. The sensitivity of this situation has been highlighted recently by the
Начиная с 1991 г. и на протяжении всех 1990-х годов Украина была единственной страной транзита, на которую Россия должна была полагаться. **Чувствительность**

political turmoil surrounding the **этой ситуации выдвинулась на**
presidential elections in Ukraine. **первый план** недавно в результате
политических беспорядков,
сопровождаявших президентские
выборы на Украине.

Комментарий:

Неудачным представляется не только выбор контекстуального эквивалента слова *sensitivity* («чувствительность»), но и возникающая из-за этого сочетаемость: «чувствительность ситуации», «чувствительность... выдвинулась на первый план». (Самое общее значение слова «чувствительность» – повышенная восприимчивость, что никак не может быть свойством ситуации). Предложение: «Украина была единственной страной транзита, на которую Россия должна была полагаться» представляет собой случай лексико-семантической кальки, которые будут рассмотрены ниже.

Исправленный перевод:

1) Начиная с 1991 г. и на протяжении всех 1990-х годов Украина была единственной страной через которую осуществлялся транзит российского газа. Ненадежность такого положения стала очевидна в во время недавних президентских выборов на Украине, сопровождавшихся беспорядками.

Пример 2:

To apply to any bank or banking **Обращаться в банки или**
institution for opening of a banking **банковские учреждения в целях**
account or accounts and to open, **открытия банковского счета или**
operate or close any banking account or **счетов,** открывать или закрывать

accounts and to sign cheques for the **банковский счет или счета** и purpose of the business of the распоряжаться ими, подписывать Company and endorse on behalf of the чеки в целях деятельности Company any cheques drafts or other Компании, а также индоссировать от negotiable instruments which the ее имени любые чеки, тратты и иные Attorney may deem necessary or оборотные инструменты, которые, proper to the Company's affairs. по мнению Доверенного лица, будут необходимы или уместны для дел Компании.

Комментарий:

В переводе буквально воспроизведено употребление одного и того же существительного в единственном и множественном числе

< 113 >

в качестве однородных членов (избыточность, свойственная не только юридическим текстам на английском языке, но и текстам иных коммуникативных сфер), что затрудняет восприятие читателя, поскольку ему приходится вдумываться в причины такого необычного (для русского языка) повтора.

Исправленный перевод:

Обращаться в банки или банковские учреждения в целях открытия банковских счетов, открывать или закрывать банковские счета и распоряжаться ими, подписывать чеки в целях деятельности Компании, а также индоссировать от ее имени любые чеки, тратты и иные оборотные

инструменты, которые, по мнению Доверенного лица, будут необходимы или уместны для дел Компании.

Пример 3:

The differences between India and Pakistan are not irreconcilable. Противоречия между Индией и Пакистаном **не непримиримы.**

Комментарий:

В переводе наблюдается столкновение отрицательной частицы с отрицанием в начале слова («не – не»), что недопустимо по нормам русского языка.

Исправленный перевод:

Противоречия между Индией и Пакистаном не так уж неразрешимы (вариант при помощи антонимического перевода: «вполне поддаются разрешению»).

Пример 4:

Russia is in the throes of an economic disaster. Seven years of depression have halved its gross domestic product, decimated its banking system and currency, eroded essential infrastructure of modern life and left the state bankrupt and saddled with more than \$150 billion of foreign debt. Россия **корчится в муках** экономической катастрофы. **Семь лет депрессии** наполовину **сократили её ВВП,** **подкосили банковскую систему и валюту,** **разрушили её жизненно необходимые инфраструктуры** современной жизни и **оставили государство в состоянии**

**банкротства, обременённым
150-миллиардным зарубежным
долгом.**

Комментарий:

Из-за формально точного воспроизведения предложения с подлежащим, имеющим обстоятельственное значение, подлежащее

< 114 >

и сказуемые оказались семантически рассогласованы («семь лет... сократили ВВП, подкосили валюту» и пр.). Отметим также повышение экспрессивности в первом предложении вследствие передачи фразеологизма его точным словарным соответствием («Россия корчится в муках экономической катастрофы» – см. раздел 3.1.2) и неудачную сочетаемость, вызванную этим словарно точным воспроизведением («муки катастрофы»: лексическая калька).

Исправленный перевод:

Россию постигло тяжелое экономическое бедствие. В результате растянувшегося на семь лет экономического кризиса наполовину сократился ее ВВП, пострадала банковская система, валюта, жизненно необходимые инфраструктуры. Государство, обремененное зарубежным долгом в размере 150 млрд. долларов, фактически разорено.

Пример 5:

The meetings of the General Заседания Генеральной
Assembly and its Main Committees Ассамблеи и ее главных комитетов

shall be held in public unless the organ concerned decides that exceptional circumstances require that the meeting be held in private. должны быть открытыми, за исключением тех случаев, когда какой-либо из этих органов решает, что **чрезвычайные обстоятельства требуют**, чтобы его заседание было закрытым.

< 115 >

Комментарий:

Лексико-синтаксический механизм – тот же, что и в предыдущем примере (сохранена структура предложения с подлежащим, имеющим обстоятельственное значение – в данном случае, причинным обстоятельством). В результате структура предложения неоправданно усложнилась, что затрудняет ее восприятие.

Исправленный перевод:

Заседания Генеральной Ассамблеи и ее главных комитетов должны быть открытыми, за исключением тех случаев, когда какой-либо из этих органов решает, что ввиду исключительных обстоятельств его заседание должно быть закрытым.

Пример 6:

Hawke is enmeshed in what is rapidly becoming one of Australia's biggest political scandals. Хоук замешан в **то, что** быстро становится одним из крупнейших политических скандалов в истории Австралии.

Комментарий:

Формально точное воспроизведение придаточного, вводящегося конденсированными относительными словами (КОС – термин А.И. Смирницкого). Подробнее о подобных конструкциях – см. во вступительной статье.

Исправленный перевод:

Хоук оказался причастен к истории, которая быстро становится одним из крупнейших политических скандалов в истории Австралии.

Пример 7:

The widening net of immunisation	Как	сообщается	в
and better primary health care are	опубликованном	вчера	докладе ООН,
improving the lives of children in	расширяющаяся		система
developing countries, according to a	иммунизации и более совершенная		
United Nations report published	первичная медицинская помощь		
yesterday.	улучшают	жизнь	детей в
			развивающихся странах.

Комментарий:

Еще один случай точной передачи предложения с обстоятельством в роли подлежащего (см. примеры 4-5 в разделе II.2). Здесь переводчик не учел еще и необходимость номинализации определения при существительном, о чем, пишет, в частности, Е.В. Бреус, отмечающий эту закономерность при переводе тех определений, «которые означают переход в количественно или качественно иное состояние и выражены посредством прилагательных в сравнительной степени и причастий I и II типа: *shorter working hours, shrinking*

work force, reduced production» (Е.В. Бреус, «Курс перевода с английского языка на русский. Учебное пособие» – М.: Р.Валент, 2007 – стр. 159). В данном примере присутствует и определение, выраженное причастием I типа (*widening net*), и определение, выраженное прилагательным в сравнительной степени (*better primary health care*). Чаще всего такие сочетания при переводе на русский преобразуются в сочетания отглагольного существительного с определением, выраженным существительным в косвенном падеже.

Исправленный перевод:

Как сообщается в опубликованном вчера докладе ООН, благодаря расширению системы иммунизации и совершенствованию первичной медицинской помощи положение со здоровьем детей в развивающихся странах улучшается.

< 116 >

Пример 8:

The [Central] Council [of the University] is responsible for the disbursement of over half a million dollars of mandatory activity money among almost 100 student groups. The groups funded range from the ASP to WSUA, to University Concert Board, Speakers Forum, academic groups, the entire intercollegiate athletic program and even this book.

Совет распределяет студенческие отчисления на внеаудиторную деятельность, составляющие более 500 000 долларов, между студенческими группами. Финансируемые таким образом группы, которых насчитывается около 100, включают организации от студенческой газеты ASP до радиостанции WSUA и до

Управления концертной
деятельностью, «Форума ораторов»,
научных кружков, единой
университетской спортивной
программы и даже издательского
коллектива этой брошюры.

Комментарий:

Сложный предлог «от... до» в русском языке может быть только двухкомпонентным. Калькирование английского предлога с тем же значением («от... до... до») приводит к нарушению нормы русской грамматики.

Исправленный перевод:

Совет распределяет студенческие отчисления на внеаудиторную деятельность, составляющие более 500 000 долларов, между студенческими организациями. В университете существует около 100 таких организаций. К их числу относятся студенческая газета ASP, радиостанция WSUA, Управление концертной деятельностью, «Форум ораторов», научные кружки, единая университетская спортивная программа и даже издательский коллектив этой брошюры.

3. Нарушения, связанные с передачей коннотации

Категория	Характер нарушений	Сущность нарушений	Методическое описание
I. Неточная передача экспрессивного фона оригинала	1. Ослабление экспрессии	Немотивированное использование экспрессивно более слабых средств, чем предусмотрено оригиналом	Выбор нейтральных эквивалентов вместо экспрессивно окрашенных, передача маркированных (авторских) выражений немаркированными (общезыковыми)
	2. Усиление экспрессии	Немотивированное использование экспрессивно более сильных средств, чем предусмотрено оригиналом	Выбор экспрессивно окрашенных эквивалентов вместо нейтральных, передача немаркированных (общезыковых) выражений маркированными (авторскими), в т.ч. искажение актуального членения, приводящее к экспрессивной инверсии, дословный перевод фразеологических оборотов и т. п.
II. Искажение оценки		Немотивированное искажение оценочности, заложенной в ТО	Нейтрализация объективно выраженной оценочности
			Создание оценочности при отсутствии объективно выраженной оценочности в ТО
			Искажение характера оценочности (замена положительной оценки на отрицательную, ироничной на критическую и т. п.)

3.1. Неточная передача экспрессивного фона оригинала

Характер ошибки:

Использование в переводе языковых средств, вызывающих немотивированное ослабление или усиление экспрессивного эффекта высказывания, приводит к искажению экспрессивного фона текста в переводе.

3.1.1. Ослабление экспрессии

Пример 1:

“Conversion” evokes images of defense plants shifting from production of swords to ploughshares, or from troopships to trolleys. При слове «конверсия» в воображении возникают заводы, где перековывают мечи на орала или **передельывают военный транспорт в тележки для супермаркетов.**

Комментарий:

Подбор лексики в выражении *from troopships to trolleys* определяется не семантикой входящих в него единиц, а звуковой формой: мы имеем дело с анафорической аллитерацией, столь свойственной английскому языку, создающей экспрессивный эффект, который в данном случае оказывается важнее денотативного значения, а следовательно, подлежит передаче при переводе (подробнее см. В.К. Ланчиков, «К вопросу о передаче аллитерации при переводе англоязычной прозы»– «Тетради переводчика», вып. 25, М.: МГЛУ, 2004).

Исправленный перевод:

При слове «конверсия» в воображении возникают заводы, где перековывают мечи на орала или танки на санки.

Пример 2:

One of the most important, as well as the most aesthetically compelling, of all equation of time wristwatches is by Audemars Piguet. The Jules Audemars Equation of Time is perhaps one of the most technically accurate and interesting of all EOT wristwatches. Its elegant marriage of astronomical complications is virtually unsurpassed.

Особое место в этом ряду занимает «Жюль Одемар уравнение времени». Это одна из самых совершенных моделей такого рода – совершенных как с технической, так и с эстетической точки зрения. **Изящное сочетание** астрономических усложнений в этих часах не имеет себе равных.

< 119 >

Комментарий:

Пример заимствован из текста полурекламного характера, что заставляет переводчика обращать особенно пристальное внимание на сохранение экспрессивного фона оригинала. Перевод сочетания *its elegant marriage* как «изящное сочетание» – отказ от передачи метафоры, что приводит к снижению экспрессивности, создаваемой метафорой.

Исправленный перевод:

Особое место в этом ряду занимает «Жюль Одемар уравнение времени». Это одна из самых совершенных моделей такого рода – совершенных как с технической, так и с эстетической точки зрения. Изысканный букет усложнений в этих часах не имеет себе равных.

Пример 3:

After meeting with U.S. Defense Secretary William Cohen, Michael Portillo, the British defense minister explained why Russia should learn to stop worrying and love NATO expansion: “Perhaps the most important element of all in the new security architecture is the existence of so many democratic countries, because democratic countries do not go to war with each other.”

После встречи с министром обороны США Уильямом Коэном министр обороны Великобритании Майкл Портилло объяснил, почему России не стоит бояться расширения НАТО, а **принять его с готовностью**: «Пожалуй, самый существенный элемент сложившейся на сегодня системы безопасности – многочисленность демократических государств, ибо демократические государства друг с другом не воюют».

Комментарий:

В авторской ремарке содержится аллюзия на фильм Стенли Кубрика “Dr Strangelove, or How I Learned to Stop Worrying and Loved the Bomb”. Использование заглавия фильма, представляющего собой антивоенную сатиру, и уравнивание лексических единиц *bomb* и *Nato expansion* за счет синтаксического параллелизма (*love the bomb – love Nato expansion*) показывает ироническое отношение автора к высказыванию министра обороны Великобритании. При переводе экспрессивная оценка оказалась не проявлена.

Исправленный перевод:

После встречи с министром обороны США Уильямом Коэном министр обороны Великобритании Майкл Портилло объяснил, почему Россия должна не

Разумеется, Линдсей – умелый политик и воздержится от слишком поспешных и опрометчивых действий, способных нанести вред Республиканской партии.

Пример 2.

The reform is still in danger of being amended out of all recognition. Есть опасность, что реформу **испоправляют** до неузнаваемости.

Комментарий:

В статье, ставшей источником этого примера, поясняется: «Употребление глагола в адвербиальной функции (когда глагол выражает не столько действие, сколько способ его осуществления) свойственно английскому языку и относительно часто встречается в публицистическом стиле. А значит, функция такого употребления в основном информативная и лишь в незначительной степени экспрессивная» (Д.М. Бузаджи, «Векторы смысла. О функциональном подходе

< 121 >

к переводу» – «Мосты», № 3(19)/2008, стр. 45). Использованный при переводе неологизм в силу своей необычности обладает более сильным экспрессивным зарядом, чем соответствующая единица оригинала.

Исправленный вариант:

Есть опасность, что реформу изменят поправками до неузнаваемости.

Пример 3.

A study recently completed by the United Nations University shows that countries that are afflicted by war, typically also suffer from inequality among domestic social groups. Результаты исследования, недавно проведенного Университетом Организации Объединенных Наций, показывают, что в странах, испытавших на себе бедствия войны, как правило, существует и неравенство среди социальных групп.

Комментарий:

В словаре “Webster’s Third New International Dictionary” глагол *to afflict* сопоставляется с синонимичными глаголами *torture, torment, rack, grill, try*. Его отличие, как сказано в статье, состоит в следующем: “AFFLICT is a general term that is applicable to most situations involving distress or difficulty. It is often interchangeable with the following words although it lacks their more specific suggestions and stresses the fact of affliction rather than the manner”. Употребленный в переводе эквивалент в силу своей излишней конкретности наделен более сильным экспрессивным зарядом, чем исходная лексическая единица. Добавим, что контекст никаких оснований для экспрессивной конкретизации не дает.

Исправленный вариант:

Результаты исследования, недавно проведенного Университетом Организации Объединенных Наций, показывают, что в странах, где ведутся войны, как правило, существует и неравенство среди социальных групп.

3.2. Искажение оценки

Характер ошибки:

В переводе используются языковые средства, вызывающие нейтрализацию объективно выраженной оценочности, создание оценочности при отсутствии объективно выраженной оценочности в оригинале или

< 122 >

искажение характера оценочности (замена положительной оценки на отрицательную, ироничной на критическую и т. п.).

Пример 1:

The more you read and observe about this politics thing, you got to admit that each party is worse than the other. Чем больше читаешь о политике и наблюдаешь за ней, тем лучше понимаешь, что каждая из двух партий хуже другой.

Комментарий:

Поясняя различие слов *politics* и *policy*, П.Р. Палажченко отмечает: «*Politics* – это политическая борьба (не всегда в отрицательном значении; когда из контекста ясно, что значение именно отрицательное, можно переводить «политиканство»), а *policy* – это политическая линия, политическая стратегия» (П.Р. Палажченко, «Мой несистематический словарь» – М.: Р.Валент, 2002, стр. 217). В рассматриваемом примере негативная оценка явствует не только из смысла высказывания, но и из непосредственного окружения слова: *this politics thing*.

Исправленный вариант:

Чем больше читаешь о политической возне и наблюдаешь ее в действительности, тем лучше понимаешь, что каждая из двух партий хуже другой.

Пример 2:

Yesterday, Britain's ambassador to	Вчера посол Великобритании в
Germany, Sir Peter Torry, suggested	Германии сэр Питер Торри высказал
that relations between the two had	предположение, что отношения
suffered because of the demise of the	между двумя странами охладели
traditional pen-pal.	из-за прекращения банальной
	переписки.

Комментарий:

Проявившаяся в переводе отрицательная оценочность отсутствует в семантике лексической единицы и не имеет оснований в контексте.

Исправленный вариант:

Вчера посол Великобритании в Германии сэр Питер Торри высказал предположение, что отношения между двумя странами охладели из-за того, что у англичан и немцев ушла в прошлое традиция заводить друзей по переписке.

4. Нарушения, связанные с нормой и узусом переводящего языка

Эта группа ошибок не требует подробного разъяснения, поэтому мы представим их только в виде таблицы.

Категория	Сущность нарушений	Характер нарушений	Методическое описание
I. Нарушения орфографии и пунктуации	1. Орфографические ошибки	Употребление вариантов написания, противоречащих норме ПЯ	(см. словари, справочники)
	2. Пунктуационные ошибки	Употребление знаков препинания, противоречащее норме ПЯ	(см. справочники)
II. Нарушения при передаче имен собственных	1. Искажения при передаче имен собственных, имеющих традиционные соответствия в ПЯ	Немотивированный отказ от передачи имени собственного традиционным образом	В т.ч. выбор менее обоснованного варианта при наличии разных традиций
	2. Искажения при передаче имен собственных, не имеющих традиционных соответствий в ПЯ	Выбор неверного способа передачи имени собственного	В т.ч. немотивированное воспроизведение имени собственного в графической форме, принятой в ИЯ; неверный выбор между транскрипцией, транслитерацией и транспозицией; перевод названий компаний и т. п.
III. Ошибки, связанные с очевидными нарушениям лексических и грамматических норм ПЯ	Использование слов, словоформ, словосочетаний, конструкций, не соответствующих прескриптивной норме ПЯ		В т.ч. неправильное согласование деепричастий, использование неправильного падежа, неправильного управления глаголов, неправильных предлогов и т. п.

IV. Нарушения при передаче специфических видов данных		Сохранения узувальных особенностей оригинала при оформлении специфических видов данных	В т.ч. нарушения при передаче знаков десятичной дроби и разделителей разрядов, дат и суточного времени, мер и весов и т. п.
V. Нарушения требований оформления, предъявляемых к данному типу текстов		Несоблюдение требований, предъявляемых к оформлению того или иного типа текстов регламентирующими документами, конкретным работодателем, заказчиком и. т. д.	(см. соответствующие документы)

Пояснительная записка

1. За каждый вид нарушений начисляется определенное количество штрафных баллов. Количество штрафных баллов, соответствующее тому или иному типу нарушения, может быть определено в соответствии со спецификой программы конкретного учебного заведения. Рекомендуется оценивать нарушения в таблицах I, II, III и IV в порядке уменьшения серьезности. Рекомендуется за нарушения категории I в таблице I начислять большее количество штрафных баллов, чем за нарушения категории II. В случае если ошибка в ТП подходит под описание двух и более типов нарушений, следует расценивать ее как самое серьезное из соответствующих ей нарушений.
2. Не считаются за отдельное нарушение полные повторения одной и той же ошибки, а также ошибки, возникшие в результате совершенной выше по тексту смысловой ошибки.
3. В программе курса перевода следует определить оценочные показатели для контрольных письменных переводов, т.е. указать максимально допустимое количество штрафных баллов, при которых выставляются оценки «отлично», «хорошо» и «удовлетворительно» (можно оговорить не только общее количество штрафных баллов, но и максимально допустимые показатели отдельных категорий ошибок). Оценочные показатели устанавливаются для текстов заданного стандартного объема.

ТЕСТ С ВЫБОРОМ ОТВЕТА

Для осуществления контроля в ходе обучения может быть использована не только традиционная форма контрольной работы – перевод, выполняемый учащимися в аудитории, – но и тест с выбором ответа. Важно отметить, что подобный тест может выступать лишь как вспомогательное средство контроля и не должен полностью заменять собой контрольный перевод в аудитории. Ниже предлагается образец теста. Последний раздел предусмотрен для тех случаев, когда программа учебного заведения включает курс теории перевода.

УСЛОВИЯ ПРОВЕДЕНИЯ И КРИТЕРИИ ОЦЕНОК

На выполнение заданий предоставляется 1,5 астрономических часа. В ходе работы разрешается пользоваться словарями, таблицами практической транскрипции и другими справочными пособиями.

Критерии оценки:

Каждый правильный ответ в разделах I и III оценивается в 1 балл.

В разделе II каждый ответ оценивается по трехбалльной шкале:

3 балла – указанное в задании явление передано верно, в переводе нет смысловых и стилистических ошибок;

2 балла – указанное в задании явление передано верно, перевод содержит стилистические погрешности;

1 балл – указанное в задании явление передано верно, перевод содержит смысловые неточности, не искажающие общего смысла ситуации

0 баллов – указанное в задании явление передано неверно и/или перевод содержит смысловые ошибки, искажающие общий смысл ситуации

Таким образом, если все задания выполнены правильно, студент может набрать 70 баллов.

Оценка «отлично» выставляется при набранных 70-60 баллах (из них не менее 20 за задания из раздела II).

Оценка «хорошо» – при сумме баллов не менее 45 (из них не менее 15 за задания из раздела II).

Оценка «удовлетворительно» – при сумме баллов не менее 30 (из них не менее 10 за задания из раздела II).

Оценка «неудовлетворительно» – при сумме баллов менее 30 и/или менее 10 за задания из раздела II.

< 127 >

ЗАДАНИЯ

I. Лексические проблемы перевода

Задание №1

Переведите на русский язык в соответствии с современными правилами передачи имен собственных. Укажите способ передачи (прямой графический перенос, транскрипция, транслитерация, транспозиция, перевод).

1. Paul Mathews (англичанин)
2. Games Association (компания)
3. Charles II (король)
4. American Economic Association (организация)
5. Shimazu Tadayoshi (японец)
6. Pius IX (папа римский)
7. Massachusetts Institute of Technology (учебное заведение)
8. Jiang Zemin (китаец)
9. USA Today (газета)
10. St. Jerome (святой)

Задание №2

Укажите случаи, где предложенный вариант перевода относится к разряду ложных друзей переводчика, и дайте свои варианты перевода.

1. police **officer** – офицер
2. illegal **narcotics** – наркотики
3. **aggressive** advertising – агрессивный
4. **dramatic** drop (in something) – драматический/драматичный
5. **revolutionary** approach – революционный
6. **anecdotal** information – анекдотический
7. **extravagant** praise – экстравагантный
8. **polar** views – полярный
9. **polar** bear – полярный
10. sixth-form **student** – студент

< 128 >

II. Грамматические проблемы перевода

Задание №1

Переведите на русский язык. Обратите особое внимание на актуальное членение высказываний.

1. Agents from Iran have been caught trying to obtain materials and technology in Britain to build nuclear weapons abroad, it emerged yesterday.
2. Studies of hospital infections find that junior workers are most likely to wash their hands properly. It is doctors who are most likely to forget this chore.

Задание №2

Переведите на русский язык. Обратите особое внимание на передачу однородных членов.

1. Joe DiMaggio was tall, handsome, splendidly talented, and a champion.

2. The windows of the house were many, tall and narrow.

Задание №3

Переведите на русский язык. Обратите особое внимание на передачу пассивного залога.

1. Six months after he spent six hours talking to Saddam Hussein in Baghdad and gained the release of 250 American hostages, the Rev. Jesse Jackson has still not been interviewed by any major US television network.

2. The Dangerous Sports Club belonged to a point in history when the bulk of geographic exploration had been done, both poles had been reached, the sound barrier breached, Everest climbed and the Moon walked on.

Задание №4

Переведите на русский язык. Обратите особое внимание на передачу подлежащего с обстоятельственным значением.

1. Paradoxically, the ending of the Cold War has not seen a reduction in either personnel or budget of the Secret Intelligence Service.

2. The main block of the boarding school houses the boys' dormitories, dining rooms and exercise room.

< 129 >

Задание №5

Переведите на русский язык. Обратите особое внимание на передачу временных придаточных предложений.

1. Just before his speech, President Ronald Reagan got stuck in an overloaded elevator for nearly a minute before a security guard employed by the United Nations could pry the door open.

2. Cuba suffered its worst hurricane in more than 50 years when gusts of up to 125 mph battered the island, killing five people and destroying tens of thousands of homes.

III. Теоретические проблемы перевода

Задание №1

Оцените и поясните обоснованность отступления от формы оригинала и, где возможно, укажите тип произведенной переводческой трансформации (генерализация, конкретизация, целостное преобразование, антонимический перевод, компенсация, опущение).

1.

One reason Krug costs so much is because of the firm's dogged refusal to depart from traditional production methods and materials.	Высокая цена шампанского «Круг» объясняется среди прочего тем, что фирма
---	--

	упорно держится за традиционные материалы и методы производства.
--	---

2.

In [Vassily] Rozanov one fears one has got a pup out of the Dostoievsky kennel .	В Розанове мы узнаём, кажется, ещё одну птицу из стана Достоевского .
---	--

3.

The general so far laid aside the dignity appropriate to a Confederate officer of high rank and wide renown as to smile.	Генерал снизошёл до того, что пренебрёг чувством собственного достоинства, которым славились все высшие чины армии конфедератов, и улыбнулся.
--	---

< 130 >

4.

It is not a man's duty, as a matter of course, to devote himself to the eradication of any, even the most enormous wrong; he may still properly have other concerns to engage him; but it is his duty, at least, to wash his hands of it , and, if he gives it no thought longer, not to give it practically his support.	Человек не обязан непременно посвятить себя искоренению даже самого большого зла; он имеет право и на другие заботы; но долг велит ему хотя бы сторониться зла и если не думать о нем, то не оказывать поддержки.
--	--

5.

Twenty years ago I used to write what I thought was a very funny television column under the pseudonym Tom Castro.	Двадцать лет тому назад я под псевдонимом Том Кастро вел в одной газете очень смешную рубрику о телевидении.
---	--

6.

“You’ve been reading Nietzsche till you haven’t got any sense of moral proportion left. May I ask if you are governed by any laws of conduct whatever?”	– Вы начитались Ницше, и у вас совсем нет представления о нормах нравственности. Могу я спросить – вы вообще какими-нибудь законами в жизни руководствуетесь?
--	--

7.

Lots of people believe that the dictionary is a Who’s Who of words. That it’s like Ivy League college admissions.	Многие считают, что словарь – что-то вроде зала славы для слов. Что попасть словарь – все равно, что поступить в какой-нибудь престижный университет .
--	---

8.

Perhaps we [in the UK] and the Americans should pay more attention to global gastronomy . We could form a food tank to	Пожалуй, нам и американцам стоит разнообразить свой рацион заморскими кушаньями . Давайте создадим меню, где будут представлены национальные кухни
---	---

wean the US off sugar and on to snails, squid and sushi .	всего мира, и пусть американцы поотвыкнут от блюд с большим содержанием сахара и пристрастятся к омарам, кальмарам и прочим суси .
--	---

< 131 >

9.

Germany yesterday became the first country in the European Union to grant constitutional rights to its animals. With a vote to insert just three words – “und die Tiere” (“and the animals”) – into the highest law of the land, parliamentarians effectively ordered the state to protect “the natural foundation of life” for animals as well as humans .	Вчера Германия стала первой страной Европейского союза, предоставившей конституционные права животным. Проголосовав за то, чтобы внести в верховный закон страны всего три слова: “und die Tiere” («и животные»), парламентарии фактически обязали государство защищать «природную основу жизни» в лице не только людей, но и животных .
--	---

10.

When once a woman has given you her heart, you can never get rid of the rest of her body .	Если уж женщина отдала тебе сердце, так ты никогда не избавишься и от всех прочих ее принадлежностей .
---	---

Задание №2

Выберите правильный ответ:

1. Прагматика перевода – это

- А. стиль перевода
- Б. смысл перевода
- В. соотношение перевода с его аудиторией и целью
- Г. полезность перевода для специалистов

2. Переводческие реалии – это

- А. объективные трудности текста, с которыми сталкивается переводчик
- Б. слова, не имеющие аналогов в языке перевода
- В. особенности собственного стиля переводчика
- Г. трудности, с которыми сталкивается читатель или слушатель перевода

3. Переводческими трансформациями называют

- А. замену глаголов отглагольными существительными
- Б. смысловые добавления
- В. замену сложноподчинённых предложений сложносочинёнными
- Г. преобразования текста при переводе в соответствии со свойствами языка перевода

4. Английский и русский язык имеют

- А. схожий набор типов придаточных предложений, совпадающих по частотности употребления
- Б. схожий набор типов придаточных предложений, различающихся по частотности употребления
- В. различный набор типов придаточных предложений
- Г. различный набор типов придаточных предложений с одинаковой частотностью употребления

5. Авторская оценка присутствует и должна воспроизводиться в переводе преимущественно

- А. в официально-деловых текстах
- Б. в художественных текстах
- В. в публицистических, научно-популярных текстах
- Г. Б и В.

6. Единица перевода – это

- А. слово
- Б. минимальная единица текста оригинала, которая переводится как единое целое
- В. мысль
- Г. предложение

7. Динамическая эквивалентность – это

- А. Соотношение оригинала и перевода, подразумевающее сходную реакцию на текст
- Б. Эквивалентные соотношения на уровне предложений
- В. Эквивалентные отношения на уровне текста
- Г. Эквивалентные соотношения на уровне слов

8. Стратегия в письменном переводе – это

- А. Его точность
- Б. Его цель
- В. Оптимальная точность, соотнесённая с целью перевода
- Г. Определение уровней приоритетности переводческих задач данного текста относительно друг друга

9. Аналитические пассивные конструкции в целом более свойственны

- А. Английскому языку
- Б. Русскому языку

- В.** В равной мере английскому и русскому языку
- Г.** Стилю художественной литературы

< 133 >

10. При переводе английских существительных, созданных по словообразовательным моделям, отсутствующим или редко используемым в русском языке, следует

- А.** Стараться воспроизвести ту же модель
- Б.** Передавать смысл фразы, содержащей слово, при необходимости прибегая к смысловому развитию и целостному преобразованию
- В.** Опускать эти слова
- Г.** Заменять эти существительные глаголами

КЛЮЧИ

I. Лексические проблемы перевода

Задание №1

1. Пол Мэтьюз (транскрипция)
2. «Геймз Ассоосиейшн» (транскрипция)
3. Карл II (транспозиция)
4. Американская экономическая ассоциация (перевод)
5. Симадзу Тадаёси (транскрипция)
6. Пий IX (транспозиция)
7. Массачусетский технологический институт (перевод)
8. Цзян Цзэминь (транскрипция)
9. «Ю-эс-эй Тудей» (транскрипция)
10. Св. Иероним (транспозиция)

Задание №2

1. полицейский/сотрудник полиции,
3. напористая/активная реклама
4. резкое падение
6. непроверенная/бессистемная информация
7. щедрые/обильные похвалы
9. белый медведь
10. ученик старших классов

< 134 >

II. Грамматические проблемы перевода

Задание №1

1. Перевод: «Как выяснилось (сообщалось/стало известно) вчера, в Великобритании арестовали **агентов спецслужб (шпионов) из Ирана**, пытавшихся (при попытке /прибывших в страну с целью) завладеть материалами и технологиями, необходимыми для изготовления ядерного оружия за границей».

Комментарий: Высказывание должно начинаться с источника сообщения (*it emerged, yesterday*), выражение *agents from Iran* является ремой и должно находиться в соответствующей позиции в конце предложения.

2. Перевод: «Исследования случаев инфекции (заражения) в больничных учреждениях показывают, что младший медицинский персонал, как правило, моет руки тщательно (редко пренебрегает правилами личной гигиены). Забывают же об этой обязанности (таком простом деле, как мытье рук) чаще всего врачи».

Комментарий: Английская эмфатическая конструкция (*it is... that...*) – показатель ремы. В курсах английского языка нередко рекомендуют переводить ее с помощью конструкции «именно + соответствующие слова». Однако нужно помнить, что вариант с «именно» обладает не столь высокой частотностью, как английская конструкция, и, кроме того, даёт подчеркнутое, эмфатическое выделение. (*«Именно врачи склонны забывать...») Тогда как английская эмфаза имеет информационно-грамматическую функцию. Поэтому по-русски достаточно поставить рематическую группу или слово в конец фразы – универсальный русский способ маркирования ремы.

Задание №2

1. Перевод: Джо Димаджио был высок ростом (высокий), красив собой (симпатичный), невероятно (безумно/потрясающе) талантлив, **и, кроме того, он был чемпионом**.

< 135 >

Комментарий: В предложении представлены морфологически разнородные однородные члены (прилагательные и существительное), при передаче *and a champion* необходима перестройка, обеспечивающая грамматическую связность в русском языке. Возможные варианты перевода: «Джо Димаджио был настоящим чемпионом: высоким, красивым и невероятно талантливым», «Джо Димаджио был высок, красив, потрясающе талантлив – одним словом, настоящий чемпион».

2. Перевод: «В доме было много **окон, высоких и узких**»

Комментарий: В предложении представлены морфологически разнородные однородные члены (прилагательные и числительное), при передаче *many, tall and narrow* необходима перестройка, обеспечивающая грамматическую связность в русском языке. Возможные варианты перевода: «Многочисленные окна этого дома были высоки и узки». Вариант «Окна дома были многочисленны, высоки и узки» неудачен, так как морфологически согласованные однородные члены разнородны семантически.

Задание №3

1. Перевод: «С тех пор как преподобный Джесси Джексон провел в Багдаде шестичасовые переговоры с Саддамом Хусейном и добился освобождения 250 американских заложников прошло уже полгода, **но пока ни один из крупных (ведущих) американских телеканалов не взял у него интервью**».

Комментарий: Сохранение в переводе пассивного залога («не был проинтервьюирован») приведет к искажениям стилистического характера, поскольку аналитический пассив такого рода в русском языке более характерен для официально-делового стиля.

2. Перевод: «“Клуб опасных видов спорта” появился (существовал) в то время (в ту эпоху/тот исторический период), когда **большинство географических открытий уже было совершено: человек добрался до обоих полюсов (покорил оба полюса),**

< 136 >

преодолеет звуковой барьер, взойдет на Эверест (достиг вершины Эвереста) и высадился на Луне».

Комментарий: Сохранение в переводе пассивного залога (за исключением первого случая), скорее всего, приведет к искажениям стилистического характера, поскольку аналитический пассив такого рода в русском языке более характерен для официально-делового стиля.

Задание №4

1. Перевод: «Как ни странно (парадоксально), **с окончанием холодной войны** ни бюджет, ни количество сотрудников (личный состав) разведслужб не сократились».

Комментарий: Формальное подлежащее оригинала функционально соответствует обстоятельству времени и при переводе должно быть передано обстоятельством.

2. Перевод: «**В главном корпусе школы-интерната** находятся спальни, столовые и спортзал».

Комментарий: Формальное подлежащее оригинала функционально соответствует обстоятельству места и при переводе должно быть передано обстоятельством.

Задание №5

1. Перевод: «Незадолго до своего выступления президент Рональд Рейган застрял в перегруженном лифте, **и только** примерно через минуту сотруднику службы безопасности ООН удалось открыть двери кабины».

Комментарий: Употребление в переводе союзов «прежде чем», «до того как» и т. п. будет ошибкой, так как в данном случае предшествование одного действия другому не предполагает того, что предшествующее действие было так или иначе необходимо для совершения последующего.

< 137 >

2. Перевод: «На Кубу обрушился самый страшный ураган за последние 50 с лишним лет (полвека с лишним): порывы ветра скоростью до 125 миль в час (желательно сделать пересчет – 55 м/с) разрушили десятки тысяч домов, пять человек погибло».

Комментарий: Действие в придаточном предложении не служит фоном для действия в главном предложении и не происходит одновременно с ним, а иллюстрирует его.

Возможный вариант перевода: «Ураган на Кубе разрушил десятки тысяч домов и унес

жизни пяти человек. Таких страшных ураганов, когда скорость ветра достигает 55 м/с, на острове не видели уже полвека».

III. Теоретические проблемы перевода

Задание №1

1. Отступление обоснованное. Сохранение формы («упорно не желает отказаться») содержит тот же смысл, что предложенный перевод, но выглядит многословнее и затрудняет восприятие, поскольку и нежелание и отказ содержат в себе одну и ту же сему отрицания. Использован антонимический перевод.
2. Отступление необоснованное. Замена образа привела к изменению оценочности (отчасти подсказанной пропавшим в переводе “one fears”). Использовано целостное преобразование (интергипонимическая замена).
3. Отступление обоснованное. Сохранение в переводе способа связи, имеющего причинное значение, привело бы к тому, что синтаксически связанные элементы («настолько... что») оказались бы разнесены в разные части предложения, что сделало бы его неудобочитаемым.
4. Отступление обоснованное. Сохранение русского фразеологического аналога («умыть руки») нежелательно, поскольку в русском фразеологизме во всех случаях присутствует сема ухода от ответственности, что плохо сочетается с велением долга, о котором говорится в предложении. Использовано целостное преобразование.
5. Отступление необоснованное. В переводе пропала ссылка на собственное мнение, причем использование глагола прошедшего

< 138 >

времени (“I thought”) имплицитно несогласие автора с этим мнением в настоящее время. Использовано опущение.

6. Отступление необоснованное. Опущение “of conduct” приводит к изменению смысла (в оригинале речь идет не о законах вообще, а о моральных устоях). Использована генерализация.
7. Отступление обоснованное. Смысл реалии, известной не всем русскоязычным читателям, раскрыт с помощью генерализации.
8. Отступления обоснованные. Экспрессивный компонент, создаваемый анафорической аллитерацией, свойственной английскому языку (“global gastronomy... snails, squid and sushi”), передан лексически и при помощи рифмы. Использована компенсация.
9. Отступление обоснованное. В оригинале, несмотря на союз, формально выражающий отношения сосуществования, логический акцент падает на первый элемент (“animals”).

10. Отступление необоснованное. В переводе пропало имплицитное противопоставление “heart/body”, лежащее в основе выразительности и афористичности высказывания. Использована генерализация. (Возможный вариант перевода: «Если женщина привяжется к тебе всей душой, то ты и от тела ее не отвяжешься»).

Задание №2

1. В
2. Б
3. Г
4. Б
5. Г
6. Б
7. А
8. Г
9. А
10. Б

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аполлова М.А. Specific English (Грамматические трудности перевода). – М.: Междунар. отнош., 1977.
2. Бархударов Л.С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. – М.: ЛКИ, 2008.
3. Берди М., Ланчиков В.К. Успех и успешность. Русская классика в переводах Р. Пивера и Л. Волохонской // «Мосты» № 1 (9). – М.: Р.Валент, 2006. – С. 18–31.
4. Брандес М.П., Провоторов В.И. Предпереводческий анализ текста: Учебное пособие для вузов. – 2 изд., испр., доп. – Курск : РОСИ, 1999, 2001.
5. Бреус Е.В. Курс перевода с английского языка на русский: Учебное пособие. – М.: Р.Валент, 2007.
6. Бузаджи Д.М. Векторы смысла. О функциональном подходе к переводу // Мосты 3(19)/2008. – М.: Р.Валент, 2008.
7. Бузаджи Д.М, Маганов А.С. Техника перевода: Сборник упражнений по переводу с английского языка на русский. Ч.1: Грамматические аспекты перевода. – М.: Р.Валент, 2007.
8. Бузаджи Д.М., Гусев В.В., Ланчиков В.К., Псурцев Д.В. Новый взгляд на классификацию переводческих ошибок. – М.: ВЦП, 2009.
9. Бурак А.Л. Translating Culture – I: Words. Перевод и межкультурная коммуникация – I: Слова. – М.: Р.Валент, 2010.
10. Бурак А.Л. Translating Culture: Перевод и межкультурная коммуникация. Этап 2: Семантика предложения и абзаца. – М.: Р.Валент, 2010.
11. Виноградов В.С. Перевод: Общие и лексические вопросы: Учебное пособие. – М.: Книжный Дом Университет, 2004.
12. Виноградов В.С. Введение в переводоведение. – М.: ИОСО РАО, 2001.

13. Влахов С.И., Флорин С. Непереводимое в переводе – 4-е изд. – М.: Р. Валент, 2009.
14. Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике: Сборник статей. – М.: Междунар. отношения, 1978.
15. Галь Н. Слово живое и мёртвое: от «Маленького принца до “Корабля дураков”». – М.: Междунар. отношения, 2001.
16. Гарбовский Н.К. Теория перевода. – М. Издательство МГУ, 2004.
17. Гиляревский Р.С., Старостин Б.А. Иностранные имена и названия в русском тексте: Справочник. – 3 изд., испр., доп. – М.: Высш.шк., 1985.
18. Ермолович Д.И. Имена собственные: теория и практика межъязыковой передачи: С приложением правил практической передачи имен и названий с 26 европейских и восточных языков. – М.: Р.Валент, 2005.

< 233 >

19. Клюкина Т.П., Клюкина-Витюк М.Ю., Ланчиков В.К. Политика и крылатика. – М.: Р.Валент, 2004.
20. Ковалева К.И. Оригинал и перевод: два лица одного текста. – М.: ВЦП, 2001.
21. Комиссаров В.Н. Теория перевода (Лингвистические аспекты). – М.: Высшая школа, 1990.
22. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение: Курс лекций – М.: ЭТС, 1999.
23. Кузьмин С.С. Идиоматический перевод с русского языка на английский: Теория и практика: Учебник. – М.: Флинта, 2004.
24. Ланчиков В.К. Памятник за языковым барьером // Мосты №2(5)/2005. – М.: Р.Валент, 2005.
25. Ланчиков В.К. Развитие художественного перевода в России как эволюция функциональной установки // Вестник Нижегородского

- государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Вып. 4. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2009.
26. Ланчиков В.К., Псурцев Д.В. Техника перевода: Сборник упражнений по переводу с английского языка на русский. Ч.2: Лексические проблемы перевода. Проблемы передачи экспрессивности. – М.: Р.Валент, 2007.
27. Латышев Л.К. Перевод: Проблемы теории, практики и методики преподавания. – М.: Просвещение, 1988.
28. Латышев Л.К. Технология перевода. – М.: Изд. центр «Академия», 2005.
29. Левицкая Т.Р., Фитерман А.М. Проблемы перевода: На материале современного английского языка.– М.: Междунар. отнош., 1976.
30. Лилова А. Введение в общую теорию перевода. – М.: Высш. школа, 1985.
31. Левый И. Искусство перевода. – М.: Прогресс, 1974. – 398 с.
32. Львовская З.Д. Современные проблемы перевода. – М.: ЛКИ, 2008.
33. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. – М.: Флинта, 2003.
34. Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т. Наука о переводе (история и теория с древнейших времен до наших дней). – М.: Флинта: МПСИ, 2006.
35. Палажченко П.Р. Мой несистематический словарь: Из записной книжки переводчика. – 6-е изд., стереотип. – М.: Р.Валент, 2006.
36. Палажченко П.Р. Несистематический словарь-2005. – М.: Р.Валент, 2005.
37. Паршин А. Теория и практика перевода. – М.: Русский язык, 2000.
38. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика: Очерки лингвистической теории перевода /Доп., коммент. Д.И.Ермоловича. – М.: Р.Валент, 2004.

39. Сдобников В.В., Петрова О.В.. Теория перевода. – М.: АСТ: Восток-Запад; Владимир: ВКТ, 2008.
40. Семко С.А., Калмыков В.А., Дубянко С.А. и др. Проблемы общей теории перевода. – Таллин: Валгус, 1988.
41. Тетради переводчика (научно-теоретический сборник). Вып. 1–26. М., 1963–2007.
42. Федоров А.А. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: ООО «Издательский Дом “ФИЛОЛОГИЯ ТРИ”», 2002.
43. Черняховская Л.А. Перевод и смысловая структура. – М.: Междунар. отнош., 1976.
44. Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. – М.: Наука, 1988.
45. Шеин А.И. Типология гипонимических преобразований при переводе с английского языка на русский: Автореф. дис. ... канд. филол. наук/ МГЛУ. – М.: 2009.
46. Яковлева М.А. Компенсация при передаче стилистически сниженных высказываний на разных уровнях текста: Автореф. дис. ... канд. филол. наук/ МГЛУ. – М.: 2008.
47. Baker M. *In Other Words*. – Abingdon: Routledge, 2008.
48. Bassnett S. *Translation Studies*. – London, New York: Rutledge, 2002.
49. Bielsa E., Bassnett S. *Translation in Global News*. – London, New York: Routledge, 2009.
50. *A Companion to Translation Studies*. / Ed. by P. Kuhiwczak and K. Littau. – Clevedon, Buffalo, Toronto: Multilingual Matters Ltd., 2007.

51. Chesterman A. *Memes of Translation: The Spread of Ideas in Translation Theory*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1997.
52. Gutt, E-A. *Pragmatic Aspects of Translation: Some Relevance-Theory Observations // The Pragmatics of Translation / Ed. by Leo Hickey / Topics in Translation: 12.* – Clevedon, Philadelphia, Toronto, Sydney, Johannesburg: Multilingual Matters Ltd. – 1998. – pp. 41-53.
53. Hatim B. *Teaching and Researching Translation.* – Harlow: Pearson Education Limited, 2001.
54. Hatim B., Munday J. *Translation: An Advanced Resource Book.* – London: Routledge, 2004.
55. *In Translation – Reflections, Refractions, Transformations / Ed. by P. St-Pierre and P.C. Kar.* – Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2007.
56. Newmark P. *A Textbook of Translation.* – Harlow: Pearson Education Limited, 2008.

< 235 >

57. Nida E., Taber C. *The Theory and Practice of Translation.* – Leiden: E.J. Brill, 1982.
58. Pym A. *Philosophy and Translation // A companion to translation studies // Topics in Translation 34 / ed. by Piotr Kuhiwczak and Karin Littau.* – Clevedon, Buffalo, Toronto: Multilingual Matters Ltd., 2007.
59. Pym A. *Translation and Text Transfer. An Essay on the Principles of Intercultural Communication.* – Tarragona: Intercultural Studies Group, 2010.
60. *Routledge Encyclopedia of Translation Studies / Ed. by Mona Baker.* – London, New York: Routledge, 2001.

61. Samuelsson-Brown G. A Practical Guide for Translators. – Clevedon, Buffalo, Toronto: Multilingual Matters Ltd., 2004.
62. Savory T., The Art of Translation. – London: Cape, 1957.
63. Sperber D., Wilson D. Relevance: Communication and Cognition. – Oxford: Blackwell Publishing, 2002.
64. Translating and Interpreting Conflict / Ed. by M. Salama-Carr. – Amsterdam, New York: Rodopi B.V., 2007.

Программное обеспечение и интернет-ресурсы:

1. АBBYY Lingvo 12 «Многоязычная версия» – электронные словари.
2. Многоязычный электронный словарь «МультиЛекс Делюкс 6»
3. Компьютерная версия словаря Macmillan English Dictionary
4. PROMT Expert 8.0 – система для профессионального перевода документов.
5. Система SDL Trados 2007 Freelance
6. multilex.mail.ru – двуязычные англо-русские и русско-английские словари, двуязычные специализированные словари, английские толковые словари, а также немецкие, французские, итальянские, испанские и др. словари.
7. slovari.yandex.ru – энциклопедические словари, словари русского языка и двуязычные словари Lingvo.
8. www.answers.com – поиск по английскому толковому словарю The American Heritage Dictionary of the English Language и ряду словарей и энциклопедий, включая «Википедию».
9. www.merriam-webster.com – словари издательства «Мерриам-Уэбстер».
10. www.ruscorgora.ru – Национальный корпус русского языка.
11. www.thinkaloud.ru – сайт о переводе и для переводчиков «Думать вслух».

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
I. ОСНОВЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА	
1. Сущность перевода	5
2. Инвариант перевода	20
3. Функциональная составляющая инварианта	27
4. Информативная составляющая инварианта	32
5. Формальная составляющая инварианта	39
6. Учет сочетаемости при переводе	48
7. Переводческие трансформации	61
II. МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ПЕРЕВОДА	
Методические рекомендации	75
1. Учебные материалы	76
2. Аудиторные занятия	79
3. Самостоятельная работа	86
4. Контроль	90
5. Средства обучения и наглядность	90
6. Разное	91
Критерии оценки перевода	93
1. Нарушения, связанные с денотативным содержанием текста	93
1.1. Искажение смыслового содержания оригинала	96
1.2. Снижение точности передачи смыслового содержания текста (смысловые неточности)	101
2. Нарушения, связанные с передачей стилистических черт оригинала	109
2.1. Нарушения в передаче функционально-стилевых / жанровых особенностей текста оригинала	110
2.2. Калькирование	112
3. Нарушения, связанные с передачей коннотации	118
3.1. Неточная передача экспрессивного фона оригинала	119
3.2. Искажение оценки	122
4. Нарушения, связанные с нормой и узусом переводящего языка	124
Пояснительная записка	125
Тест с выбором ответа	126
Задания	127
Ключи	133

Учебное издание

**ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ПЕРЕВОДА
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА**

Учебно-методическое пособие

Редактор С. В. Крусман

*Компьютерная верстка Г. П. Лопатиной
Дизайн обложки А. В. Алымова*

Подписано в печать 08.12.2010 г.
Объем 15,0 п.л. Формат 60x90/16. Тираж 150 экз.
Заказ № 744

Издательско-полиграфический комплекс МГЛУ
«РЕМА»

Адрес редакции:
Москва, Остоженка, 38
Тел.: 8(499)245 33 23
e-mail: ipk-mglu@rambler.ru